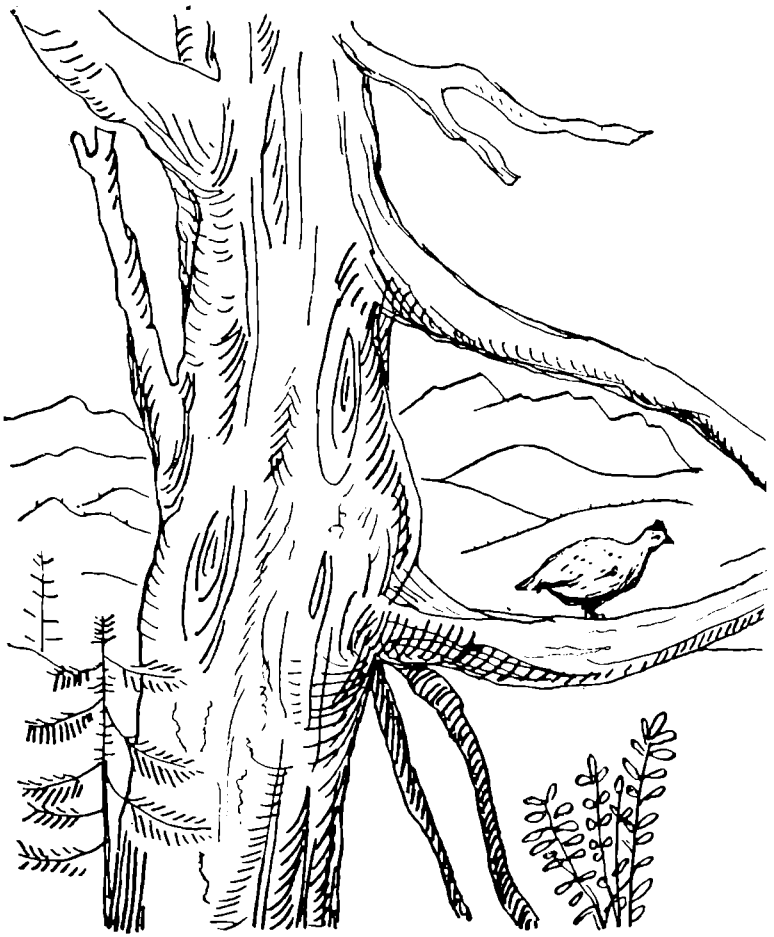
О.К.ГУСЕВ

В ГОРАХ СЕВЕРНОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

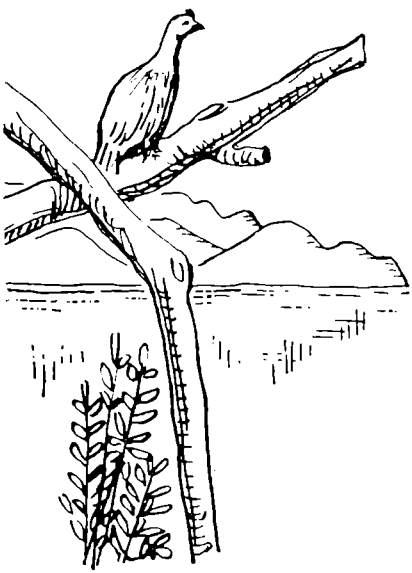


ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

О. К. ГУСЕВ

В ГОРАХ СЕВЕРНОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ

(ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА-НАТУРАЛИСТА)



ИЗДАТЕЛЬСТВО
социально-экономической
литературы
«МЫСЛЬ»
МОСКВА 1964

91(С18)
Г96

Автор, по специальности зоолог-орнитолог провел несколько летних полевых сезонов в горах, окружающих озеро Байкал. В книге описаны наиболее интересные маршруты экспедиции 1958 и 1959 гг. Читатель найдет в ней чарующие картины природы, очерки нелегких, порой героических будней горстки людей, страстно увлеченных своим делом. Интересны их откровенные беседы и рассказы, полные лиризма и романтики, о своей профессии и образе жизни, о том, какое счастье находит человек нашего времени, общаясь с природой. Велика и познавательная ценность книги: в ней содержится много интересных сведений о природе Прибайкалья, о жизни и повадках различных животных и многое другое.

ОТ АВТОРА

Сейчас, когда я пишу эту книгу, прошло уже больше четырех лет со времени нашего последнего путешествия по Байкальскому хребту. Но чем дальше удаляются в прошлое дорогие для нас дни экспедиций, тем чаще и чаще прекрасные воспоминания возвращают меня к этим местам.

Я снова вижу наш лагерь на крутом берегу Байкала, походные палатки, тяжелые рюкзаки, привалы и ночевки у костров, встречи с медведями, отвесные кручи скал, необозримые моря стелющегося кедра, бесконечную усталость и бесконечную радость в глазах друзей — Юрия Никифорова, Александра Карамышева, Аркадия Велижанина, Николая Оводова, Ларисы Лазаренко.

Замечательные картины внезапно всплывают перед моим мысленным взором: длинные гряды гор по берегам Байкала, сперва высокие и рельефные, затем все более и более низкие и плоские и, наконец, едва заметные за голубовато-белой далью,— особенно красивыми они бывают поздней осенью, когда гольцы уже сверкают свежими снегами, а кроны лиственниц наполняют воздух спокойным сиянием червонного золота; белые полосы кучевых облаков, висящих над хребтами; множество глубоких падей, прорезавших сверху донизу горные призмы,

и сам Байкал с его бесконечными анфиладами мысов, в солнечный и штилевой день.

Я вспоминаю те особые чувства, те редкие минуты восторга и вдохновения, которые мы пережили на перевалах, когда перед нами раскрывались таинственные горизонты.

И что же, думаю я, мы сделали для того, чтобы передать людям тот скромный опыт, те знания и наблюдения, те впечатления, которые нам удалось приобрести в экспедициях?

Давно уже вошли в историю экспедиции Ливингстона и Нансена, Пржевальского, Скотта и других известных путешественников, проложивших первые дороги по неизведанным мирам.

Говоря о путешествии в «дальние концы мира», И. А. Гончаров замечает, что «всякое из них оставляет надолго неизгладимый след или колею, как колесо, пока дорога не проторится до того, что все колеи сольются в один общий, широкий путь».

Было время, когда во всем Северном Ледовитом океане путешествовал чуть ли ни один Нансен, в Центральной Азии — одна-единственная экспедиция Пржевальского, а во всей Сибири, так же почти сам-друг,— не менее знаменитый Симон Паллас. В наши дни в одной только Сибири ежегодно «закрывают» последние белые пятна сотни экспедиционных отрядов, и все их многочисленные колеи быстро сливаются в один общий, широкий путь.

Экспедиции наших дней во многом не отличаются от путешествий прежних времен. Так ли уж важно, в самом деле, быть обязательно первым, и верно ли, что «человек двадцатого века знает свою планету», а «почва земного любопытства истощилась»? Стоит вспомнить крупные географические открытия, сделанные только в нашей стране в последние десятилетия, чтобы убедиться, что это не так.

Но дело не только в этом. Каждый новый путешественник всегда заново открывает для себя открытые другими миры и каждый раз снова и снова поражается тому беспредельному океану неизведанного, который окружает его в экспедициях. В наше время уже не удастся открыть гигантский горный хребет, что было возможно еще лет тридцать — сорок тому назад, но наше время имеет свои крупные открытия.

Впечатления от современных экспедиций, сотканные из наблюдений, переживаний, мыслей, воспоминаний и надежд, так же глубоки и ярки, как и впечатления от самых интересных путешествий прошлого. Цельной и искренней жизнью любого из современных экспедиционных отрядов — будь то топографы, зоологи, ботаники, почвоведы или геологи — правит страстная увлеченность своим делом.

Они с восторгом готовятся к экспедициям, с энтузиазмом и радостью в них работают. Они чаще всего ведут поиски на родной земле, но чувство родины развито в них не меньше, чем в людях, путешествующих по дальним странам. Их работа требует много труда, лишений и немалого риска.

И, может быть, колеи современных экспедиций потому так быстро сливаются в один общий путь, что мы мало пишем о своих экспедициях, отдавая все свободное время научным делам.

Многие чувствуют, что писать о современных экспедициях стало труднее, многие думают, что подобные описания отжили свой век.

Книга о большой экспедиции, как и о любом большом деле, интересна уже сама по себе, но описание маленькой, рядовой экспедиции требует нового содержания и новых форм изложения, что крайне трудно научиться делать.

И все же нужно писать о современных экспедициях, нужно рассказывать о людях, которые в них работают,

об их преданности делу, об их нелегком труде, чтобы многочисленные колеи современных экспедиций не исчезали бесследно.

Когда в мыслях мы снова ночуем у костров, пробираемся сквозь стланик, охотимся на медведей и коллекционируем птиц, нам очень хочется еще раз пройти со старыми друзьями по знакомым звериным тропам. Я верю — мечты сбываются!

Мы обязательно должны поехать на Байкал, говорю я каждый раз, как только мы собираемся все вместе.

— Это было бы просто великолепно,— отвечает мне Велижанин.

— Решено,— говорит Хатабыч.

РЕШИТЕЛЬНО, МЫ ЕДЕМ ПО ЗООПАРКУ

Рано утром катер вышел из района Больших Котов и взял курс на север вдоль западного побережья озера Байкал. Стояла удивительная погода: мы знали, по небу плывет яркое солнце, но сейчас мы не могли его видеть — оно не в силах было пробиться сквозь плотную беловатую мглу, тяжело припавшую к воде.

Мимо рубки сплошным потоком проносились мелкие, но хорошо заметные капли воды. Берега были совсем не видны, катер долго пробирался на ощупь, и только к десяти часам утра туман рассеялся настолько, что стали заметны силуэты высоких гор.

Был виден Приморский хребет — цепь закругленных сопок, до самых вершин покрытых сосновыми лесами и прорезанных многочисленными короткими падями. Внизу, у берегов Байкала, росли сплошные леса из сибирской лиственницы, и зелень там приобретала веселые, яркие оттенки.

Во многих местах горы обрывались в озеро невысокими скалами, а сосновые леса чередовались с неширокими участками горных степей, придававших местности бурый, осенний колорит. По склонам гор были видны многочисленные следы пожаров — ветровалы, сухостойные деревья, обнаженные осыпи.

В одиннадцать часов дня над берегами еще висели последние клочья рассеянного тумана. Низко, над самой водой, струились прозрачные голубоватые полоски; вре-

менами они скрывали подножие гор, и тогда далекие мысы казались слегка приподнятыми над водой.

К этому времени появились очертания противоположного берега озера. Там, над Баргузинским хребтом, длинной ровной полосой уже нависли густые кучевые облака. Над Байкалом небо совершенно очистилось, и только из-за Байкальского хребта иногда появлялись небольшие облачка кремового цвета.

На озере стоял полный штиль. Такой же покой был и у нас на душе. Кончились долгие сборы и связанные с ними неизбежные волнения; мы плыли к заветной цели, о которой мечтали уже давно, плыли в интересное место — на очарованный берег, где до сих пор удалось побывать только очень немногим и куда только два раза вступала нога орнитолога.

Голоустная... Харгина... Багульдейка... крыши домиков, приютившихся вдоль пологой пади. Еще пятьдесят километров к северу — и сосновые леса уступают место горной степи. Невдалеке от мыса Крестового исчезают последние островки сосновых лесов.

Берега кажутся совершенно безжизненными. За день пути мы видели всего несколько сизых чаек, двух длинноклювых крохалей и черного коршуна, отлетевшего на шесть километров от ближайшего берега. Когда катер был километрах в семи от берега, на его палубу залетели шмель и несколько мелких серых ручейников.

В шесть часов вечера осталась позади бухта Бархин, за которой снова стали попадаться участки сосновых лесов. Над водой появился вечерний туман. Катер вошел через Ольхонские ворота в Малое Море и бросил якорь в районе Загли.

Севернее острова Ольхон ландшафты изменились: чаще стали встречаться обнаженные щебнистые склоны, в падях росли низкие корявые лиственницы — свидетельство частых и сильных ветров. Остались позади Онгурены, мыс Рытый, и уже было видно то место, где приморский горный хребет плавно переходил в Байкальский.

Горы стали массивнее, их пики острее, в распадках и у вершин с юго-восточной стороны лежало еще много прошлогоднего снега. Здесь начинались наши будущие владения.

Утром 15 июня, простившись с губой Заворотной, где была вторая ночевка, мы продолжили путь на север.

Больше уже не встречалось скучных мест. Катер проплывал мимо огромных скал, всюду на берегах стояла глухая, дремучая восточносибирская тайга, и на добрую сотню километров к северу нельзя было рассчитывать встретить ни одного населенного пункта.

Мы все были на борту катера и с интересом наблюдали за берегами, которые теперь не казались безжизненными. Создавалось впечатление, что жизнь там бьет ключом. Я стоял рядом с капитаном, когда услышал громкий голос Велижанина.

— Да не туда, не туда смотрите. Правее, за черной скалой. Два... три... нет, два... четыре, четыре. Да вот они, вот, вот.

Эх вы, слепая команда!

Слепая команда, тесной кучкой сбившаяся на носу катера, увидела наконец то, что давно уже заметил Велижанин в неясном мареве просыпающихся берегов.

В излучине крутой губы по берегу двигалось что-то большое и темное. Это неясное что-то то распадалось на несколько хорошо различимых пятен, то снова становилось единым целым. Велижанин уверял нас, что это были медведи, и очень возмущался, что мы не спешили ему поверить.

Скоро стал хорошо виден приблизившийся берег, где вплотную к воде придвинулись высокие и крутые горы, оставляя между собой и озером лишь неширокую светлую полоску пляжа. Резко выделяясь на ярком фоне гальки, по нему шли четыре медведя. Три из них были совсем маленькими, и было нетрудно догадаться, что перед нами проходит медведица с медвежатами-лончаками. Трех медвежат вместе легко встретить только на знаменитой картине Шишкина, и мы все с восторженным любопытством наблюдали за таежным семейством.

Медвежата казались черными мячиками, быстро катящимися среди камней. Они то обгоняли мать, забегая далеко вперед, то, поравнявшись с ней, исчезали за ее спиной.

Катер медленно скользил по воде. До берега оставалось не больше двухсот метров, и я решил, что для моего длиннофокусного объектива это расстояние не будет препятствием. Глухо щелкнул затвор фотоаппарата, в тот же миг медведица подняла голову и бросилась в лес. Сквозь шум мотора, к которому звери успели, по-види-

мому, привыкнуть, она услышала такой слабый звук! Два медвежонка, смешно подбрасывая задние лапы, быстро помчались за ней, но их третий собрат был увлечен в этот момент чем-то особенно интересным: он переворачивал большой камень и пытался заглянуть под него. Когда медвежонок поднял голову, берег оказался пустым. Растерявшись, он побежал вдоль берега в противоположную сторону, на мгновение остановился, покрутил головой и что было духу пустился в лес догонять своих потревоженных сородичей.

Так мы увидели первых медведей на том сказочном берегу, где, по единодушному утверждению охотников, эти звери бродили стадами. Вскоре мы убедились, что охотникам не всегда приходится быть мюнхаузенами и что на этот раз мы встретились не с традиционной охотничьей гиперболичностью, а с точным отражением действительности.

Не прошло и часа, как показались еще два медведя. Пробираясь своими неведомыми тропами высоко в горах, они вышли на снежное пятно, где мы сразу же заметили их и хорошо рассмотрели в бинокль. Косолапые пересекли снежник, взяли направление к долине реки и вскоре исчезли в зарослях кедрового стланика.

Оживление в отряде нарастало, но когда катер огибал Елохинскую бухту, восторги достигли предела. На поляне, в нескольких метрах от старого нежилого дома, стоял марал с большими, ветвистыми, очень красивыми рогами. Марал увидел катер, отбежал к краю поляны, остановился и долго смотрел на нас, круто изогнув шею. Зверь, должно быть, понял, что мы не хотим причинить ему никакой обиды. Он шагнул два раза, опустил голову и что-то ущипнул с земли.

— Решительно, мы едем по зоопарку! — воскликнул Велижанин, чувствующий себя на вершине блаженства.

Катер проходил невдалеке от берега, и, в самом деле, создавалось впечатление, что мы попали в великолепный зоологический сад, где животные совсем не боятся человека и водятся в изобилии. Лето 1958 года обещало быть одним из интереснейших в нашей жизни.

Наш кораблик осторожно приближался к мысу, вокруг которого плавали последние осколки льдов. Одна большая льдина, похожая на гигантскую белую тарелку, виднелась на воде у самого горизонта. Ее края были усе-

яны черными точками. Когда мы смотрели на льдину в бинокли, точки становились большими и начинали шевелиться. Это лежали байкальские нерпы, а вокруг льдин плавали головки, или поднырки — так называют нерпу в воде охотники-нерповщики.

Одна из льдинок ударилась о борт катера и с шипением рассыпалась на мелкие кусочки. У берега раздался громкий шум. Громадная стая крохалей поднялась с воды и, описав в воздухе плавную полуокружность, села в другом конце бухты.

Солнце тем временем поднималось все выше и выше. Легкий туман, волнистой лентой висящий над берегами, начал рассеиваться и пропадать. Появилась небольшая радуга. Ее верхняя дуга мерцала и искрилась множеством разноцветных огней.

Катер обогнул скалистый мыс, и радугу не стало видно. С берега повеяло спокойным дыханием прибайкальской тайги.

Тесными, сомкнутыми рядами стояли даурские лиственницы, черные многовершинные кедры, ярко-оранжевые сосны; вдоль русл узких горных речек сбегали с гор светло-зеленые ленты ив-чозений и душистых тополей. Чем-то таинственным и загадочным веяло от этой дремучей, крутой стены.

Озеро было почти спокойно. Пришла та торжественная послеутренняя тишина, когда все обитатели тайги уже ушли на покой, готовясь к вечернему бдению.

Капитан впервые подходил к берегу в этой крутой губе. Большие камни у подножия скал вошли здесь далеко в воду, пряча в ней свои гладкие спины, о которые сегодня так мирно плескались прозрачные гребешки. Капитан волновался.

— Боцман, набрасывай, набрасывай!

Мальчишка-боцман бросал к носу катера и потом быстро выбирал из воды тонкий узловатый канат с небольшой гирькой на конце. Пропуская сквозь пальцы узлы каната, он отсчитывал глубину озера.

— Два... Два... Два...

— Не ленись. Не ленись. Чаще набрасывай.

— Два... Один и восемь...

— Я кому говорю, не ленись!

— Один и восемь... Один и восемь... Полтора!

— Стоп... Бросай якорь!

Катер остановился, и солнце ярко сверкнуло на его белых бортах. Разгружались быстро и молча, и вот уже в последний раз шлюпка отошла от берега и прильнула к борту катера. Ее подняли лебедкой на палубу и крепко притянули к шлюпбалкам.

Понемногу набирая скорость, катер стал выходить из губы. С палубы громко кричали, желая нам всяческих благ на том необитаемом берегу, куда был только что высажен наш небольшой отряд. Боцман долго стоял на борту катера и с завистью смотрел на берег. Он мог снова увидеть нас не раньше чем через четыре месяца.

Четыре месяца мы будем бродить по горам, работать до изнеможения, мечтать у яркого костра, дышать всегда прохладным воздухом тайги, питаться ягодами, грибами, рыбой, звериным мясом и дикими травами. Мы расставались с обитаемым миром... Четыре месяца будем жить без беспокойства за опоздание на работу, без толкотни в автобусах и трамваях, без очередей в кино и поликлиники... словом, без всего того, что называется длинным нерусским словом — цивилизация.

На сто километров на юг и на сто километров на север не было ни одного человеческого поселения. Впереди лежали семьдесят пять километров водной глади, замкнутой широкой горной грядой. На западе огромным амфитеатром громоздились горы, покрытые таежными лесами. Казалось, что в эту сторону можно уйти на тысячи километров и не найти ни конца, ни края. Мы улыбались, как люди, перехитрившие весь мир.

Нужно было начинать новую жизнь. Вокруг, в нескольких метрах от воды, лежали баулы с продовольствием, спальные мешки, палатки, вьючные ящики с научным оборудованием, карабины, ружья и множество других предметов, необходимых в экспедиции. В синем мешке пряталась новенькая надувная лодка. Это было наше единственное средство сообщения, не считая пяти пар выносливых, как у верблюдов, ног.

Трудности встретились на первом шагу: где и как лучше всего поставить палатки? Вопрос этот гораздо сложнее, чем кажется непосвященным. Место должно быть выбрано так, чтобы палатки не раздавило деревом, когда ветру вздумается переломить его и с яростью швырнуть на землю. Очень важно, чтобы под палатки не подтекала дождевая вода. Хорошо, если горные северо-

западные ветры, прежде чем обрушиться на палатки, пройдут сквозь надежный заслон из лиственниц и рассеются ими на безобидные ветерки. Велижанин решительно заявил, что все это не самое главное и что мы не имеем права упускать из виду психологический фактор. Палатки обязательно должны быть поставлены так, чтобы утром сквозь их сетчатые окошки солнце проникало внутрь и бодрыми зайчиками играло на наших лицах.

Наконец было выбрано место, отвечающее требованиям всех членов экспедиции, и уже начали растягивать брезент, как вдруг легионы мелких муравьев появились там, где до сих пор их не было заметно. Рыжий лесной муравей — одно из самых полезных насекомых леса, но от одного понимания этого вряд ли могло стать легче.

Муравьям была объявлена безжалостная война, тем не менее их становилось все больше и больше, они продолжали толпами вылезать из своих подземных нор, уже беспорядочно бегали по нашим сапогам, и вот кто-то, вскрикнув, схватился за шею.

Пришлось дипломатично отступить на более выгодные рубежи. Не склонный к панике Велижанин лучше всех сохранил «боевой порядок», и его громкий клич уже слышался откуда-то из-за мыса, где он предлагал «забаррикадироваться», уверяя, что там нет ни одного муравья. Но решено было внять зову благоразумия и поставить палатки невдалеке от места первой попытки. Здесь муравьев было меньше, и они не могли представлять серьезной опасности.

К пяти часам вечера на берегу Байкала вырос экспедиционный городок. Одна за другой стояли палатки, раскрашенные в синий и желтый цвета. Невдалеке была сооружена полевая лаборатория, обтянутая марлей. На песке в трех метрах от воды мы устроили продовольственный склад и поставили стол со скамейками — здесь не должно было быть много гнуса. Рядом над костром стоял большой таган-тренога; на нем уже висел и дымился громадный походный котел.

В нескольких метрах от входа в палатки, в гигантской впадине меж гор плескалась холодная, прозрачная, кристально чистая влага. Пушистая зелень лиственничной хвои густо окутывала лагерь. Вечернее солнце, ус-

певшее обогнуть Байкал с юга, просеивалось сквозь хвою и осыпало палатки золотым дождем.

На фоне высокого Байкальского хребта лагерь казался крошечным и незаметным, а наше непрошеное вторжение ничего, казалось, не изменило в спокойном величии горнотаежного ландшафта.

Велижанину нетерпелось немедленно отправиться в экскурсию вдоль побережья Байкала, чтобы еще раз убедиться в реальности мифа об охотничьем эльдорадо. Во время короткого торопливого ужина он успел затеять спор с Хатабычем и высказал несколько не лишенных интереса мыслей. Он говорил о людях, которые самой увлекательной профессией считают работу геологов.

— Они имеют дело с мертвыми камнями и воображают, что это самое интересное на земле,— негодовал Велижанин, проглатывая последние куски городского хлеба.— Черта с два!

— Мы, зоологи, изучаем живую природу — зверей и птиц. У них великолепное зрение, выдающийся слух, ни с чем не сравнимое обоняние. Они скачут, как вихрь, исчезают со скоростью пули, мгновенно превращаются в невидимку. Они кричат, когда их берешь в руки, плачут, когда их убиваешь, и смотрят на вас большими, грустными, почти человеческими глазами.

Вам нужно узнать, какие звери и птицы здесь живут, изучить условия их жизни. Что может быть трудней и увлекательней этого? А волны и ураганы, мошки и комары, россыпи и скалы, льды и снега, холода и дожди! Разве они отдают предпочтение искателям каменных кладов? Нет ничего интереснее работы зоолога!

Велижанин — человек крайностей. Мудрецы говорят, что истина лежит в преодолении крайностей, но только крайности приводят к успеху. Это верно в том случае, если истина действительно лежит между двумя крайностями или если одна из крайностей является истиной.

Крайность Велижанина была истиной, пока он делал дело, и переставала быть истиной, как только он начинал о нем говорить. Он был одержимо влюблен в нашу увлекательную работу, и ему было трудно доказать, что самым интересным занятием для человека всегда будет то, которое он больше всего любит. Поэтому Хатабыч прекратил спор, взял карабин, и мы пошли вдоль берега на первую разведку.

Так на северо-западном побережье Байкала началась жизнь одного зоологического отряда, о дальнейшей работе которого будут рассказывать страницы моих дневников. Но прежде чем уступить место дневникам, нужно сказать еще несколько слов о задачах нашей экспедиции.

Основная задача нашего отряда — изучение прибайкальских птиц, а также некоторых крупных млекопитающих, особенно медведя и северного оленя. Птицы Прибайкалья и крупные млекопитающие еще очень слабо изучены, и до сих пор не собрано необходимого материала для важных зоогеографических, биоэкологических и картографических обобщений.

Нужно было собрать крупную коллекцию птиц. Область Байкала исключительно интересна для систематика, но крайняя бедность наблюдений не позволяет подтвердить интересные предположения и гипотезы.

В настоящее время никто не относится серьезно к описаниям новых форм животных по единичным экземплярам. Систематик должен располагать крупной серией птиц из одного географического района.

До нашей экспедиции в северном Прибайкалье было собрано едва ли более 1500 экземпляров птиц. Учитывая, что в этом районе можно обнаружить около 250 видов птиц, легко подсчитать, что в среднем на каждый вид птицы приходилось всего около шести музейных экземпляров. Это очень мало и говорит о том, что подвидовая систематика птиц северного Прибайкалья изучена недостаточно хорошо.

Область Байкала — место смыкания ареалов некоторых видов птиц после длительного периода изоляции в ледниковое время. Это привело в ряде случаев к явлению так называемой вторичной гибридизации, представляющей большой интерес для систематика-эволюциониста. Ее изучение требует особенно большого коллекционного материала. Изучение биологии млекопитающих также требует сбора большого коллекционного материала в виде шкур животных, их скелетов, черепов. Поэтому успех работы зоолога зависит от величины его сборов, от числа животных, попавших в виде тушек в его коллекцию. Добывание животных, охота за ними — для зоолога не забава, а один из самых ответственных этапов работы. Охотничья страсть, охотничьи навыки оказывают здесь большую услугу.

Процесс коллекционирования животных отнимает много времени, иногда почти не оставляя его для наблюдений и записей. Но сбор коллекций настолько важен и необходим, что с большой затратой времени приходится мириться. Сбор научных коллекций никакого вреда воспроизводству животных принести не может, так как размеры добывания животных очень незначительны. В годы наших путешествий в Восточной Сибири работало множество геологических и других экспедиций, но орнитологов было всего несколько человек.

Я не считаю нужным скрывать, что и сам процесс охоты доставлял нам много радости — все мы были страстными охотниками и делали свое дело с удовольствием. Не будь этого, наша жизнь в горах была бы более трудной, а работа менее плодотворной.

К ВЕРХОВЬЮ МАЛОЙ КОСЫ

Отряд вышел из лагеря и двинулся по направлению к гольцам вдоль первой безымянной речки севернее мыса Малая Коса. Это была единственная из ближайших рек, долина которой оставалась необследованной.

Обогнув крошечное лесное озерко, мы попали на одну из многих звериных троп, которые расходились от него во все стороны, и пошли вдоль берега Байкала по чистому лиственничному лесу с густым подлеском из даурского рододендрона.

По правому берегу реки начался подъем в горы. Река у выхода на конус выноса несла много воды, грохотала неистово, хотя ширина ее нигде не превышала пяти метров. Спустившись с гор, река разбивалась на несколько рукавов, покидала старое русло и как попало бежала через лес, заливая камни, травы и мхи. Метрах в двухстах от Байкала вода исчезала под камнями, едва заметно просачиваясь в озеро сквозь узкую полоску пляжа.

С первых же шагов подъема мы были поражены дикостью возникавших впереди картин. Распадок, по которому пробирался отряд, был чрезвычайно узок, река во многих местах сжималась скалами, отвесно обрывающимися к воде. В местах, где встречались прижимы, нам часто приходилось переходить с берега на берег, что было иногда не совсем безопасно.

В долине нижнего течения реки рос лиственнично-березовый лес с зарослями ольхи, черемухи, жимолости и

других больших и малых таежных кустарников. В километре от Байкала началась тайга из пихты и кедра.

В густой чаще из березы, кустарниковой ольхи и черной смородины промелькнула небольшая буровато-рыжая птица. Пролетев несколько метров, она села на моховой склон горы. Я подкрался к кусту, выстрелил и подобрал птицу с черно-бурыми поперечными пестринами по всему телу. Это оказался крапивник. Мы бережно посыпали крахмалом пораженные места, чтобы кровь не запачкала перьев, завернули птицу в кулек, положили в фанерную коробку и спрятали в рюкзак.

— Мы сделали замечательную находку,— сказал я Велижанину,— эта птица в Прибайкалье никем еще, кажется, не добывалась.

Здесь же, в этом тенистом густом уголке, мы добыли синехвостку, а пройдя еще метров двести, вдруг увидели, что над самой водой мчатся вниз по течению две коричневые птицы величиной с дрозда — обыкновенные оляпки. Оляпка во много раз больше крапивника, но очень напоминает его в полете. Когда-то этих очень разных птиц орнитологи относили к одному семейству.

На высоте около трехсот метров от Байкала мы вышли в заросли золотистого рододендрона, типичного растения подгольцовой зоны. Рододендрон этого вида называют также черногривом или кашкарой. На невысоких кустах с пучками крупных массивных листьев были большие, очень нежные и красивые желтые цветы. Еще натуралист Паллас сумел оценить целебные качества этого интересного растения и подробно рассказал о кашкаре в «Описании растений Российского государства». Черногрив оказывает положительное влияние на сердечную деятельность, обладает вяжущим и мочегонным свойством. Его часто употребляют в народной медицине от ревматизма и простудных заболеваний.

Чем выше мы поднимались в горы, тем все огромнее становились кедры. Я никогда не смогу привыкнуть к этим исполинам сибирских лесов с их гигантскими яркими стволами, достигающими нередко трех обхватов в окружности. Здесь были деревья-старцы, родившиеся шестьсот, семьсот и более лет назад. Один циклопический кедр упал поперек распадка и совершенно перегородил его. Могучий выворот его корней поднялся высоко вверх

и напоминал колоссального спрута, разбросавшего извитые конечности на много метров вокруг.

Северный склон был покрыт каменными осыпями, затянутыми пышными зелеными мхами. Среди мхов преобладали представители рода гипнум. У верхнего края склона нависли отвесные скалы, и уже от того места, где река выходила из гор, начались густые заросли кедрового стланика.

Распадок один из наиболее трудных для подъема в горы; его с полным правом можно было назвать дремучим. Короткий и узкий, он имел значительно большую крутизну падения, чем долина соседней с ним реки Малой Косы и ближайший распадок к северу от него.

Вскоре отряд вышел в подгольцовую зону. Здесь еще встречались одиночные кедры, лиственницы и невысокие изогнутые березки. Дальше, до самых вершин были видны лишь россыпи, скалы и кедровый стланик. Мы вошли в эти заросли и стали пробираться по их узким коридорам.

У многих людей, не видевших, как растет кедровый стланик, уживается представление о нем, как о невысоком, плотно стелющемся по кампям кустарнике с неголстыми извитыми стволами. Таким он и бывает у вертикального предела существования, на границе гольцовой и подгольцовой зоны. Но ниже, на границе с лесным поясом, кедровый стланик имеет совершенно другой вид. Его кусты здесь очень велики, они нередко достигают шести метров в высоту. Заросли из таких кустов стланика, имеющих форму гигантских чаш, почти непроходимы. Они представляют собой хаос ветвей, частично отмерших и потерявших кору, но чаще живых и чрезвычайно гибких и прочных. Наиболее мощные стволы стланика достигают четверти метра в диаметре и иногда, правда исключительно редко, растут вертикально над землей в виде небольшого деревца.

Повсюду на ветвях стланика висело множество шишек, туго набитых маленькими орешками, по вкусу почти не отличающимися от орешков кедра. На некоторых кустах можно было видеть одновременно урожай трех возрастов — шишки, завязавшиеся в этом году; мелкие синие шишечки прошлого года, или так называемую озимь, которая будет готова только к осени; и зрелые позапрошлого года, они созрели еще осенью прошлого года. На кустах, хорошо плодоносивших в предыдущие

годы, почти не было шишек этого года, а высоко в горах встречались только спелые шишки.

В высоких зонах, в суровых условиях существования, наблюдается более правильное чередование урожаев стланикового ореха, который имеет огромное значение для обитателей гор. Хорошего урожая обычно хватает на два года, а в неурожайные годы всем потребителям стланикового ореха приходится кочевать или переходить на другое меню.

Стланик растет невероятно густо, но во многих местах в его зарослях можно найти участки чистых россыпей, густо покрытых лишайниками. Заросли стланика простираются на сотни и тысячи метров, заполняют собой все понижения между горами, все возвышенности и плоскогорья, и, если вы забредете в эти стланниковые леса, вам потребуется огромное напряжение, чтобы их преодолеть.

Выискивая проходы и узкие перемычки, мы пробирались вперед, прыгая по россыпям с камня на камень. Время от времени отряд попадал в тупик, и тогда приходилось ломиться, не разбирая дороги. Мы подолгу карабкались по ветвям, почти не касаясь земли, часто проваливались между ними, но все же слегка продвигались в этой ужасной чаще. И тут с нами произошел неприятный случай, лишивший меня моего ружья.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Зоологам всегда приходится носить на себе множество необходимых вещей. На груди у меня висел бинокль и два фотоаппарата — один с обычным и один с длиннофокусным объективом. На одном плече висел карабин, на другом — гладкоствольное ружье; на поясе — нож и патронташ; за плечами — паняга, своеобразное приспособление для переноски груза. Каждый поход в горы заканчивается встречей с медведями, и поэтому идти без карабина было неосторожно. Не брать с собой ружье также невозможно, так как основной целью всех наших работ был сбор орнитологической коллекции.

Нести одновременно ружье и карабин крайне неудобно. Ружье то и дело соскакивает с плеча, цепляется за ветви и мешает невообразимо. Потеряв терпение, я перебросил через голову погон ружья, чего раньше никогда

не делал, опасаясь прозевать какой-нибудь редкий вид птицы. Идти стало удобнее. Я решил повесить ружье на плечо, как только мы выйдем в более удобное для ходьбы место.

Снова попав в тупик, мы оказались в таких густых зарослях стланика, что исцарапали себе лица, подолгу беспомощно барахтались в ветвях, и, наконец, перестав разбирать дорогу, пониже пригнули головы и с «ревом» стали продираться к открытому месту. В конце концов мы вышли из этого ада и ускорили шаг.

Вдруг я увидел, что на мне нет ружья. По-видимому, оно зацепилось за стланик, карабинчик на ремне, не выдержав напряжения, разогнулся, и ружье осталось висеть где-нибудь на ветвях.

Возвращаться вниз было очень досадно, так как каждый метр подъема давался с большим трудом. Примерно восстановив только что пройденный путь, мы стали прочесывать кустарник, но поиски оказались безрезультатными. Да и можно ли найти такую небольшую вещь, как ружье, в этих необозримых, невероятно густых зарослях, где каждый массив стланика удивительно похож на другой и где нет ни одного выдающегося предмета, который мог бы служить ориентиром.

— Ладно,— сказал я,— хватит одного на двоих.

— Мы еще придем за ним,— поддержал меня Велижанин.

— Да, тогда мы не будем спешить и найдем его, а сегодня не стоит терять время.

— Мы обязательно найдем его,— утешал меня Велижанин.

Но на это было мало надежды, и я попрощался со своим ружьем навсегда.

Перевалив за гребень хребта, замыкающего долину Дремучего, мы спустились в левый приток Малой Косы и продолжали медленно подниматься к гольцам по его распадку.

В полдень среди зарослей ветреницы, аквилегии и бадана отряд остановился на отдых. Вокруг в россыпях сновали бурундуки и сеноставки. Они внезапно появлялись на камнях, звонко свистели и цвиркали и снова исчезали в пустотах россыпей. В стланике суетились кедровки, набивая орехами подъязычные мешки. Несколько раз над нами пролетали горлицы и чечевицы.

В горах было бы прекрасно, если бы не огромные рои комаров и мошек, непрерывно крутящиеся над нами. Эти отвратительные насекомые, справедливо получившие название гнуса, могли отравить всю прелесть похода. Сегодня они были очень многочисленны и неистово злы. Гнус не дал возможности спокойно допить чай и погнал нас выше в горы.

ВСТРЕЧА СО ЗВЕРЕМ

Около восьми часов вечера на одной из скальных гряд среди россыпей и стланика показался медведь. Расстояние до него не превышало четырехсот метров. Зверь шел в нашу сторону, но, спустившись в распадок, скрылся в зарослях стланика. Мы бросились к нему наперерез, стараясь как можно бесшумнее перепрыгивать с камня на камень.

Медведь выбрался из узкой и глубокой лощины и несколько мгновений был хорошо виден, но снова исчез в зарослях. Мы пробежали еще несколько десятков метров, удобно встали за большим камнем и приготовились к встрече.

Зверь снова вышел из стланика; он продолжал приближаться и находился уже метрах в стапятидесяти от нас. Теперь его могли хорошо рассмотреть. Это был среднего размера, удивительно светлый, почти желтый медведь. Он довольно быстро шел по россыпи вдоль зарослей стланика. Я не спускал его с мушки, выжидая удобного момента для стрельбы. Не останавливаясь, зверь время от времени срывал прошлогодние шишки стланика, повсюду висевшие на ветвях.

Я тихонько свистнул, но медведь, казалось, меня не услышал. Тогда я свистнул громче, надеясь, что зверь остановится, и в то же время опасаясь, как бы он снова не скрылся в ложбине. Но зверь не обращал на свист ни малейшего внимания, принимая его, очевидно, за свист пищух.

Вдруг медведь остановился, срывая шишку стланика, и повернулся к нам полубоком. Я выцелил его сзади, под правую лопатку, но было трудно рассчитать, куда пойдет пуля, и я медлил с выстрелом.

— Стреляйте,— сказал Велижанин.

Выстрел раздался. Медведь мгновенно вскинулся на дыбы, но выстрелить по стоящему зверю я не успел. Со страшной скоростью он бросился удирать. Снова прогремел выстрел, и мы увидели, как под медведем взметнулось облачко каменной пыли. И тут я самыми скверными словами изругал в душе Велижанина, будучи совершенно уверенным в том, что во всем виновато его «стреляйте» — ведь я до сих пор не научился спокойно смотреть сквозь прорезь прицела на такой дорогой охотничий трофей. Да простит мне Аркадий этот скверный порыв души.

Через несколько мгновений медведь исчез в распадке. Это было единственное место, где он мог проскочить незамеченным. Дальше длинной и широкой грядой залегала крутая и совершенно открытая россыпь.

Нужно было отрезать ему путь к отступлению по этому распадку. Мы бросились к лощине, надеясь добежать до места раньше медведя. Зверю здесь было решительно невозможно скрыться незамеченным, но он исчез.

Вокруг густой стеной стоял кедровый стланик, скрывая огромные камни россыпей, среди которых вполне мог спрятаться зверь. Прочесывать стланик было очень опасно, так как у нас не было уверенности в том, что пуля не задела зверя. Приближались сумерки, нужно было спешить, и мы плечо к плечу с ружьями наготове прошли по наиболее редким зарослям. Никаких следов обнаружить не удалось. Мы поднялись на россыпь и сверху осмотрели стланиковые заросли, но снова не нашли ничего обнадеживающего. Вдруг послышался треск ветвей и как будто предсмертный храп зверя. Звуки доносились из самых густых зарослей стланика, где среди камней оставались обширные свободные пространства. Идти туда было очень опасно — становилось совсем темно, поиски были отложены до утра. Нужно было внимательно осмотреть место охоты и попытаться узнать о результатах первого выстрела. Сейчас же не оставалось ничего другого, как устраиваться на ночлег невдалеке от места происшествия и при свете костра заполнить свои записные книжки.

Спать этой ночью удавалось только урывками, всего по нескольку десятков минут. Сухие стволики стланика быстро охватывались жарким пламенем, а ветер, всю ночь дувший с гольцов, еще больше раздувал его. Костер прогорал раньше, чем удавалось заснуть, а тонкие плащи

были плохой защитой от холода. Снова и снова приходилось подкладывать в костер ветви стланика, и так прошел остаток ночи.

На другой день мы поднялись очень рано, еще до рассвета. Велижанин взял котелок и пошел за водой к небольшому ручейку, где вечером, весело перескакивая с камня на камень, бежала вода. Но он вернулся назад с пустым котелком. Ночью было очень холодно, и снежник, которым питался ручей, перестал отпускать воду. Велижанин взял нож и пошел нарубить снега.

Выпив по две кружки горячего чая, мы продолжили поиски медведя, не поленившись осмотреть все наиболее густые участки зарослей, все пустоты между камнями. И снова не удалось обнаружить никаких следов. На месте охоты также не оказалось ни крови, ни срезанной пулей шерсти, и это окончательно убедило нас в том, что треск ветвей и храп зверя были лишь плодами нашей встревоженной фантазии.

К ПЕРЕВАЛУ

Мы поднимались в горы по второму слева притоку реки Малой Косы. Вскоре кончились сплошные заросли кедрового стланика; отдельные низкие и чахлые кустики его еще кое-где укоренялись между камнями, но буйное царство стланика осталось уже далеко внизу. Начинались гольцы. Впереди были видны громадные каменные россыпи.

Мы решили свернуть к юго-западу и подняться к главному водораздельному гребню не по долине ручья, как предполагалось вначале, а прямо по россыпям, с тем чтобы выйти наверх немного южнее высоты 2018 метров. Подъем на этом участке очень крут, приходилось идти по подвижным россыпям. Но хорошее настроение помогало быстро подниматься к гребню.

Склон главного гольцового гребня Байкальского хребта казался совершенно безжизненным. Не было заметно следов крупных животных, хотя каждую минуту здесь можно ждать встречи с северными оленями. В это время года олени поднимаются высоко в горы и держатся невдалеке от снегов.

Но жизнь была обильна и здесь, на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. Почти все камни были

покрыты лишайниками. Среди россыпей встречались участки мохово-лишайниковой тундры, подниматься по которым было значительно легче, чем по камням. Здесь во множестве росли кладонии — любимый корм северного оленя, евернии, цетрарии и аллектории. На этих пушистых лишайниковых подушках изредка попадались стелющиеся кустики карликовых березок.

Подъем становился все труднее и опаснее. Нам приходилось идти почти по отвесным скальным стенам и по очень крутым россыпям. Ни с лошадьми, ни с оленями перевалить здесь было решительно невозможно.

Почти на каждом шагу мы разрывали длинные белые нити, составляющие крепящую основу своеобразных высокогорных паутин. Эти оригинальные паутины плелись по особому принципу и были мало похожи на сооружения пауков, живущих в лесном поясе. Весь характер паутин заставлял помнить о силе горных ветров.

От камня к камню, почти параллельно линии горизонта, проходила главная нить. На нее крепилось несколько боковых, менее массивных нитей. В центре этих переплетений только небольшое поле, величиной с тарелку, напоминало ловчую сеть. Главная нить — белая и очень толстая — по величине и внешнему виду напоминала жилку-сатурн диаметром в три десятых миллиметра. Она, разумеется, была слабее сатурна такого же сечения, но для того чтобы разорвать ее, необходимо некоторое усилие. Порвав одну наиболее толстую нить, мы увидели, что она состоит из множества тончайших волоконец и по своему строению напоминает парашютный шнур. Хозяева этих сооружений очень невзрачны на вид, и многие лесные пауки, которых нам приходилось встречать внизу, казались куда более страшными злодеями.

Среди камней вилось множество мошки и комаров, кое-где среди россыпей попадались кузнечики. Иногда над склоном пролетала бабочка или пчела, а со скал струились красивые, звучные мелодии — это пели ярко окрашенные самцы пестрого каменного дрозда.

После очень тяжелого подъема мы подошли наконец к водораздельному гребню. Последние метры до гребня стремились пройти как можно скорее — так хотелось взглянуть за грани хребта.

Но там не удалось увидеть решительно ничего: вся долина реки Левого Улькана была заполнена серыми

слоистыми облаками, так называемыми стратусами. Густым потоком они проносились над нами, перевалили за гребень горы и заполняли долину реки Малой Косы.

Мы стояли в густой пелене облаков; предметы, окружавшие нас,— россыпи, скалы, снежники — казались призрачными и были видны только с очень близкого расстояния.

Невдалеке просвечивало сквозь облако небольшое снежное пятно. Здесь можно вскипятить чай и подкрепить силы после утомительного подъема. Велижанин наполнил котелок снегом, а я с большим трудом набрал несколько сухих веток с единственного чахлого куста стланика, росшего на гребне водораздела, и разжег костер.

ОЛЕНЬ ИЛИ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ!

Внезапно нам показалось, что по снежнику передвигается какой-то зверь — мы пристальнее всмотрелись в него и увидели северного оленя. Большой рогатый зверь огромными скачками несся вверх и через несколько мгновений уже достиг края снежника.

Схватив карабин, я бросился к скале, которая должна была скрыть меня от оленя,— оттуда было удобно стрелять. Из-за скалы стал хорошо виден весь снежник, но зверя на нем не было. Я замер и прислушался. Снежник со всех сторон был окружен подвижными россыпями, и уйти незамеченным олень не мог.

Густое облако, проплывавшее над снежником, в этот момент рассеялось, и, странное дело, снежник вдруг оказался совсем рядом, в двадцати шагах от скалы, и выглядел совсем иначе, чем сквозь проплывавшее облако. Зачем же нужно было бежать к нему, невольно возник вопрос. От костра до снежника было не более пятидесяти шагов — великолепная дистанция для стрельбы. И тут я вспомнил, что когда мы видели оленя, снежник казался очень большим и далеким.

Я вышел на снежник, с трудом удерживаясь на его крутой поверхности, и уже начал сомневаться в том, что здесь действительно был олень. Вбивая в снег ранты ботинок, я обошел снежник вокруг — оленьих следов на нем не было.

В том месте, где мы видели бегущего оленя, были оставлены на снегу совершенно свежие следы небольшой птицы. Я услышал знакомый голос и увидел самку пестрого каменного дрозда. Она только что подлетела к снежнику и села на россыпь рядом с ним. И тут же из-под камней выскочил пестрый и уже довольно крупный птенец и на моих глазах принял от матери какую-то насекоминку.

Странные происшествия могут происходить с человеком в «тумане облаков», на высоте двух тысяч метров над уровнем моря!

Мне вспомнилось, как однажды, в начале июня, во время охоты на нерпу, мы около часу объезжали большую льдину, подбираясь к двум куматканам — молодым нерпам. Над Байкалом стоял очень густой туман, и сквозь него было видно много лежащих на льдинах нерп, но почему-то именно эта пара нерпят привлекла наше внимание. Объехав льдину, мы стали подбираться к нерпятам. Делать это надо крайне осторожно: лед только что разошелся, чистой воды еще очень мало и все вокруг заполнено битым льдом. Нужно следить за тем, чтобы льдины не стучали об лодку и чтобы веселки не выглядывали из-за паруса.

Смущало то обстоятельство, что по мере приближения лодки к нерпятам они становились как будто немного меньше. Каково же было удивление и досада, когда, подъехав к нерпятам вплотную и уже приготовившись стрелять, мы увидели две рядом лежащие головешки, оставшиеся на месте охотничьего костра. Каждая из них была величиной с кулак.

После только что пережитого на перевале мы поняли, что в густом тумане, в пелене облаков можно увидеть самые необыкновенные вещи — небольшие предметы, даже крошечные зверьки могут казаться великанами. В густом тумане, в облаках, в трепещущем испарении снежников предметы теряют свои очертания, наблюдается неправильная передача их изображения. Наш «олень» оказался результатом преломления световых лучей, одним из вариантов явления рефракции.

Почему каменный дрозд, эта маленькая пичужка, показалась именно оленем, а не каким-нибудь другим зверем? Возможно, что птица действительно была похожа на оленя, но в основном это объяснялось, по-видимому,

следствием определенной психологической настройки. Все время мы ждали встречи с северными оленями и поэтому увидели «оленя».

— Ты тоже видел оленя? — спросил я Велижанина, вернувшись к костру.

— Конечно,— ответил он.

— Мы не могли его видеть,— сказал я.— На снегу нет никаких звериных следов.

— Но я же хорошо видел его,— возразил Велижанин.

— Оленя не было,— сказал я,— сходи к снежнику, и ты убедишься в этом сам.

Если бы убедиться в этом не было возможности, мы всю жизнь были бы уверены в том, что видели оленя.

К ИСТОКАМ ЛЕВОГО УЛЬКАНА

После обеда мы начали спуск к истокам Левого Улькана, пробираясь меж скал и россыпей по неглубокому распадку. Идти было тяжело и не совсем безопасно — из-под ног с шумом вырывались камни, увлекая за собой мелкие обломки; все это с грохотом сползало вниз. Когда россыпь под ногами приходила в движение, а камни как будто оживали, становилось жутко. Казалось, что весь склон горы должен рухнуть на дно распадка и образовать там огромный каменный курган, навсегда похоронив нас под ним. Опасаясь ушибить идущего впереди случайно сорвавшимся камнем, мы держались на некотором расстоянии друг от друга.

Вскоре спуск стал более легким — мы вышли к вершине крошечного родничка со скальным ложем, россыпи по краям которого были закреплены лишайниками и кедровым стлаником. Здесь можно было немного ослабить напряжение и осмотреться вокруг. Спуск занял более полутора часов, хотя по прямой он не превышал одного километра.

Здесь, ниже, облачность постепенно рассеялась, и мы увидели впереди чудную картину. Пологие западные склоны Байкальского хребта плавно переходили в пояс таежных предгорий. Реки здесь имели сравнительно спокойный характер, были многоводнее и казались бесконечными, но все они в конце концов вливались в Лену.

Все, что мы видели сейчас, напоминало нам о прежних походах через перевалы из реки Улюнной в реку Светлую на Баргузинском хребте.

Далеко внизу сверкала на солнце река Левый Улькан. Ее верховья лежали в гольцах, но уже в полутора километрах от них начинался лес. В бинокль хорошо видны точеные маковки пихт, белые стволы берез, черные и многовершинные кроны кедров. Слева виден один из истоков Левого Улькана, в долине которого яркой каймой и пятнами выделялись луга. Широко вокруг простирались пологие сопки и темно-синий океан тайги, о котором так и тянуло сказать, что он «дремлет исполинским сном».

Спустившись в долину, мы свернули в распадок с зелеными лугами и стали подниматься по нему на невысокое перевальное плато, густо поросшее кладониями и представляющее собой типичную мохово-лишайниковую тундру. Я невольно подумал, что там мы непременно встретим северных оленей.

Лужайки вдоль ключа покрыты высокими и густыми травами — аквилегиями, аконитами, геранями, ветрениками. Ручей повернул влево. Воспользовавшись звериной тропой, мы стали подниматься к перевалу. Тропа, проложенная в основном медведями, была крайне своеобразной. Собственно тропы, в ее обычном виде, не было — вся она состояла из отдельных глубоких ямок, в которые ступали звериные лапы. Многие годы сотни и тысячи тяжелых звериных лап утрамбовывали почву в одних и тех же местах, поэтому тропа имела такой необычный вид. Объяснялось это тем, что, спускаясь по склону, звери сильно скользили на влажной почве и старались ступать в готовые ямки. Точно такую же тропу на крутом склоне, где из почвы сочилась влага и было очень скользко, вскоре нам пришлось наблюдать в другом месте — она принадлежала северным оленям.

Мы поднялись на широкое плато и пошли по мохово-лишайниковой тундре; были видны ручейки и болотца с небольшими зеркалами открытой воды и вокруг них многочисленные следы северных оленей. Совершенно свежий помет, широкие торные тропы, свежие отпечатки характерных круглых копыт, хорошо заметные на влажной почве, мху и лишайнике,— все это заставило нас насторожиться и каждую минуту ждать встречи.

ОШИБКА И НАКАЗАНИЕ

Внезапно мы увидели край длинного и крутого снежника, на нем оленя — он нагибал голову и ел снег. Мы бросились на землю и поползли, сперва по болоту, потом по камням и лишайникам. На склоне показалось еще несколько оленей, не спеша направляющихся к снежнику. Уже совсем близко густые заросли стланика, откуда удобно стрелять. Преодолев еще несколько метров, мы вползли в узкую гриву стланика и сквозь его ветви и хвою увидели весь снежник.

На снегу стояло шесть оленей. Двух самых крупных из них, с большими рогами, мы приняли за старых самцов, остальные показались нам взрослыми самками. Я выстрелил в самого дальнего, наиболее крупного зверя — он дрогнул всем телом, взвился на дыбы, со всего размаху ударился о снежник и снова поднялся, широко расставив ноги. Остальные олени продолжали стоять на месте, не проявляя заметного беспокойства и не пытаясь бежать. Мы почему-то были уверены, что после выстрела все стадо мгновенно пустится наутек, и я поспешил еще раз выстрелить в раненого оленя.

Когда мы стали спускаться к снежнику, то увидели, что на снегу осталось четыре олененка. Два из них были совсем маленькими, ярко-красными, а два других ростом с крупную косулю и серой окраски, сходной с окраской родителей. Два крупных олененка с оставшимся оленем убежали вверх по горе, два маленьких подпустили нас на несколько шагов, затем, издавая громкие гортанные крики «хорр, хорр», сбежали со снежника и остановились на склоне горы.

Только сейчас мы стали понимать, что вторично оказались жертвами оптического обмана. Атмосферные условия в этот день были, по-видимому, особенно благоприятны возникновению рефракции. В трепещущих струях восходящего над снежником воздуха оленята показались нам взрослыми самками, а самки — крупными оленями-самцами.

Скатить убитого оленя со снежника на сухой и чистый склон горы было делом нескольких минут.

Слева брело еще несколько оленей; звери, не торопясь, поднялись по склону горы и застыли силуэтами на ее вершине. Рядом на круглом, как блюдце, снежном пятне

стоял и внимательно смотрел в нашу сторону небольшой молодой олень. Эти звери, по-видимому, никогда еще не видели человека — они были доверчивы и непугливы, почти как домашние животные.

Совместима ли любовь к природе с убийством животных? Как можете вы, считающие себя любителями и друзьями природы, увлекаться убийством живых существ? Такие вопросы мы часто слышим от людей самых различных специальностей.

Некоторые считают, что убийство животных допустимо только в трех случаях: в случае самообороны или спасения другого человека от гибели, спасения человека от голодной смерти и, наконец, с научными целями, если без умерщвления животных обойтись невозможно.

Совместима ли, действительно, любовь к животным с охотой на них? Как это ни парадоксально звучит, но именно любовь к животным многих людей сделала страстными охотниками, так как охота — один из немногих и самый увлекательный способ общения с природой, особенно в молодые годы, когда мы чаще всего становимся охотниками. Охота — активнейшее средство познания животных; часто она совершенно необходима для их всестороннего познания. Лишение животных жизни в обстановке охоты и убийство их в других условиях — явления принципиально разные, и это известно каждому, кто хотя бы раз в жизни побывал на охоте. Проникновение в душевный мир животных, уважение к любому живому существу, будь то собака, лягушка или кузнечик, искренняя любовь к ним, глубокое возмущение в случае их бессмысленного убийства, готовность всегда встать на их защиту — все это неотъемлемые свойства охотника-натуралиста.

Отстрел некоторого количества животных часто является актом гуманным. Если численность диких животных не регулируется человеком, она может достигать недопустимых размеров, и тогда наблюдаются эпизоотии, голодовки, миграции, в результате чего гибнет много животных.

Несмотря на полное согласие с этими мыслями, убийство матки оленя произвело на нас гнетущее впечатление.

Незаметно подкралась гроза, с молнией и громом, и сразу же хлынул ливень. Мы сели рядом на склоне горы и накрылись плащом. Дождь был очень сильным, и наш

«специально экспедиционный плащ», как это и было положено ему по назначению, прекрасно справился со своими обязанностями — через десять минут мы были совсем мокрыми.

Наверху за нашими спинами, где-то на склоне горы, раздался быстрый «топот». Велижанин откинул плащ, чтобы посмотреть, как бегут оленята, но не успел этого сделать — рядом с ним, так близко, что он мог легко достать рукой, с колоссальной скоростью пролетел камень величиной с походный котел. Ударяясь о другие камни, пролетая по воздуху после каждого нового удара, он стремительно несся вниз и вскоре скрылся из глаз где-то на дне распадка. Мы вскочили на ноги, бледные и перепуганные, глубоко пораженные стечением обстоятельств. Не нужно было обладать выдающейся фантазией, чтобы представить себе конец этого происшествия, если бы камень пролетел на несколько десятков сантиметров левее.

Не наказание ли это и не предупреждение за совершенное злодеяние? Так, наверное, подумали бы многие местные охотники, и это событие могло иметь серьезное влияние на всю их дальнейшую жизнь. Нам пришлось стать свидетелями такого рода происшествий, которые могут рождать суеверия. Но мы знали, что после дождей в горах усиливается камнепад, что камень мог быть сдвинут, когда стаскивали оленя, и потом, слегка подмытый водой, легко скользнуть вниз, что, наконец, оленята, бегая по горе, могли случайно стронуть его с места.

Мы поспешили перейти в заросли стланика. Костер из мокрых стланиковых ветвей удалось развести с огромным трудом. Дождь значительно ослабел, но не прекращался до вечера и время от времени накрапывал всю ночь. Мокрым, под мокрыми плащами нам пришлось провести эту ночь.

На рассвете мы измерили, разделали и взвесили тушу убитого оленя. Все мягкие части оленя закопали в снег, вырыв в нем глубокую пещеру. Теперь наш отряд располагал большим запасом мяса и мог вернуться сюда надолго, захватив лишь хлеб, масло, сахар, чай, соль и крупу.

Цель рекогносцировочного похода была достигнута — мы запасли мясо для длительных стационарных работ и нашли для этого очень подходящее место.

Закончив свои дела, начали перевал к Байкалу и вскоре уже поднялись на соседнюю седловину, по-прежнему встречая на пути множество оленьих и медвежьих следов.

В распадке, расположенном немного ниже перевала, мы увидели крупного северного оленя с очень большими и ветвистыми рогами. Он спокойно пасся на берегу небольшого озерка. Зверь обнаружил нас только тогда, когда между нами осталось меньше ста метров. Он поднял голову, несколько секунд смотрел в нашу сторону, а затем красивым галопом умчался вниз по распадку.

Не успели мы начать спуск в долину реки Хибелена, как снова хлынул поток воды и мгновенно вымочил нас до нитки. Когда дождь перестал, горы предстали свежими и обновленными — на мокрых уступах скал сверкало и искрилось солнце. По склонам гор неслись мутные потоки воды, реки вздулись и шумели особенно сильно. К счастью, на пути к Байкалу на этот раз не было ни одной крупной реки.

По оленьей тропе, ведущей в долину реки Хибелена, бежал веселый и мощный ручей. Но вот вода нашла для себя удобную лазейку и устремилась вниз в сторону от тропы.

Мы быстро пробрались сквозь зону кедрового стланика и вошли в полосу тайги. Еще до захода солнца вышли к Байкалу и вскоре были на базовом лагере севернее мыса Малая Коса.

В ИСТОКАХ ЛЕВОГО УЛЬКАНА

Три дня отряд приводил в порядок свои дела на базовом лагере — готовились к новому походу в горы. В эти дни на берега Байкала вернулась великолепная погода, не покидавшая эти места всю первую половину июля, пока стояла полная луна. Со второй половины месяца началось нарождение луны, и погода резко изменилась к худшему. Сейчас луна была почти полной, и снова на Байкале стояла хорошая погода.

Мы отдохнули за эти дни и мечтали как можно скорее вернуться к месту мясного склада, с тем чтобы остаться там до тех пор, пока хватит сделанных запасов.

29 июля, на четвертый день после возвращения отряда к Байкалу, мы выехали на резиновой лодке к устью реки Хибелена и в полдень начали подъем по ее долине.

Примерно в двухстах метрах севернее устья реки Хибелена от самого берега Байкала начинается тропа. Сперва она поднимается по левому склону, потом, миновав небольшой ручей, снова спускается в долину Хибелена. В том месте, где река круто поворачивает вправо, тропа переходит в русло левого сухого ручья, оставляет слева один небольшой распадок и взбирается на болотистый перевал, где в прошлый поход мы видели оленя на берегу озерка. Здесь нужно расстаться с тропой и подняться вправо на еще одну болотистую седловину. Затем остается лишь спуститься в долину — и цель достигнута.

У перехода через реку Хибелен мы устроили недолгий отдых с чаем. В тайге по берегам рек к этому времени начала поспевать красная смородина; брошенная в кипяток, она придавала ему изумительный вкус и аромат.

Выше всю долину правого притока реки Хибелена перегородила высокая россыпь из песчаников и конгломератов. Огромные глыбы конгломератов содержали множество красивого розового кварца, ярко искрящегося на солнце. Наверху, рядом с выходом на дневную поверхность плоских плитообразных глинистых сланцев, громоздились отвесные скалы. Время от времени от них откалываются большие глыбы и, грохоча, устремляются вниз, где рассыпаются на более мелкие обломки, постоянно обновляя россыпь.

Только немногие камни россыпи имели острые зазубренные края и еще не были покрыты лишайниками, что было свидетельством их недавнего происхождения. Большинство камней были затянуты лишайниками самых разнообразных цветов. На россыпях преобладали лишайники черных и зеленых тонов, покрывающие камни концентрическими окружностями; на скалах были хорошо видны совершенно красные и золотые лишайники, окрашивающие выступы и карнизы обрывов.

Россыпь поросла редкими кустами кедрового стланика и невысокими березками. Выше были видны открытые участки склона, покрытые травянистыми растениями.

Здесь мы впервые на Байкальском хребте услышали характерный свист сурка тарбагана. Он резко отличался от всех других звуков, которые приходилось слышать в горах, и его невозможно было спутать ни с криком птицы, ни с голосом пищухи или бурундука.

Один сурок свистнул где-то совершенно рядом, другого мы увидели невдалеке от верхнего края россыпи. Тарбаган быстро пробежал между камнями, остановился и вытянулся столбиком. Вдруг впереди, буквально в нескольких шагах от нас, выскочил еще один сурок — зверек вытягивал шею и старался рассмотреть нас из-за камней. Когда мы подошли к нему вплотную, он исчез в пустотах среди россыпи.

Через шесть часов после начала подъема отряд подошел к месту, намеченному в прошлый поход для табора,—на зеленом альпийском лугу была разбита палатка. Сразу же после установки палатки двое из нас отпра-

вились к месту мясного склада. Нужно было принести на ужин немного оленьего мяса, а остальной запас его «законсервировать» в ручье, протекающем рядом с палаткой.

КОВАРСТВО МЕДВЕДЕЙ

От табора до склада всего около пятисот метров. Нужно только немного пройти вдоль распадка и подняться к перевалу по одному из истоков Левого Улькана. И вот уже показался край снежника, в обрыве которого находился мясной склад.

От снежника чем-то встревоженные поднялись вороны и стали крутиться вокруг склада. В обычной обстановке можно много дней провести в горах и даже не подумать о том, что вы находитесь под непрерывным и очень бдительным наблюдением этих больших черных птиц. Лишь изредка неизвестно куда и неизвестно зачем пролетит, гортанно крича, одинокая птица и вскоре скроется из глаз. Но стоит только прогреметь выстрелу, рухнуть на камни мертвому зверю, как уже через несколько часов, разузнав о происшествии, они появляются в большом числе. В день нашей охоты на оленя вороны появились уже через несколько минут — они кружились высоко над снежником, и далеко вокруг разносились их оповещающие крики. На другой день утром над снежником уже крутилось четыре ворона. Предвкушая роскошный пир, они с нетерпением дожидались нашего ухода. Только сейчас мы поняли, что это было зловещим предзнаменованием — их крики должны были неизбежно привлечь внимание медведей к нашему мясному складу.

Мы были еще далеко от снежника, и птицы не могли испугаться нас. И действительно, пройдя около десяти шагов, мы увидели виновника их беспокойства. Небольшой черно-бурый медведь вышел из зарослей стланика, пересек открытый склон горы, где мы сидели после охоты, спасаясь от дождя под плащом, и направился к мясному складу. Мы видели его великолепно. Зверь подошел к снежнику и стал пожирать мясо.

— Подлое животное,— как-то подозрительно ласково прошептал Велижанин.

Зверь между тем продолжал спокойно и не спеша уничтожать мясо. Вокруг кружились вороны, они, несом-

ненно, не меньше нас были недовольны бесцеремонностью его поведения. Птицы садились на снежник невдалеке от привады, прыгали, кричали и всеми правдами и неправдами пытались подобраться к мясу.

Вдруг медведь поднялся на снежник. Вороны насторожились, большинство из них отлетело или ускакало подальше от склада, и только одна черная птица осталась сидеть на месте, не обращая внимания на медведя. Зверь шел по снежнику, делая вид, что ему нет до ворона никакого дела, но, поравнявшись с ним, неожиданно сделал несколько быстрых прыжков, намереваясь схватить птицу. После третьего прыжка медведь начал быстро скользить по снежнику, пытаясь остановиться, осел на зад и со всей силой уперся лапами в снег. Когда ему удалось наконец задержаться, он, по-видимому, решил, что не стоит обращать внимания на такие пустяки и что благоразумнее мириться с ними, как с неизбежным злом.

Увидев, как беспомощно чувствует себя медведь на круто лежащем снежнике, мы поняли, почему именно здесь держались самки оленей с телятами — здесь они были почти недоступными для медведей.

Медведь спустился со снежника и стал продолжать свое дело. В этот момент мы стояли в густом стланике, видеть нас он не мог. Вдруг зверь заволновался. Неужели за это короткое время успел перемениться ветер? Велижанин сунул в рот палец и поднял его над головой; я выдернул из кармана клочок ваты и подбросил его. Нет, ветер по-прежнему дул с гор от медведя, и нас зверь никак не мог обнаружить.

Тем не менее медведь прекратил трапезу, несколько раз боязливо оглянулся, схватил зубами оленью ногу и мелкой рысцой пустился через снежник, вскоре скрывшись в зарослях кедрового стланика. Он явно хотел найти укромный уголок, чтобы спокойно доесть мясо.

Мы бросились в погоню. Поднявшись к снежнику, мы были совершенно ошеломлены картиной полнейшего разгрома нашего мясного склада. В том месте, где было зарыто мясо, не осталось решительно ничего. В нескольких метрах от склада валялась среди щебня последняя обглоданная лопатка. Никто бы не смог подумать, что всего три дня назад здесь был оставлен взрослый олень. Все мясо съедено или растащено по кустам. Теперь, если нам

не удастся добыть зверя, будем вынуждены прервать работу и много раньше намеченного срока спуститься к Байкалу.

Мы поднялись на снежник, надеясь догнать медведя в стланике, как вдруг в противоположной стороне от склада увидели другого зверя. Огромный медведь сидел на небольшой поляне среди стланика и уничтожал остатки мяса.

Мы бросились на землю и решили стрелять отсюда, так как впереди шло резкое понижение, спустившись в которое можно потерять зверя из виду. Стрелять было крайне неудобно, так как лежали головами вниз по склону. Раздался выстрел — мы увидели, как вправо от медведя взметнулось облачко пыли. С рявканьем и сопением зверь метнулся вправо, мгновенно выскочил на прежнее место, бросился в другую сторону, снова вернулся и встал, не в состоянии понять, откуда грозит опасность. Медведь двигался так стремительно, что за это время едва можно было успеть передернуть патрон. В тот же миг из стланика выскочил медвежонок-лончак и бросился вверх по склону.

Медведица — так вот кого испугался грабитель нашего склада! Услышав убегающего медвежонка, медведица пустилась следом за ним. Метров через сто они остановились, передохнули несколько мгновений и снова пустились галопом на гору. Так, останавливаясь через каждые сто метров, звери достигли вершины горы и скрылись за ней.

Когда мы вернулись к месту табора, палатка наша показалась крохотной, одинокой и совершенно затерянной среди этих холодных каменных громад. Даже дымок от костра, который развел Хатабыч, не смог побороть нашего мрачного настроения.

Я решил отоспаться в палатке и попросил не будить меня завтра рано. В этом году нам удивительно не везло на медведей. Мы видели их уже больше тридцати, но до сих пор, хотя прошло уже около сорока дней с начала работы, не сумели взять ни одного. С каждым днем все больше нервничали и уже не могли спокойно смотреть на этих зверей. Мы делали непростительные, совершенно очевидные ошибки; выражаясь по-охотничьи, нам не было фарта.

МЕСТЬ

Разбуженный выстрелами, я вылез из палатки. Меня встретило утро одного из лучших дней июля. В свой предпоследний день июль спешил показать все самое сокровенное, что в нем таилось.

Хорошо и легко идти по цветущему альпийскому лугу. Утро предвещало чудесный день. Таким он и пришел к нам, чтобы запомнить его на всю жизнь.

За весь день на небе не показалось ни единого облачка — для тех мест, где мы находились, явление чрезвычайное. Небо было очень чистым, широко распахнутым и очень голубым. Солнце в полдень палило, как в Африке, и нужно было только осторожно притронуться к камню, чтобы это понять. Сотни крупных аквилегий выстроились, как на церемониальном смотре, и все, как одна, повернули свои очаровательные головки навстречу солнцу. Казалось, что в цвете лепестков этих прекрасных цветов отразилась вся синева высокогорного неба.

Двое моих товарищей по отряду — Аркадий Велижанин и Александр Карамышев, которого за его золотые руки звали Хатабычем,— поднялись задолго до рассвета. Было очень темно, и идти по россыпи опасно. Но так велико было их нетерпение и так горяча охотничья страсть, что они вышли еще в темноте. И, как бывает в те дни, когда очень везет, именно это оказалось решающим — задержись они хотя бы на пятнадцать минут, все могло получиться иначе.

Они увидели медведя еще в сумерках — зверь спустился на снежник и был хорошо заметен на его светлом фоне. Шел четвертый час ночи. Зверь, видимо, только что отправился на охоту. Он пересек снежник и остановился у склада, где его задержала недоеденная оленья лопатка. Ветер по-прежнему дул с гор.

Невдалеке от снежника черным пятном выделялся небольшой скальный обрыв — удобное место для стрельбы. Хатабыч с Велижаниным подобрались уже к самому обрыву, но отсюда они ничего не смогли увидеть, а медведь каждую минуту мог исчезнуть незаметно. Только бы не ушел — это была единственная, занимавшая их мысль.

Ползти по камням и щебню, да еще так, чтобы тебя не было слышно,— очень трудно, но вот наконец они до-

стигли последней грани скалы, и сразу же знакомым силуэтом бросается в глаза зверь. Он давно уже прислушивается к посторонним звукам и внимательно смотрит в сторону скалы, ожидая, может быть, встречи со своими собратьями. Могло ли ему прийти в голову, что это окажется самым страшным из всего, с чем ему приходилось встречаться в жизни.

Хатабыч прицелился и выстрелил. Зверь осел, но тут же поднялся на ноги и, судорожно поджимая заднюю часть тела, бросился к зарослям стланика. Хатабыч выстрелил вторично, снова ранил зверя, но тот все же успел добежать до стланика и скрыться в нем.

Велижанин и Хатабыч пошли по следу медведя и увидели, что камни вокруг обрызганы кровью. Эта дорожка привела их к кромке стланиковых зарослей. В тот момент, когда они хотели войти в стланик, медведь высунулся из него и разъяренно оскалил пасть, но напасть не решился и снова спрятался в гуще ветвей. Пришлось отойти от зарослей и спрятаться за большим камнем.

Зверь храпел, но не выходил из стланика. Тогда они еще несколько раз выстрелили по нему сквозь хвою и ветви — медведь протрещал кустами и замер. И больше, как ни прислушивались, они не услышали ничего.

Я проснулся, по-видимому, после первого выстрела. По промежуткам между выстрелами можно было понять, что зверь или ранен, или убит и что нужно идти измерять его, взвешивать, собирать с него паразитов и делать снимки.

После внимательного осмотра следов мы обнаружили на земле кровь и решили, что можно пойти по следу без риска. Красная дорожка привела нас в чрезвычайно густой стланик. Ничего не было видно уже в трех шагах, и медведь мог подмять мгновенно. Появлялось неприятное ощущение страха. Среди кустов мы обнаружили место, где на лишайнике лежал медведь. Вся эта крошечная ягельная полянка здесь стала красной.

Вдруг мы увидели медведя совсем рядом.

— Камень,— крикнул я Хатабычу.

Камень ударился о тело зверя, но он не пошевелился.

Мы выкатили медведя на чистое место. Это была небольшая яловая медведица. В длину она не превышала 165 сантиметров и весила всего сто девять килограммов. В желудке у нее мы обнаружили семь килограммов на-

шей оленины, отдельные куски которой достигали трехсот граммов. Вчера вечером приходила, по-видимому, она, и, наверное, она же была одним из главных грабителей нашего склада.

Сделав несколько фотографий, мы сняли с медведя шкуру и разделали его тушу. К месту лагеря мы легко перенесли ее за один прием, затем окунули тушу в ручей с холодной ключевой водой. Шкуру же растянули на кольях и натерли солью. Вскоре уже была готова порция медвежьих шашлыков. Теперь мы были обеспечены мясом на долгое время и могли, ни о чем не заботясь, начать работу.

ПО ГОРАМ И МЕЖ ГОР

В такой замечательный день не сиделось на месте — решено было спуститься вниз по ключу и разведать его долину.

Природа этого дикого и изумительно величественного края глубоко взволновала нас и хорошо запечатлелась в памяти. Ручей теснился меж невысоких скал. Вода насквозь пронизывалась солнечными лучами, и всюду под ней был виден слоистый, отглаженный течением камень. Красные, зеленые, желтовато-бурые цвета просвечивали сквозь воду, как драгоценные камни.

Местами скалы слегка отступали, их место занимали невысокие, но густые заросли ивняка. Они были особенно прелестны, когда вдруг перемежались с крошечными субальпийскими лужайками.

Звериная тропа была проложена здесь «с большим вкусом», не минуя ни одного красивого уголка. Местами, когда скалы снова оттесняли лужайки и ивняки, тропа взбиралась высоко вверх и терялась в бесконечном океане кедрового стланика. Она шла все время по левому берегу реки и явно принадлежала медведям и оленям — об этом нам постоянно напоминали их следы и совершенно свежие экскременты, которые были видны повсюду.

Вскоре мы уже пробирались среди последних деревьев лесного пояса. Здесь росли пихты, березы, а немного ниже — кедры. Пихты, всегда вызывавшие у нас какие-то особенно теплые чувства, стояли как в сказке, напоминая фантастические ряды острых шпилей — так узки были

их точеные кроны и так мало ветвей уживалось на их стволах. Только самые выносливые из них, не испугавшиеся ни страшных северо-западных ветров, ни скал и морозов, сумели уцелеть на такой высоте.

Отовсюду были слышны голоса бурундуков и пищух, и сами зверьки то и дело попадались нам на глаза. Вместе с медведем и северным оленем они были здесь настоящими ландшафтными животными.

Тропа перешла наконец на правый берег реки, и мы увидели открытый крутой склон горы с богатыми лугами и невысокими зарослями березы и ольхи. Подняться по нему на вершину хребта было очень заманчиво.

Подъем занял у нас не менее часа и оказался нелегким, но, выйдя на вершину горы, мы были вознаграждены прекрасной картиной, открывшейся отсюда.

Здесь почти не было комаров — мы почувствовали огромное облегчение. Типичное горное плато на высоте около тысячи восьмисот метров над уровнем моря. С востока оно ровное, как стол, к западу полого спускается к реке Лене, внезапно переходя в довольно крутой склон. Мы шли по лишайниковой тундре с золотистыми рододендронами и круглолистной карликовой березкой, между которыми росли чахлые кустики шикши и брусники.

Плато со всех сторон обдувалось ветром и было, видимо, излюбленным местом оленьих пастбищ. Его ровная поверхность была во всех направлениях исчерчена оленьими тропами. С юго-восточной стороны на склоне горы еще лежали мощные снежники. На западе, там, где кончалось плато, и дальше стелилась бесконечная тайга, покрывая невысокие сопки приленской возвышенности.

Мы решили перевалить из долины левых истоков Левого Улькана в его правые истоки, продвигаясь вдоль плато и не спускаясь в долину. Но сделать этого нам не удалось. Дальше путь преградила сплошная скальная стенка, преодоление которой требовало искусства и снаряжения альпинистов. Мы стали спускаться в один из истоков Левого Улькана.

Вдруг на зеленом склоне среди кедрового стланика мы увидели двух оленят. Они выскочили из зарослей в каких-нибудь двадцати метрах от нас и не спеша побежали по плато. С какой радостью забились наши сердца! Это, несомненно, были те самые, наши оленята — мы чувствовали это всем сердцем, всем своим существом.

Легко и игриво гарцуя, тихой рысцой оленята убегали от нас, время от времени останавливаясь и оглядываясь. Мы хорошо рассмотрели их и сделали по нескольку удачных снимков.

Спуск, казавшийся очень нетрудным и довольно пологим, еще и еще раз убедил нас в несовершенстве человеческого зрения. Спускаться пришлось долго и тяжело.

Уже невдалеке от палатки, остановившись у живописного водопада, мы оглянулись на пройденный сегодня путь. На белом фоне снежника, рядом с которым мы недавно прошли, стоял олень с очень крупными рогами и ел снег.

ЗА ПЕРНАТЫМИ

31 июля 1958 года — тяжелый и неприятный день. Весь день и всю ночь непрерывно шел дождь, весь день и ночь мы пролежали совершенно мокрыми. Маленькая двухместная палатка с трудом умещала троих. Мы часто касались стенок палатки, и в этих местах она начинала пропускать воду.

В полдень на востоке появились было голубые пятна, но очень скоро их безнадежно затянули почти черные стратусы. Только на следующий день мы смогли продолжить нашу работу — изучение фауны высокогорных птиц.

На рассвете мы вылезли из палатки, слегка обсушились у костра и разошлись в разные стороны. В это раннее время со всех сторон уже слышалось стрекотание пеночек и голоса других птиц, которых вначале мы еще плохо знали.

Когда солнце поднялось над вершинами гор, мы были уже далеко от палатки. Впереди прекрасной песней встречала нас «вещая» птица щур. Ее голос доносился из густых зарослей стланика, оттуда, где распадок порос кустарниковой ольхой. Песня щура напоминала задушевный разговор свирели — тихие, глубокие, сочные, удивительно приятные звуки уплывали в распадок.

Жизнь этой птицы тесно связана с распространением стланика, в зарослях которого она вьет свои гнезда.

На вершине стланиковой ветви, в гуще хвои сидела яркая птица величиной со скворца. Ее грудь казалась совершенно красной и отливала пурпурным оттенком. На

крыльях птицы были заметны две беловатые поперечные каемки.

Невдалеке от поющего самца мы увидели и самку щура. Она была примерно такой же величины, но ее оперение состояло из оливково-зеленых и желтых тонов.

Мы продолжали подниматься по склону долины, а снизу без устали и без передышки задавала нам свои минорные вопросы обыкновенная чечевица — небольшая птичка, величиной с воробья, но окрашенная так же ярко, как самец щура. Было что-то такое в ее искреннем голосе, что невольно хотелось остановиться и что-нибудь ей сказать.

У ручья раздавались голоса горных трясогузок, очень напоминавшие тревожные позывки белой трясогузки, а вокруг в стланике и карликовых березках резвились молодые бурые пеночки.

Изредка попадались горлицы и кедровки. И у тех и у других зобы и подъязычные мешки были туго набиты орешками стланика прошлогоднего урожая. У одной из добытых кедровок с неправдоподобно сильно раздутым подъязычным мешком мы извлекли его содержимое. В нем оказалось «скандальное количество пищи», говоря словами французского ученого-энтомолога Жан-Анри Фабра,— 170 орешков кедрового стланика. Многие из них были уже проросшими — можно было догадаться, что птицы выбирали их из земли. В чешуе многих орешков появились щели, из которых торчали целые пучки ростков. Осмотрев их внимательно, нетрудно понять, почему у куста кедрового стланика из одного места растет сразу так много ветвей.

Где-то высоко над плато прокричал ворон. При нашем приближении над стлаником поднимались горные коньки и упорно «висели» в воздухе. Изредка встречались горные байкальские вьюрки.

Долина левого истока Левого Улькана пестрела лугами и рощами. Ивняки чередовались здесь с каменной березой и зарослями кустарниковой ольхи. Высокие, по пояс, травы росли на лугах и в рощах — густой стеной стояли акониты, василистники, азиатские купальницы, аквилегии, герани. В этом распадке встречалось наибольшее количество птиц. Здесь раздолье пеночкам-таловкам, обыкновенным чечевицам, каменным трясогузкам, щурам, соловьям-красношейкам.

Тут же в кустарнике у реки мы увидели нарядную птицу — овсянку-дубровника. Птичка очень красива. У нее бархатисто-черные щеки и горло, ярко-желтые грудь и брюшко, темно-коричневый верх. Птица самозабвенно пела; ее простая и лиричная песенка очень оживляла местность. Дубровники редко встречаются так высоко в горах — их родина широкая луговая пойма и заросли кустарников по берегам Байкала.

На обратном пути у ручья, на болотистом перевальном плато мы поохотились за азиатскими бекасами, но их здесь было немного, и нам с трудом удалось добыть для коллекции трех птиц.

УДАЧНАЯ ОХОТА

Следующие два дня почти не переставая шел дождь. Когда он немного стихал, мы выползали из палаток и пытались вести наблюдения в окрестностях лагеря. Птицы были мало активны, они где-то упорно прятались, и мы вымокали до нитки без всякой пользы для дела. Временами дождь становился таким сильным, что рядом с палаткой оживал ручеек, который оставался сухим все предыдущие дни. Погода была настолько скверной, что мы потихоньку друг от друга начали думать о том, что до нашего базового лагеря с теплыми спальными мешками не так уж далеко.

Каждый день в полдень на востоке появлялись голубые просветы. Мы смотрели на них умоляющими глазами, но к вечеру тучи снова плотно затягивали небо, и всю ночь шел проливной дождь.

Утром 4 августа с юга подул очень сильный ветер, и тучи, двинувшиеся на север, что здесь было редким явлением, начали рассеиваться над хребтом. Можно было снова посетить хорошие птичьи места и пополнить наши коллекции.

Утро началось с небольшого происшествия. Из кедрового стланика вышел северный олень и направился к нашей палатке. Зверь был явно озадачен тем, что ему пришлось увидеть на лугу, где до этого он, по-видимому, неоднократно пасся. В центре небольшой альпийской лужайки стояла ярко-синяя палатка, перед ней горел костер, а вокруг шевелились какие-то существа, которые, в отличие от всех виденных раньше, почему-то были толь-

ко на двух ногах. Олень решил не испытывать нашей лояльности — он прыгнул и быстро упругим галопом ускакал к снежнику.

Проводив приятного гостя, мы с Велижаниным стали подниматься на перевал, добывая отсутствующих в коллекции птиц. К десяти часам утра мы были уже над глубокой долиной и с большой высоты смотрели на белеющий внизу ручей.

И тогда мы увидели медведя. Зверь медленно пробирался через стланик, придерживаясь зарослей березы, ольхи и ивы, где он срывал сочную зелень трав. Медведь был хорошо виден без бинокля — он шел со скоростью не более одного километра в час. Находился он примерно на одной высоте с нами, но, судя по направлению его хода, имел намерение спуститься в распадок. До зверя было примерно четыреста метров, но он хорошо выделялся в стланике темной окраской шерсти.

Мы решили не упускать возможности добыть дополнительный материал по морфологии медведя. Отряд накопил уже много интересных данных о жизни медведя на Байкальском хребте, но все еще чувствовалась нехватка именно в морфологическом материале.

Был обдуман и принят план охоты. Велижанин стал подниматься по гребню, с тем чтобы обойти медведя сверху и не дать ему выйти из долины. Я быстро спустился на дно долины и занял удобное место для стрельбы.

Медведь продолжал двигаться в прежнем направлении и был уже невдалеке от меня, но я решил подпустить его как можно ближе и бить наверняка. Мне не раз приходилось убеждаться в том, как трудно попасть по убойному месту с большого расстояния и как досадно мал калибр имевшегося в нашем распоряжении нарезного оружия.

Зверь брел наискосок по склону, то показываясь на открытых россыпях и лужайках, то совершенно скрываясь в зарослях стланика или в рощах каменной березы.

Высоко над ним по гребню бокового водораздела шел Велижанин. Еще несколько десятков минут, и Велижанин выйдет на одну линию с медведем. Вот он уже поравнялся с ним, но сверху, по-видимому, ему не видно зверя, и он продолжает идти вперед.

Я ждал, что медведь услышит Велижанина и тогда неминуемо должен будет свернуть прямо на меня. Но Ве-

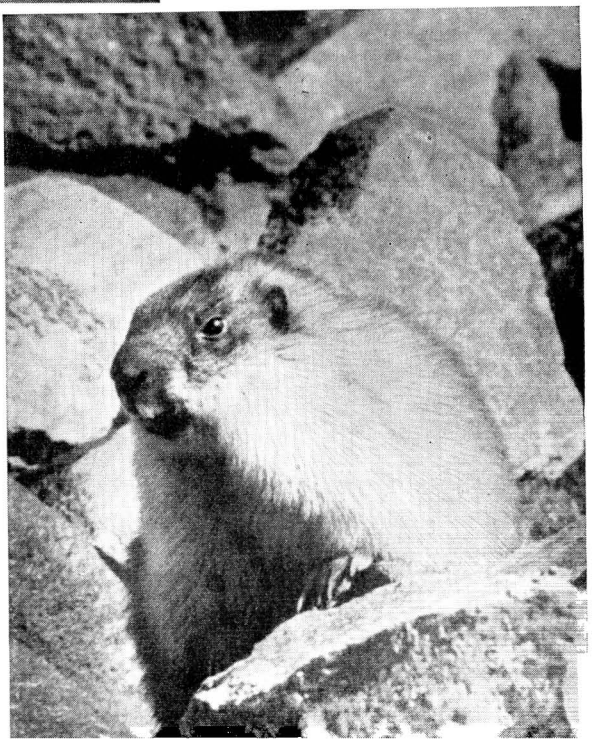
1 Постепенно набирая скорость, катер стал выходить из губы

2

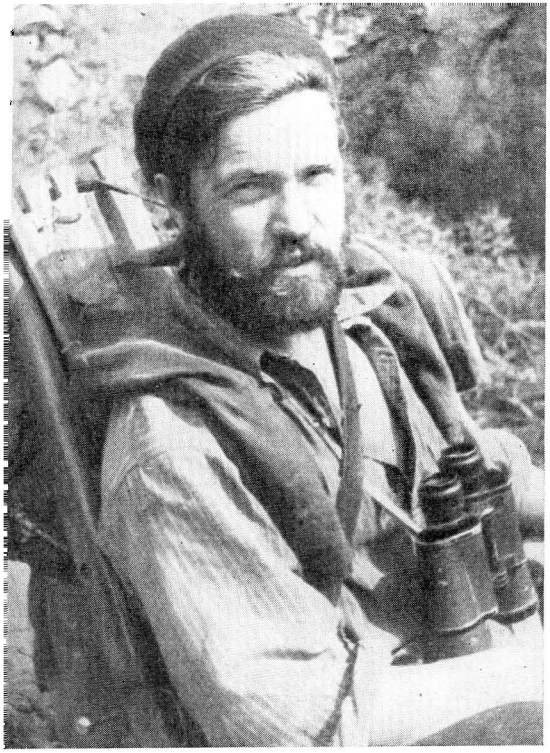
Бурундука в гольцах встречаешь очень часто

3

Один сурок выглядывал из-за камней совсем рядом с нами



Река грохотала неистово, хотя ширина ее не превышала нескольких метров



5

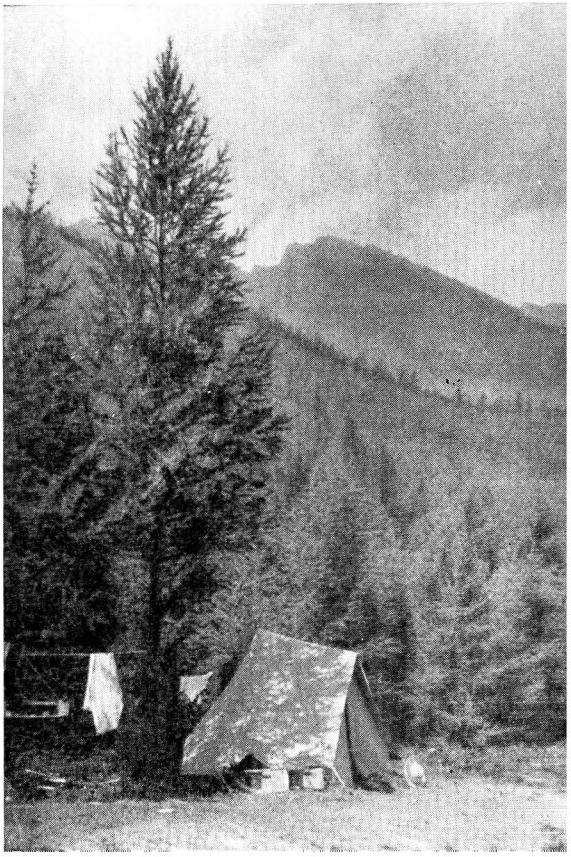
Хатабыч (Александр Карамышев) имел очень типичную внешность

6

Впереди, из-за высокого и крутого мыса, стал виден поселок Давше

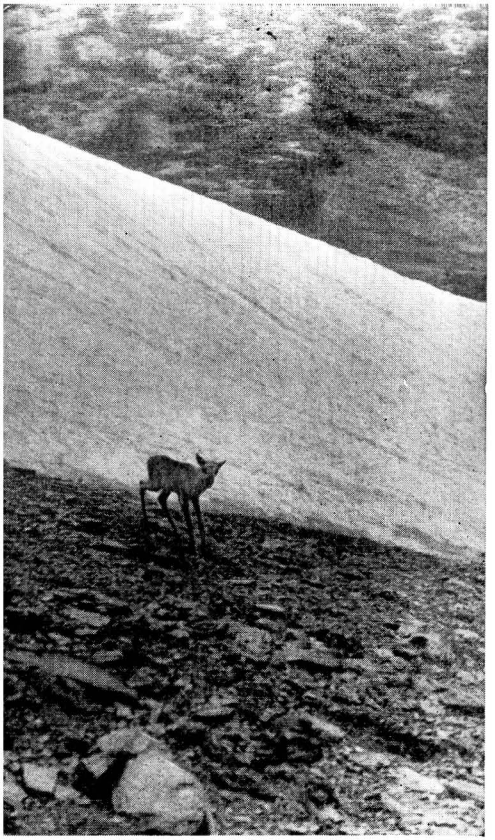
7

На мысе Рытом обитает множество длиннохвостых сусликов



8

К пяти часам вечера на берегу Байкала вырос экспедиционный городок

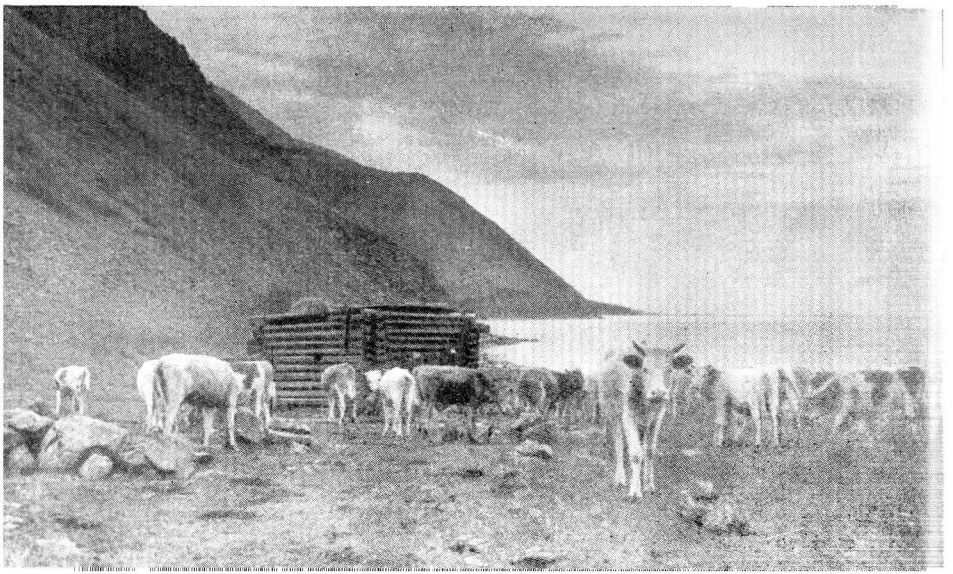


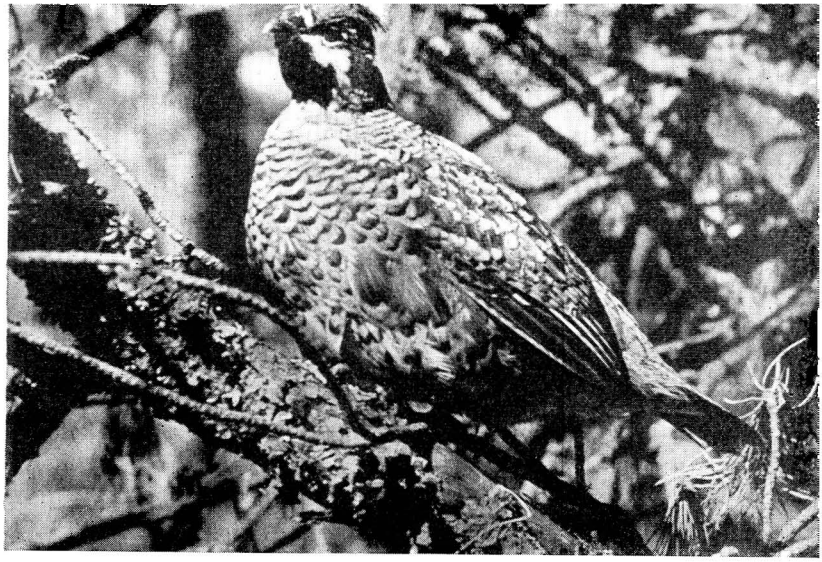
9

Олененок сбежал со снежника и остановился на склоне горы

10

Заимка оказалась крошечной избушкой с плоской крышей и двумя маленькими окошками





11

В прибрежных лиственничниках рябчики встречались повсюду

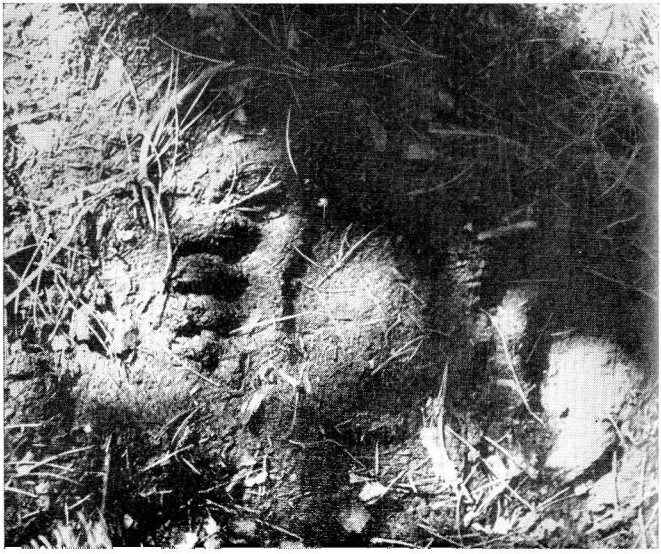
12
Вокруг плотной стеной стал кедровый стланик

13

Северное Прибайкалье издавна славится бурыми медведями

14

Их следы встречаются здесь всюду



лижанин шел, видимо, очень осторожно, и зверь не собирался менять направления.

Медведь уже прошел то место на склоне, напротив которого находилась моя засада, и продолжал спускаться вниз. Я стал опасаться, как бы он не вышел к реке вне выстрела. Вдруг зверь пошел быстрее. Если он сейчас не изменит направления, тропа выведет его за небольшой мысок справа от меня, и тогда уже нельзя будет стрелять.

Зверь уходил от выстрела. Он уже почти спустился в долину рядом с мыском и сейчас пробирался сквозь густые заросли ивняка — там с треском раздвигались и колыхались кусты. Медведь неизбежно должен будет выйти за мысом.

Мне не оставалось ничего другого, как попытаться выйти к мысу, хотя я и чувствовал, что это почти безнадежно. Сильный шум, сопровождавший каждый шаг зверя в кустах, не помешал ему мгновенно услышать мой крадущийся шаг. Медведь тотчас поднялся на дыбы и уже смотрел в мою сторону. Я замер, но он уже увидел меня и, прежде чем я успел что-нибудь предпринять, бросился вверх по горе, прямо на Велижанина.

В прогалинах среди кустов медведь был хорошо виден, и тогда я выстрелил по нему с руки. Одна из пуль настигла зверя. Он остановился, выгнулся, схватил себя зубами за бок и тут же исчез в густых зарослях стланика.

Я больше не видел медведя, но Велижанин сверху пронаблюдал, как он, панически удирая, спустился в долину, как бежал, не оглядываясь, вверх по ручью, как пересек его, потом стремительно поднялся по открытой и очень крутой россыпи и вдруг рухнул в зарослях стланика.

Мы подошли к тому месту, где зверь взбегал на россыпь. На камнях и траве отпечатались крупные кровавые следы, которые вели вверх по россыпи. Подъем, так уверенно взятый раненым зверем, отнял у нас немало сил.

Несколько капель крови мы нашли на хвое, но дальше не удавалось обнаружить никаких следов. Мы безуспешно потеряли на поиски около часа. Склон здесь был очень крутым, а заросли стланика совершенно непрохо-

димы. Вскоре мы выбились из сил. И вдруг, когда надежда готова была оставить нас, мы увидели его между двумя большими камнями в густом стланике, на дне неглубокого понижения.

Перед нами лежал довольно крупный, но очень светлый медведь-самец. Несмотря на почти полную линьку, шерсть на нем была высокой и густой. Одно ухо зверя было разорвано вдоль до самого основания — след жестокой драки со своими сородичами. Лапы — очень большие, с крепкими загнутыми когтями и толстой кожей на подошве; длинные загнутые клыки, которые от времени стали совершенно желтыми. В длину медведь имел около двух метров и весил около двухсот килограммов.

КОШМАРНЫЙ ДЕНЬ

Ночь мы снова провели нелегко, но новый день, 5 августа, стал одним из самых невыносимых дней ульканского похода. Утро встретило нас сплошным серым туманом. Тяжелые стратусы, плотно прижимаясь к горам, ползли вдоль долин и распадков, и мы оказались в самой их отвратительной гуще. Простым глазом были хорошо видны пролетавшие мимо нас капли воды величиной с булавочную головку. Они мчались туда, куда их гнал ветер. Но с ветром происходило что-то совершенно невозможное — он метался от куста к кусту, мгновенно менял направление.

Костер удалось разжечь с огромным трудом, но сидеть у него было настоящей пыткой. Ветер гнал дым куда-то на юг, мешая его с туманом. Внезапно ветер менял направление и дул в прямо противоположную сторону, и тех, кто не успевал отскакивать и отворачиваться, он обдавал дымом, огнем и искрами, завивая на бороде и усах желтые колечки. Мы задыхались в дыму, опалили ресницы, брови. В сотый раз мы пересаживались у костра, пытаясь приноровиться к ветру, но он неожиданно снова менялся. Глаза выедало дымом, они беспрерывно болезненно слезились. Отойти от костра не было никакой возможности — все были насквозь мокрыми и вдали от костра сразу начинали дрожать от холода.

В полдень облака поднялись выше, капли, носившиеся вокруг нас, становились все меньше и вскоре сделались

почти незаметными. Пошел дождь. Он не прекращался ни на минуту до следующего утра. Все предыдущие ночи мы спали всего по три-четыре часа, но эта ночь была настоящим адом. Мы дрожали не переставая, как в тяжелой лихорадке. Особенно сильно стонал Хатабыч, который когда-то попал под поезд и у которого было несколько очень болезненных переломов.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДНОЕ МОРЕ!

Утром при первых проблесках рассвета Хатабыч выполз из палатки и попытался разжечь костер. Дождь перестал. Было пасмурно; как и в предыдущие дни, по горам ползли черно-серые стратусы, но вскоре появилась надежда на улучшение погоды. Далеко над Байкалом среди сплошных туч снова показались яркие голубые пятна. Но наше терпение и силы окончательно истощились.

— Проклятье,— прохрипел Велижанин,— я больше не верю этим голубым лжецам.

— К черту,— подтвердил Хатабыч.

Мы решили немедленно свертывать палатку и двигаться к базовому лагерю.

В семь часов утра тронулись в обратный путь. Вдали на востоке, там, где лежал Байкал, все шире и шире расплывались голубые пятна, чистые и яркие, как бирюза. Утомленные многими бессонными ночами, холодом и трудными переходами, мы медленно поднимались на перевал, с трудом переставляя ноги. После дождей повсюду появились маленькие озерки и большие лужи, но не было ни сил, ни смысла их обходить. Местами шли почти по пояс в воде.

С перевала стал виден Байкал. На озере стоял полнейший штиль; небо над ним было сплошь голубым.

Через несколько часов у слияния истоков реки Хибелена мы уже отдыхали и сушились вокруг жаркого костра под горячим солнцем. Погода становилась великолепной, настроение стремительно улучшалось.

Я решил собрать к чаю немного кислицы. Менее чем за десять минут набрал целый котелок красной смородины, но с того же куста можно было вполне снять еще

ведра два ягод. Такому урожаю позавидовал бы любой садовый сорт.

В долине реки было огромное количество черной смородины, и нам за все время скитаний по Байкальскому хребту не пришлось найти второго такого места.

В этом году был большой урожай черной смородины. Ягоды очень крупные — полтора-два сантиметра в диаметре. Среди зарослей мы нашли много кустов смородины с крупными зеленовато-желтыми ягодами, оказавшимися уже совсем спелыми и более вкусными, чем черные ягоды.

Крупные, с янтарным отливом, они были так нежны и прозрачны, что все семена и белые прожилки просвечивали насквозь. Черная смородина поспела еще не вся, и у реки, в прохладе, она была зеленой.

На тропе уже встречались большие кучи медвежьего помета, целиком состоящего из остатков черной смородины. Для медведей началась ягодная пора.

К полудню мы спустились с гор и сквозь пушистую хвою лиственниц увидели спокойную синеву Байкала.

Здравствуй, наше родное море! Как красиво твое драгоценное зеркало, когда стоит полный штиль! Как увлекательны и новы виднеющиеся вдали давно знакомые линии твоих многочисленных мысов! Как бодро и жизнеутверждающе лучится твоя живительная влага, отражая всю глубину и ясную синеву неба!

Здравствуй, Байкал! Из черного изнуряющего ненастья мы вышли наконец в твою солнечную страну. Как ты нов, как ты свеж и как ты прекрасен, когда во все небо тебе улыбается солнце!

Мы сбросили паняги, подошли вплотную к воде и опустились на камни. Я лег на спину, положил руки под голову и закрыл глаза. Так бездумно, безвольно, наслаждаясь солнцем, теплом и покоем, мы лежали, стараясь удобнее вытянуть ноги; мышцы гудели и ныли.

Я приподнялся и посмотрел на друзей. Они лежали рядом: справа от меня Хатабыч, за ним — Велижанин. У Хатабыча очень типичная внешность, которая обычно сопутствует так называемым бродягам и таежным «пиратам».

И рядом с ним Велижанин, еще студент, еще почти мальчишка. Он любил помечтать, имел большую склон-

ность к экспедиционной работе и пристрастился в нашей экспедиции к писательскому труду.

Трудно было найти двух более разных людей, склонных к срывам каждый на свой лад. Но здесь, в тайге, их прочно объединила любовь к нашему делу, страстная любовь к природе и путешествиям.

Рука Хатабыча соскользнула с камня и наполовину погрузилась в воду. Я сказал ему об этом, опасаясь, как бы вода не попала в часы. Но он лежал как мертвый.

— Хатабыч,— еще раз сказал я.

Карамышев и Велижанин приподнялись и открыли глаза. В них была бесконечная усталость, но на их лицах светились улыбки.

Я знал, что через день, через два они забудут все пережитые муки и снова, едва отдохнув, будут рваться за перевалы.

Скажи им, что они выполняют трудную работу, они не поверят. Их работа — их страсть, но заставь ее выполнять другого, даже самый тяжелый труд по сравнению с тем, что делают они, этому другому покажется раем.

Я верил, что они до конца пронесут веру в важность и необходимость нашего дела, веру в необходимость постоянных фаунистических исследований.

Я чувствовал, что их дела, а также дела многих других полевых зоологов должны показать простую и бесспорную истину — что все науки одинаково нужны и что все гигантское здание науки никогда не сможет быть законченным и полноценным и в какой-то момент может рухнуть, если из него выбить один из промежуточных этажей.

О люди-бродяги, перелетные птицы! Путешественники и изыскатели, охотники и натуралисты, старатели и краеведы!

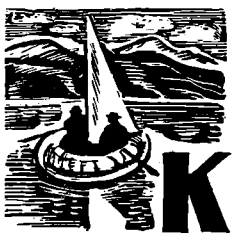
Промысловик-охотник, ушедший за сотни километров от последнего населенного пункта и не имеющий возможности подать сигнал о помощи даже в случае крайней опасности; рыбак, которого в любую минуту может захватить на Байкале шторм; геолог, прокладывающий маршрут по гребню скал; ботаник, забредший с маленьким караваном в самое сердце Восточного Саяна; зоолог, который не ходит только там, где нет дороги ни человеку, ни зверю,— все, кто жив большой любовью к природе Земли.

Всегда и везде мир кажется вам новым, стоплановым и стозвучным.

Всю жизнь вы не перестанете восхищаться красотой Земли и всего, что на ней живет и произрастает. Вы смотрите на все глазами орлов, для которых светлы и прекрасны все земные и неземные дали, все туманные глуби идущих веков.

Я всегда завидовал вам и восхищался вами.

ЧЕРЕЗ БАЙКАЛ НА РЕЗИНОВОЙ ЛОДКЕ



Кончалась первая декада августа, со дня на день должен был начаться пролет птиц, и мы чувствовали, что потеря ружья может заметно сказаться на результатах работы отряда. Если до сих пор мы вполне обходились оставшимся оружием, то во время пролета птиц, когда дорог буквально каждый день, мы бы наверняка почувствовали тяжесть потери.

Осенний пролет птиц обещал обильную и интересную жатву. В это время на Байкале можно встретить далеких арктических и других пролетных птиц, весной облетающих озеро стороной; случайно залетных птиц, которые в другое время года здесь не встречаются. Мы надеялись значительно пополнить нашу коллекцию новыми для нее видами.

Ружье можно было достать только в двух местах. Для этого надо или, отправившись на север, попытаться купить ружье в магазине Байкальска, или уплыть за Байкал, в Давше, и там раздобыть у кого-нибудь из друзей.

От нашего базового лагеря до Байкальска — не менее ста километров; до Давше — не больше восьмидесяти. В Байкальске могло не оказаться магазина, где бы продавались ружья. Кроме того, поездка вдоль берега Байкала не представляла для нас ничего нового, а путешествие через Байкал давно уже занимало нас. Велижанин был решительно за Давше, хотя вначале его участие в поездке и не предполагалось.

Некоторый опыт жизни на Байкале давал нам уверенность, что по крайней мере в течение ближайших двух дней на озере не будет шторма. Для того чтобы добраться до противоположного берега, достаточно одного дня — решено было отправиться за Байкал, в Баргузинский заповедник.

Откровенно говоря, ружье — не единственная причина поездки за Байкал; оно здесь сыграло роль пускового механизма. На той стороне Байкала в рыбачьих деревушках и в Баргузинском заповеднике жили наши друзья, которых нам очень хотелось повидать. Мы часто вспоминали Гаврилу Никифоровича Постникова, с которым вместе работали в заповеднике. Он был бессменным наблюдателем заповедника почти двадцать пять лет, и самые интересные люди и события прошли у него на глазах. В заповеднике за ним прочно сохранилось имя Дедушка Постников. Мы вспоминали его тонкую таежную хитрость, высокое чувство долга, его своеобразный юмор.

Очень хотелось увидеть Савелия Михайловича Толстихина — человека чудесной души, доброго, нежного сердца, прекрасного друга. Он был одним из лучших рыбаков на северном Байкале и свое рыбачье счастье умел найти в любом уголке озера. Никто не умел талантливее Саввы принять случайного гостя — в крошечной избушке, на всякий случай прикрытой парусом.

Ждали мы встречи и с Анатолием Татариновым, Тольчей,— лаборантом заповедника, нашим верным, добродушным спутником во многих прежних походах.

Но больше всего меня влекло к очень близкому мне в то время человеку — Семену Климовичу Устинову, научному сотруднику заповедника. Долгие годы нас связывала с ним крепкая дружба. Вместе мы работали в заповеднике, вместе ходили вокруг Баргузинского хребта, вместе мечтали работать плечо к плечу. Но очень скоро жизнь разбросала нас по разным углам необъятной Руси.

8 августа задолго до восхода солнца, «лодку починя и парус скропав», мы поплыли за море. Лодка была еще совсем новой, и поэтому вся «починка» ее состояла в установке паруса.

Хатабыч выпилил две доски, проделал в них дырки для мачты и закрепил доски на лодке — одну на дне, другую на бортах. Парус был сшит из куска нетолстого бре-

зента. За несколько часов лодка была готова к путешествию. В последний момент Хатабыч почувствовал себя не очень хорошо и не смог участвовать в поездке. Его спальный мешок был выгружен, а на его место положен мешок Велижанина.

Байкал был абсолютно спокоен. Мечта наша о легком северо-западном ветре оказалась тщетной — на гладкой поверхности озера нигде не появлялось даже сколько-нибудь заметной ряби.

Через несколько часов мы стали заметно уставать и решили сменяться на веслах каждый час. Лодка шла вперед ровно и медленно — когда после завершения перехода мы подсчитали среднюю скорость, она оказалась 3,6 километра в час, хотя каждый из нас греб в полную силу.

Нам нужно было проплыть не менее восьмидесяти километров на юго-восток. Мне хорошо знакомы очертания пиков и мысов Баргузинского хребта — лодка шла прямым ходом к мысу Черному.

В двадцати километрах от берега над лодкой пролетела первая крупная бабочка. Она летела очень точно с востока на запад, пересекая Байкал по наименьшему расстоянию. Бабочка пронеслась с очень большой скоростью в пяти метрах над поверхностью Байкала и почти рядом с нашей лодкой. Несмотря на то что она пролетела не менее пятидесяти километров, в ее полете совершенно не чувствовалось усталости.

Вскоре показалась вторая бабочка, которая летела в том же направлении и на той же высоте. Всего за день пути мы видели около десяти бабочек, перелетающих через Байкал. Наблюдать за бабочками можно было только в очень неширокой полосе и только в том случае, если они пролетали достаточно близко к нам. Если ширину этой полосы условно ограничить ста метрами, то легко подсчитать, что через каждый километр водного пространства Байкала за день пролетело около ста бабочек. Всего же за этот день Байкал пересекли с берега на берег тысячи бабочек.

Наше наблюдение позволяет лучше понять роль Байкала как зоогеографической границы. Семьдесят километров водного пространства — не препятствие для проникновения некоторых форм животных с одного берега на другой. Тем не менее многие птицы — овсянка-дубровник,

обыкновенная пустельга, филин и некоторые другие — на восточном и западном побережье Байкала представлены самостоятельными подвидами, иногда заметно отличающимися внешним обликом.

Не являясь серьезным препятствием для расселения многих видов насекомых, птиц и других представителей животного царства, даже содействуя расселению некоторых животных, Байкал все же служит довольно заметной зоогеографической границей. Проникновение особей с западного на восточное побережье Байкала настолько незначительно, что это приводит к образованию самостоятельных подвидов. Это явление особенно заметно среди птиц, возможно, что оно будет открыто и среди насекомых.

Все бабочки принадлежали к роду ванесса. Летом этого года энтомолог Н. Г. Джолова наблюдала массовое размножение этих бабочек в Забайкалье, на островах Селенги. Позднее ей удалось выяснить, что массовое размножение этих бабочек происходило во многих местах Забайкалья. Вполне вероятно, что интенсивный перелет бабочек через Байкал был вызван их массовым размножением в Забайкалье.

Наступил вечер, и вскоре стало совсем темно. Черной стеной приближался Баргузинский хребет. Нам казалось, что он уже совсем рядом. Передавая друг другу весла, мы каждый раз надеялись, что больше не придется сменять гребца. Но проходил час за часом, берег был по-прежнему далеко, мы снова и снова сменяли друг друга на веслах, и снова приходилось сжимать их до крови натертыми руками.

Только глубокой ночью под лодкой наконец зашипела прибрежная галька. Места были хорошо знакомы, и мы поняли, что подошли к берегу немного севернее мыса Черного. До Давше оставалось еще километров десять, но мы решили переночевать здесь и уже утром добраться до центральной усадьбы заповедника. Переезд через Байкал продолжался двадцать два часа, за это время мы по одиннадцать раз успели смениться на веслах.

Мы вытащили лодку на берег, расстелили на пляже спальные мешки, проглотили по нескольку кусков слежавшейся каши, запив ее холодной водой из Байкала, а потом залезли в спальные мешки и заснули как мертвые.

Проснулись мы довольно поздно. Байкальский хребет и озеро у горизонта ярко освещало солнце, но у подножия Баргузинского хребта еще чувствовалась ледяная прохлада. От нашего дыхания спальные мешки за ночь покрылись белым инеем и затвердели, как на морозе. Спали мы одетые, не снимая шапок, и совсем не ощущали холода, а может быть, просто не чувствовали его в тяжелом сне.

Дул небольшой ветерок с севера, и мы решили взять его к нам в помощники. Побросав в лодку спальные мешки, отошли от берега и поставили парус. Он затрепетал, выгнулся, потом сильно надулся — лодка медленно поплыла к югу. Но ветер был слишком слаб, и нам пришлось помогать ему, снова взявшись за весла.

Лодка плавно обогнула мыс Тоненький, и вот уже впереди за высоким и крутым мысом Немьянда показался поселок Давше. Его оранжевые домики ярко горели на солнце. За ними начиналась тайга, уходящая вверх по черным отрогам гор, которые казались черными только внизу, а дальше становились белесыми и прозрачными, как в голубом тумане, и наконец замыкались высокой зубчатой стеной с четко выделявшимся треугольным пиком.

Здесь, в одном из этих сосновых домов, я прожил почти безвыездно четыре года; здесь все напоминало о прошлом и было родным и близким до боли в сердце. Велижанин впервые попал в эти места и сейчас был обуреваем первыми, самыми непосредственными и яркими впечатлениями.

Лодка подошла к берегу около устья реки Давшинки. Над обрывом террасы, упирающейся в галечниковый пляж, показалась высокая широкоплечая фигура. Это Устинов вышел посмотреть на странную и неизвестно откуда появившуюся посудину. Он узнал меня только тогда, когда подошел к нам вплотную. Мы крепко обнялись.

Вечером не было конца рассказам и воспоминаниям. Пришел Дедушка Постников и Тольча. Савелий Михайлович ставил сети где-то в районе рыбачьей Сосновки, поэтому не смог участвовать в этой встрече. Устинов отдал нам свое ружье на все время экспедиции, и мы могли завтра же утром, не теряя ни одного дня, отправляться обратно. Спали мы эту ночь особенно крепко и спокойно.

Байкал решил сыграть с нами неприятную шутку. Проснувшись, мы услышали грохот прибоя и после, стоя на берегу, долго наблюдали за тем, как тяжелые крутые валы с яростью трамбовали берега. Шторм не прекращался до вечера 15 августа. Все эти шесть дней нам пришлось бродить по берегу Байкала, ожидая малейшей передышки, и с ненавистью смотреть на все новые и новые буруны, вскипающие на горизонте. За ним, за этим неровным, бугристым горизонтом остался наш лагерь и наши товарищи.

На седьмой день, утром, мы решили трогаться в путь, хотя море еще окончательно не успокоилось и его поверхность тяжело вздымалась размеренной мертвой зыбью. С нами собирались поехать сотрудники метеорологической станции, соблазнившиеся урожаем смородины в пади реки Хибелена. Перед самым выездом они изменили своему решению, и нам с трудом удалось уговорить их «отбросить» нас на моторной лодке подальше от берега. Мозоли на руках еще не совсем зажили, и снова идти на веслах через Байкал у нас не было прежнего желания.

Моторная лодка быстро удалялась в сторону открытого моря. В двадцати километрах от берега нас выгрузили из нее, и мы попрощались с нашими проводниками. Моторка завернула в сторону Давше и вскоре скрылась из глаз. Мы снова остались одни среди высоких пологих валов мертвой зыби. До базового лагеря оставалось еще километров пятьдесят, и нужно было спешить браться за весла.

Лодка, плавно покачиваясь на волнах, медленно продвигалась вперед, туда, где над водой кружилось несколько сизых чаек. Они летали над каким-то небольшим овальным предметом, плававшим на воде, иногда садились на него отдохнуть, а затем снова поднимались в воздух.

В том месте, где крутились чайки, на воде плавала мертвая нерпа — одна из напрасных жертв весенней охоты, во время которой много тюленей уходят раненными от охотников и погибают подо льдом. Толстый слой подкожного жира хорошо держит нерпу на поверхности воды, не давая ей утонуть. Мы обрадовались этой находке, решив использовать ее для привады на медведей.

Когда лодка была уже где-то в центре Байкала, мы увидели еще одну мертвую нерпу и тоже взяли ее с собой. Эти находки убедили нас в том, что нерпы очень долго держатся на воде, а те из них, которые оказываются в центре озера, остаются на воде до поздней осени и даже вмерзают в лед.

Тащить за собой двух тюленей было довольно трудно, скорость лодки заметно упала. Мы гребли с большим напряжением, выбивались из сил, но желание добыть медведя было так велико, что хотелось во что бы то ни стало дотянуть тюленей до берега. В это время года медведи уже почти не выходят из тайги. Там они с азартом разрывают норы бурундуков со свежими запасами кедровых орехов.

Устроить охоту на медведя можно только с помощью привады.

К вечеру, когда берег был совсем близко и мы считали себя уже почти дома, неожиданно с севера потянул довольно сильный ветер. Нас стало быстро относить к югу. За какой-нибудь час лодку отнесло от лагеря так далеко, что уже не оставалось надежды добраться до него раньше ночи. Нужно было срочно выбросить нерп и нажать на весла. Но расстаться с ними мы никак не могли.

Вдруг на воде увидели какую-то точку. Она росла, быстро приближалась к нам. По-видимому, нас догоняли наши утренние попутчики.

Предположения оправдались. Вскоре лодка подошла к нам и взяла на буксир наш резиновый понтон. Моторист не знал точного месторасположения нашего лагеря, совершенно случайно взял намного южнее, и только это помогло нам встретиться.

Через два часа мы были уже на базовом лагере, среди друзей, чувствовали огромное облегчение и жаждали немедленно начать работу, чтобы успеть рассчитаться за дни вынужденного ожидания.

Ружье, привезенное из Баргузинского заповедника, сослужило нам неоценимую службу. С его помощью отряду удалось добыть много интересных птиц, и в их числе два новых для Прибайкалья вида арктических куликов — сибирского и краснозобого. Поездка за Байкал оказалась ненапрасной.

Через несколько месяцев после возвращения отряда в Иркутск мы, как обычно, сидели в своей лаборатории, обрабатывая экспедиционные сборы. Раздался телефонный звонок. Я взял трубку.

— Нам нужно поговорить с одним вашим научным сотрудником...— Голос в трубке назвал мою фамилию.

— Я у телефона.

— А, очень хорошо. Скажите, пожалуйста, вы что, действительно переплыли Байкал на резиновой лодке? Дело в том, что в редакцию поступила об этом информация, и мы хотим уточнить некоторые детали.

В первое мгновение сообщение это произвело на меня неприятное впечатление. Я подумал о том, что нас будут упрекать за неоправданный риск. В этом была своя правда, и сейчас я хорошо понимал это. Но я понимал это, по-видимому, только потому, что поездка осталась далеко в прошлом, а в чем была правда, когда мы остались без ружья в самый разгар работы,— вопрос спорный.

— Да,— осторожно сказал я,— мы действительно переплыли через Байкал на резиновой лодке, но об этом не нужно писать.

— Нет, нет, что вы, это очень интересно,— ответил мне голос в трубке, в котором я начал узнавать одного из корреспондентов «Восточносибирской правды»,— драгоценный материал для воскресного номера.

— Об этом не нужно писать,— еще раз попросил я.

— Ну нет, теперь уже поздно. Статья набрана и завтра утром вы будете иметь удовольствие ее прочитать.

На другой день, 23 ноября, под заголовком «Через Байкал на... резиновой лодке» в газете появилась небольшая заметка — довольно правдивая, не очень назидательная и не без чувства юмора. Кончалась она так:

«Благополучное плавание О. Гусева и А. Велижанина — результат многолетней тренировки и хорошего знания местных условий. Желающих повторить этот рекорд следует серьезно предупредить: такая попытка чревата самыми серьезными последствиями, если ее предпринимает неопытный пловец.

«Пересечение Байкала на резиновой лодке, пожалуй, второе в истории судоходства на сибирском море плавание на столь маломерном судне. Первым следует считать легендарное пересечение Байкала в «омулевой бочке», воспетое в старинной песне, если таковое имело место».

НА МЫСЕ РЫТОМ

На четвертый день после высадки на северо-западном побережье Байкала нам пора было отправляться в Онгурены за Николаем Оводовым. Он не смог выехать вместе со всеми на катере и теперь догонял нас на пароходе «Комсомолец», который должен был прибыть в Онгурены на этих днях.

В нашей крутой губе, неслучайно называвшейся Заворотной, уже несколько дней стояла бригада бурят-нерповщиков, возвращавшихся с промысла. Охотники разделывали добычу и поджидали оставшихся в море товарищей. Утром 19 июня они собирались отплыть в Онгурены и с большой охотой согласились захватить нас с собой. Нам нужно было экономить бензин, и такая оказия — крайне полезна.

Когда пришло время отчаливать, наша лодка с подвесным мотором была привязана в хвост каравана, и дора — передовая моторная фелюга — стала аккуратно выводить лодки из бухты.

До двенадцати часов дня над Байкалом стоял очень густой туман. Несколько раз мы совершенно теряли берега. В таких случаях дора, боясь потерять ориентировку, поворачивала к берегу и шла на ощупь вдоль него. Подходя почти вплотную к берегу и чудом не врезавшись в камни, она круто разворачивалась и снова шла вдоль побережья.

Туман был так густ, что мы, находясь в доре, иногда совершенно теряли из виду нашу лодку, идущую четвертой в хвосте каравана. Я достал записную книжку и хотел описать туман, но через несколько минут бумага сделалась такой мягкой и влажной, что карандаш оставлял на ней лишь малопонятные тусклые знаки. Такие сильные туманы стояли в этих местах почти ежедневно, начиная с 10 июня.

Караван бурят-нерповщиков представляет собой любопытное зрелище. Впереди каравана идет мотодор, или дора, как любовно называют ее буряты,— мощная и крепкая лодка типа морской шлюпки, оснащенная моторомдизелем мощностью в двадцать лошадиных сил. Он удобен тем, что работает на солярке. В дору помещаются личные вещи членов бригады, запасное горючее и оружие.

За дорой следует обычно крупная лодка сетовуха, имеющая форму обычных байкальских рыбачьих лодок, но только раза в три крупнее. За сетовухой идут три маленькие лодки-подъездки. Они могут быть привязаны в кильватер друг за другом или сбоку доры и сетовухи. На сетовуху грузят добычу, а на подъездках, прикрываясь белым парусом, охотники подъезжают к нерпе.

Бригада нерповщиков состоит обычно из семи-восьми человек — такое число людей вполне обеспечивает успех промысла. Больше трех подъездков транспортировать трудно, а по их числу определяется количество стрелков, которых обычно бывает три. От их меткой стрельбы прежде всего и зависит успех бригады. Понятно поэтому, что хорошие стрелки пользуются в бригаде большим уважением. Очень ценно также уметь бесшумно подавать лодку вперед, работая одним кормовым веслом или специальными маленькими веселками с короткой ручкой и широкой зачерненной лопастью. Эту задачу в бригаде выполняют три подавалы. Седьмой член бригады — моторист, он же выполняет обязанности сторожа.

Во время промысла дора с сетовухой все время находятся в открытом море. Утром охотники, высматривая в бинокли лежащих на льдинах нерп, уходят на промысел, а к ночи возвращаются с добычей. Спят они, как правило, не вылезая на берег, там, где их застанет ночь; они располагаются в доре, сетовухе, а иногда и в подъездках.

Бригадир — молодой бурят, самый лучший стрелок команды — охотно рассказал нам о результатах и условиях

промысла. Бригада вышла на промысел 25 мая и должна возвратиться 20 июня. Из этих двадцати четырех дней только семь были посвящены самому процессу охоты. Главной помехой промыслу в этом году был сильный туман, не дававший возможности быстро обнаруживать нерп в бинокли, а часто и выйти на промысел. Несколько дней бригада потратила на охоту за медведем, так как мясо медведя в этот период еще достаточно жирно и очень вкусно.

За все время охоты бригаде удалось добыть всего семьдесят два тюленя. Охотники считают, что полной удачей можно считать добычу ста нерп на бригаду.

Охота на нерпу производится очень древним, но довольно надежным способом. К нерпам, лежащим на льдинах поодиночке или скоплениями по нескольку десятков штук — так называемых урганов, охотники подъезжают на лодках под прикрытием белого паруска, опускающегося к воде и полностью закрывающего лодку. Издали он напоминает плывущую льдину. Охота с лодок называется нерповкой «в лодочную», в отличие от охоты на льду, которая носит название охоты «в саночную». Роль лодки здесь выполняют небольшие, специально приспособленные санки, их подталкивают к нерпе под прикрытием небольшого паруска, за которым прячется охотник. Охота в саночную менее добычлива, чем в лодочную, но все же охотникам, как правило, удается за один день охоты убивать по нескольку нерп.

У нерповщиков в доре хранился целый арсенал самого различного оружия. В ходу русские и английские винтовки, немецкие карабины. Помимо этого, как правило, казенного оружия, выдаваемого на время промысла, охотники возят с собой малокалиберные винтовки, тозовки, «белки» и обычные двухстволыные и гладкоствольные ружья, чаще отечественного производства.

Мы с огорчением убедились, что эта богатая коллекция оружия не лежит без дела. Ни одна утка, покачивающаяся на воде, ни одна ворона, сидящая на берегу, не будут оставлены без выстрела. Под хохот и шутки открывается беспорядочная стрельба. Если же невдалеке от лодки покажется головка — в нее палят из чего попало. Браконьерство на Байкале развито, к сожалению, еще очень сильно, особенно в глухих, безлюдных уголках, где очень трудно организовать правильную охрану.

О НЕРПЕ В БАЙКАЛЕ

Нерпа — одно из самых интересных животных Байкала; колыбель ее — холодные байкальские льды.

Первое упоминание о нерпе в Байкале сделал русский посланник Николай Спафарий еще в 1675 году. Но еще до него на Байкале побывал протопоп Аввакум. В своем знаменитом «Житии» он восхищался чудом-озером и писал о Байкале, «что рыба в нем, осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги, и прочих родов много, вода пресная и нерпы... великие в нем, в океане-море большом». Но как появилась нерпа в Байкале, какие пути привели ее сюда, до сих пор еще неизвестно, так как на путях ее бывших миграций не найдено никаких следов.

Тюлень в пресноводном бассейне Байкала, в трех тысячах километрах от Ледовитого океана, имеет для науки выдающийся интерес. Байкальская нерпа интересна не только для зоолога как вид, представляющий благодарную тему для биологических и зоогеографических исследований. Изучение истории проникновения нерпы в Байкал может во многом помочь геологам, изучающим геологическое прошлое Восточной Сибири. Не случайно выяснением путей проникновения нерпы в Байкал интересовались геологи.

По мнению двух известных геологов — И. Д. Черского и В. А. Обручева, нерпа переселилась в Байкал в сравнительно недавнее геологическое время, в период четвертичного оледенения. На вопрос о том, какими путями проникла нерпа в Байкал, взгляды этих ученых разошлись. Черский считал, что нерпа проникла в Байкал из морей Арктики по Енисею и Ангаре; этому могла способствовать трансгрессия Ледовитого океана. В. А. Обручев возможным путем переселения нерпы в Байкал считал цепь четвертичных озер Забайкалья, по которым она могла прийти с востока. В самое последнее время как будто подтвердилось интересное мнение о том, что Ангара еще совсем юная река и что раньше воды стекали на север через Баргузинскую долину в реки Витим и Лену. Этой дорогой нерпа также могла добраться до Байкала из Ледовитого океана.

Так как прямых доказательств в пользу того или иного мнения не обнаружено, все они в настоящее время одинаково правомочны в роли гипотезы.

Образ жизни байкальского тюленя интересовал многих зоологов. Его изучению много лет посвятил первый директор Баргузинского заповедника — Зенон Францевич Сватош, в свое время собравший наиболее полные сведения о биологии этого вида. В тридцатые годы нерпа привлекла внимание сотрудника Биолого-географического института при Иркутском университете Т. И. Иванова; он дал интересное и обстоятельное описание ее жизни.

Нерпята родятся обычно в феврале — марте, в снежных логовах, устраиваемых самками в торосистом льду. Новорожденные весят от 2,8 до 3,6 килограмма. Они покрыты густой, шелковистой желтовато-белой шерсткой, достигающей четырех сантиметров высоты. Самка бывает беременной девять месяцев и щенится, по-видимому, не ежегодно, принося, как правило, по одному нерпенку.

К концу мая нерпята достигают метра в длину и около пуда весом. Их покрывает в это время слой жира до четырех сантиметров. Шерсть нерпят приобретает аспидно-серую или серебристую окраску; их шкурка очень нежна и красива.

Взрослые нерпы достигают десяти пудов, причем добрая половина веса приходится на жир, покрывающий тело нерпы толстым термоизоляционным слоем. Наибольшая толщина жира бывает у яловых самок — до пятнадцати-шестнадцати сантиметров толщиной и весом до восьмидесяти килограммов.

Взрослого тюленя-самца на Байкале называют аргалом, взрослую самку — маткой, а также яловкой, если она не имеет нерпенка, нерпят в белой шерстке называют беляками, а потом куматканами или нерпятами. Нерпу, плавающую в воде, вне зависимости от ее возраста, называют головкой или подныркой.

НА МЫСЕ РЫТОМ

В полдень туман рассеялся, и взаимные расспросы и рассказы мы могли теперь чередовать с наблюдениями за берегами. Часам к шести вечера караван подъезжал к мысу Рытому.

Первое, что мы услышали на берегу,— рассказ о медведях. Пастух бурят сообщил нам, что вчера вечером на маряне над мысом он видел одновременно трех медведей.

Два из них были очень больших размеров; третий заметно меньше, и ему вряд ли было больше двух лет. Медведи находились в состоянии течки.

Местность вокруг мыса Рытого была настолько своеобразной, что сборы птиц в этом районе обещали быть интересными. Было решено, что Никифоров один доберется с караваном до Онгурен, встретит Оводова и на другой день к вечеру вернется на мыс Рытый. У меня в запасе был вечер и весь следующий день.

Уничтожив огромный котел куматканины и несколько чайников чаю, караван уже отходил от берега, направляясь дальше к югу в сторону Онгурен. Я взвалил себе на плечи спальный мешок, и пастух повел меня к заимке — маленькому домику, расположенному в северной части мыса, там, где к нему примыкал коренной берег.

В домике, который назывался заимкой или летовьем, жили четыре сторожа-пастуха из колхоза имени XX партсъезда. В этот колхоз входили Онгурены, Кочеряково и еще какая-то деревушка. Пастухи жили здесь времено: иногда месяц, иногда два, а потом перегоняли скот на новое место.

Заимка оказалась крошечной избушкой с плоской крышей и двумя маленькими окошками. Высота ее не превышала двух метров, длина — трех. В домике четверо нар и жестяная печка. К стене приделан небольшой стол, к потолку — керосиновая лампа без стекла. Пол в летовье застелен только наполовину.

Любимое развлечение пастухов — охота и рыбная ловля. Вечером они ставили сети и поднимались на горы взглянуть на маряны — нет ли где-нибудь поблизости пасущегося медведя. У пастухов были гладкоствольные ружья и тозовки. Несмотря на самый разгар лета, все пастухи ходили в ушанках и телогрейках, а на ногах ичиги и олочи — самая удобная и легкая обувь для этих мест.

Вечером мы поднялись на одну из вершин и заняли удобный наблюдательный пункт на большом камне. Но сколько мы ни осматривали в бинокли окрестные маряны, не смогли обнаружить ни одного медведя. В том месте, где вчера бродила брачная процессия, сегодня — пустынно и тихо.

За рекой, километрах в двух от нашего наблюдательного пункта, я увидел одного крупного медведя, не очень

быстро поднимавшегося по маряне. Можно попытаться подойти к нему, но было заранее ясно, что охота эта не принесет удачи — медведь подойдет к лесу и скроется в нем значительно раньше, чем мы успеем подняться на маряну. Приближались сумерки — часы показывали восемь тридцать.

Мой провожатый решил вернуться к заимке, а я спустился к реке в надежде увидеть и добыть ночных хищных птиц. Долго пробирался я по камням мыса Рытого, с трудом преодолевая их длинные гряды. Вскоре мне удалось выйти на дорожку, очищенную от камней для перегонки скота.

К заимке я подходил уже в полной мгле, так и не увидев ни одной совы. Меня встретило многоустое дыхание стада. Тесным кольцом животные лежали вокруг заимки, и мне приходилось легкими ударами по их бокам расчищать себе дорогу. Телки и бычки вскакивали на ноги и бросались в гущу собратьев, поднимая возню и суету в спокойно дремавшем стаде.

Я втиснулся в домик, но устроиться в нем на ночь было уже негде, и мне пришлось отправляться ночевать на берег Байкала. Но не успел я удобно завернуться в мешке, как почувствовал, что кто-то тянет его от меня. Я раскутал голову и увидел телку, удобно пристроившуюся сбоку и забравшую в рот кусок материи. Я прогнал ее, но минут через десять ее место заняли два бычка и принялись за то же дело с еще большим азартом. Тогда мне пришлось удирать в лодку, стоявшую наполовину в воде, где, слегка покачиваясь на волнах, я вскоре заснул и крепко проспал до утра.

На другой день я пересек мыс Рытый с севера на юг и обошел его по берегу Байкала. Мыс Рытый — это гигантский конус выноса, на котором находится еще один, менее мощный конус. Ширина большого конуса по шлейфу гор достигает четырех километров, он вдается в озеро на два с половиной километра, а оба конуса имеют высоту больше шестидесяти метров. Конус рассекает река Рытая, при выходе с гор распадающаяся на несколько рукавов. На многих картах этот мыс переименован в мыс Риты. Насколько это удачно, трудно сказать, не зная тех причин, которыми руководствовался любитель новых названий. В действительности этот мыс кажется именно рытым из-за огромного количества валунов, образующих

длинные и высокие гряды. В этом царстве камней, как бы оправдывая свои названия, обитает множество каменок. Здесь встречаются все три вида этих птиц, найденных в Прибайкалье — плясунья, обыкновенная и плешанка. Каменки здесь — настоящие ландшафтные птицы.

Наиболее обычна среди них, как и везде в Прибайкалье, каменка-плясунья. Обычны здесь также плешанка и обыкновенная каменки. Когда идешь по грядам камней, то видишь этих птиц буквально через каждые сто метров. С характерным чеканьем они перелетают от гряды к гряде в самых различных направлениях. Весь день небо над мысом не перестает оглашаться громкими песнями жаворонков. Нередки здесь и степные коньки. Все эти птицы здесь гнездятся.

В одном месте мне удалось обнаружить выводок обыкновенных каменок. Как это часто бывает, местонахождение птенцов выдали сами родители — при моем приближении они с громкими криками крутились невдалеке от гнезда, тем самым показывая, что гнездо находится где-то рядом. Я стал искать его среди камней и увидел прошмыгнувшего под камнями птенца. Тогда я отошел на несколько метров и устроил засаду среди крупных валунов. Не прошло и трех минут, как птенец выскочил на камень и стал требовать пищи — он нетерпеливо приседал и издавал громкие звуки, напоминающие чеканье взрослых птиц. Через некоторое время к нему подлетела мать и сунула ему в клюв порцию насекомых; затем то же самое проделал самец.

Я подошел ближе к тому месту, где птицы кормили птенца, и снова спрятался примерно в полутора метрах среди камней. Ждать пришлось недолго. Через две минуты птенец выскочил на камень и очутился прямо перед объективом. Я нажал на спуск. Щелчок затвора произвел на птенца необычайно сильное впечатление. Он стремительно слетел с камня, но более пятнадцати метров пролететь не смог. Я побежал за ним, и вскоре птенец, совершенно выбившись из сил, прижался к большому камню, где мне было нетрудно накрыть его шапкой.

Крыло птенца было сильно искалечено. Можно подумать, что его угораздило побывать в лапах хищника, но, присмотревшись внимательно, я заметил большого белого червя, шевелящегося в сгибе его крыла. Место сгиба крыла было сильно вздуто, перья широко расставлены, а

в глубоких лунках сидели толстые белые черви, напоминающие личинки овода. Птенец обречен на верную гибель — он никогда не сможет хорошо летать и погибнет при первой же встрече с хищником.

В двадцати метрах от этого места я увидел еще одного птенца, который был, по-видимому, из того же выводка. Я поймал и его и увидел, что его крылья были еще в большей степени искалечены червями. Меня крайне удивило, что ни взрослые птицы, ни сами птенцы не попытались избавиться от паразитов, хотя многие личинки были наполовину на виду.

В окрестностях заимки в большом числе гнездятся белошапочные овсянки, и в любое время дня со всех сторон здесь раздаются их характерные «цры, цры, цры, цры, цррр». На скалах у Байкала резвятся пегие галки.

На мысе Рытом обитает огромное количество длиннохвостых сусликов, норы которых видны здесь повсюду и часто используются каменками для своих гнезд. Суслики то и дело попадаются на глаза, и все время далеко слышны их голоса.

В полной мгле, как и вчера, я возвратился к заимке. Дорогой я снова внимательно наблюдал за сумеречным небом, но и в этот день мне не пришлось увидеть ни одной совы. Никифоров еще не вернулся, и я лег спать без него. Но не успел я заснуть, как послышался стук мотора. Вскоре наша лодка подошла к берегу. В это время на Байкале разошлась очень большая зыбь, и лодке пришлось как следует покачаться на волнах.

В лодке оказался один Никифоров; Оводов не приехал. Уже потом, когда он прибыл к нам с попутным катером, мы узнали, что он не смог успеть к пароходу.

На другой день к вечеру мы вернулись в губу Заворотную.

К ВЕРХОВЬЮ МАЛОЙ СОЛОНЦОВОЙ

Утром 12 июля мы выехали к устью реки Малой Солонцовой и вскоре приблизились к неглубокой лощине; отсюда удобнее всего начать подъем в горы. Мы вышли на берег и углубились в тайгу, но еще долго над Байкалом был слышен шум возвращавшейся к лагерю лодки.

Путешествуя по Байкальскому хребту, очень скоро перестаешь удивляться тому, что в любом уголке здесь можно быстро обнаружить множество торных звериных троп. Местные тропы, по одной из которых сейчас пробирался наш отряд, выбиты маралами и медведями, чьи следы и свежие экскременты встречались на каждом километре пути.

Вскоре тропа разделилась на несколько тропинок, каждая из которых была менее торной, чем ведущая от Байкала главная магистраль, но все же идти по ним много удобнее, чем пробиваться как попало через тайгу.

С севера к лощине подходил пологий горный отрог, покрытый сосновой и лиственничной тайгой. Дно лощины поросло лиственницей, березой, кустарниковой ольхой и даурским рододендроном. Там, где этот кустарник рос не особенно густо, леса напоминали старые парки. По таким местам мы быстро продвигались вперед.

Неожиданно прямо у нас из-под ног выпорхнул выводок рябчиков. Эти доверчивые птицы настолько обычны в лиственничных лесах побережья, что без встречи с ними не обходится ни одна из наших экскурсий.

Рябчата, уже достигшие величины дрозда, с шумом бросились врассыпную и расселись на кусты и деревья вокруг нас. Один птенец оказался совершенно рядом. Он сильно вытягивал вперед шею; хохолок на его голове поднимался дыбом. Мы долго любовались затаившимся рябчонком. Кто-то попытался спугнуть его, слегка подбросив хворостину. Но рябчик лишь немного повернулся на суку и еще сильнее вытянул шею. Рябчиха тревожно квохтала совсем рядом с нами, но она скрывалась в таких густых зарослях рододендрона, что мы не смогли ее увидеть.

Может быть, именно потому, что рябчики обычны, а местами и многочисленны в Прибайкальских лесах, что их чаще других лесных птиц добывают охотники, их образ жизни здесь еще не изучен. Мы склонны увлекаться чем-нибудь редким и экзотичным и поэтому плохо знаем то, что нас окружает в будничной жизни. Мы до сих пор почти не изучили биологию байкальской белой трясогузки — ландшафтной птицы берегов и населенных пунктов. Так же мало, и даже гораздо меньше, мы знаем жизнь сороки, живущей в Баргузинской долине. А что нам известно о воробьях и воронах, обитающих в ближайшем соседстве с нами? И уж, конечно, мы почти ничего не знаем о жизни скалистого голубя, освоившего карнизы и чердаки наших домов. Изучение биологии именно этих видов представляет наибольший интерес для человека, так как многие из них или приносят ему большую пользу, уничтожая паразитов и вредителей, или, наоборот, приносят вред, распространяя всевозможные заразные заболевания.

В густом кустарнике из ольхи и березы на опушке соснового леса перекликался выводок рыжих овсянок. Перелетая с ветки на ветку, птицы громко и часто цыкали. В их позывках было много общего с позывками овсянок-дубровников.

Самцы и самки этих таежных овсянок, типичных представителей сибирского типа фауны, имеют примерно одинаковый вес — от шестнадцати до восемнадцати граммов. Самцы окрашены настолько своеобразно, что их трудно спутать с каким-нибудь другим из одиннадцати видов овсянок, найденных нами в северном Прибайкалье. Яркая каштановая голова этих птиц резко отличается от лимонно-желтого брюшка. Но самки и молодые рыжие овсянки

очень похожи на самок дубровника, и при определении этих птиц мы часто становились в тупик.

В северном Прибайкалье рыжие овсянки населяют светлохвойные леса с примесью березы и с густым подлеском из рододендрона или болотного багульника. Чаще всего они встречаются в прибрежной тайге на гнездовье, но в начале августа их можно в большом количестве наблюдать в самом верхнем течении реки Лены. Одна из характерных особенностей этой птицы — неравномерное распространение. Рыжую овсянку в значительном количестве можно встретить в районе мысов Малой и Большой Коды. Во всех же других местах северо-западного побережья Байкала они попадаются только отдельными парами. На меридиане Байкала и немного северо-западнее, у правых притоков Енисея, проходит западная граница распространения рыжей овсянки.

Невдалеке от места встречи рыжих овсянок мы увидели быстро прошмыгнувшую в кустах небольшую бурую птицу. Беспрерывно передвигаясь в густом кустарнике, она не переставала издавать свое монотонное «чок». Нам удалось выследить ее, когда она бежала по земле, почти полностью сливаясь окраской с лесной подстилкой. Это была самка синего соловья, одного из четырех видов соловьев, найденных нами на северном Байкале,— синего, красношейки, свистуна и варакушки.

Мы вошли в чистый березовый лес с редкими молодыми пихтами в подросте. Через несколько сот метров он резко сменился смешанными пойменными насаждениями из душистого тополя, сибирского кедра, пихты и березы. Здесь из-под большого куста смородины поднялся крупный глухарь и, задевая крыльями по кончикам веток, исчез в гуще леса. Клюв его был очень светлый, это определительный признак обыкновенных глухарей. Они в этих местах довольно редки. За два года мы встретили их всего несколько раз.

В сосновых лесах наше внимание привлекло большое количество грибов — подберезовиков, подосиновиков, маслят; изредка попадались и белые.

Невдалеке от реки на трех сучьях толстого старого тополя располагалось крупное гнездо какой-то хищной птицы. Вокруг гнезда на сучьях тополя был виден пух, а трава и кусты вокруг дерева забрызганы пометом птенцов. Признаки обитаемости гнезда были явными. Мы стали

подбираться к нему по рядом стоящему кедру с удобным расположением сучьев.

Забравшись на вершину кедра, мы очень удачно сфотографировали птенцов и измерили гнездо, которое представляло собой довольно массивное сооружение из ветвей лиственницы и тополя. Большое, овальной формы, оно имело в длину девяносто сантиметров, а в ширину всего тридцать семь. Его высота достигала сорока шести сантиметров, лоток выложен веточками кедра и лиственницы с зеленой хвоей. Это говорило о постоянном подновлении подстилки во время выкармливания птенцов. Под ветвями кедра мы нашли около двадцати погадок, состоящих из шерсти различных животных. Их-то и закладывали родители свежей хвоей, чтобы птенцам не было сыро. В гнезде было два птенца. Увидев нас, они начали громко кричать и пятиться к краям гнезда, рискуя вывалиться из него. У более крупного птенца на крыльях уже появились перья, тогда как меньший был еще в сероватом пуху. Разница в размерах и развитии птенцов объяснялась тем, что птица, по-видимому, начала насиживание с откладки первого яйца.

Примерно около часа не появлялся ни один из родителей. Где-то рядом у реки несколько раз раздавались громкие крики ястреба-тетеревятника, но птица была занята охотой и близко к гнезду не подлетала. Наконец появилась большая сизая птица, неся в когтях добычу. Она села на соседнее дерево в тридцати метрах от нас и громко закричала.

Несмотря на широко распространенное мнение о вредности ястреба-тетеревятника, в погадках птенцов преобладала шерсть мышевидных грызунов, и ни в гнезде, ни на земле вокруг тополя не было заметно следов уничтожения пернатой дичи. Впрочем, поедая мышевидных грызунов в таежных охотничьих угодьях, ястреба могут вступать в конкуренцию с соболем. Однако почти все дневные хищные птицы на зиму улетают из этих мест, и поэтому вред от них совершенно неощутим.

В полдень, когда погода прояснилась, мы устроили привал на берегу — над высоким обрывом. Отсюда открывался красивый вид на крутой изгиб реки. Пока в котелке закипала вода, наслаждались отдыхом. Под нами мчалась к Байкалу река, круто исчезая за поворотом. Мы

быстро привыкли к ее беспрерывному шуму и вскоре перестали замечать его.

Лес здесь рос узкой лентой вдоль реки. Слева его прижимал к реке гигантский курумник, справа теснил очень крутой берег. Звериные тропы исчезли, ушли куда-то далеко вверх по склону. Местами берега были так круты, что обойти их не представлялось никакой возможности; тогда мы шли прямо по ложу реки, над клокочущим потоком, переходя по камням с берега на берег.

Подъем становился круче, и все чаще приходилось отдыхать. Неоценимую поддержку оказывало превосходное настроение, не покидавшее нас всю дорогу.

Наконец мы вышли к первому снежному пятну. Летники, или снежники, которые часто встречаются под вершинами гор с юго-восточной стороны,— любопытное зрелище. Странно видеть плотные снежные сугробы в самый разгар календарного лета среди цветущих фиалок, горечавок и аквилегий. Поверхность снежников сплошь изъедена солнцем, отчего ее своеобразная ячеистая структура напоминает вафлю. Правда, выемки на снежнике не так глубоки и, как правило, они не расположены в определенном порядке. Если снежник залегает не очень круто, по нему удобно взбираться вверх и быстро глиссировать вниз, опираясь на крепкий посох. По снежному пятну с большим углом наклона идти довольно опасно, особенно когда на вас надета тяжелая паняга. Поскользнувшись, трудно удержаться на месте и почти не приходится верить в счастливый конец, так как внизу вас всегда поджидают камни или бурлящий поток воды. Во многих местах Байкальского хребта поверхность снежников покрыта микроскопическими водорослями. Они окрашивают снега в красновато-розовый цвет.

Подъем стал очень крутым; мы шли, выбиваясь из сил. Пот лил градом. Наконец после одиннадцатичасового подъема отряд вышел на перевал.

Мы стояли на перевале из долины реки Малой Солонцовой в долину реки Малой Лены, на высоте 1485 метров над уровнем моря. Немного южнее возвышалась гора Елбыр, высота ее 1876 метров. Внизу виднелся один из левых истоков. Правые истоки реки замыкал невысокий сглаженный отрог, за которым ничего не было видно. Горы здесь, как и везде, покрыты кедровым стлаником; в узкой долине реки Малой Лены видны заросли березок, ив, и

всюду щебнистые и каменные осыпи оживляются светло-зелеными пятнами лужаек и белыми полянами ягельников. Так начинается один из правых притоков реки Лены, верховья которой мы надеялись посетить в этом году. Мечта побывать в истоках Лены не покидала нас уже два года.

Нужно было спуститься к воде и приготовиться к ночлегу. Спуск оказался легким, и уже через тридцать минут мы вышли на берег реки. Небольшой ручей шириной всего в три метра быстро и шумно мчался в ложе из больших камней. Он был окружен ерником, кедровым стлаником и тальниками.

На одной из ровных площадок, покрытых щебнем, удобно было устроить ночлег — вода совсем рядом, место сухое и кругом много стланика для костра.

ОЛЕНИ НА СНЕГУ

Пока Оводов разводил костер, мы осмотрели в бинокли один из наиболее крупных снежников, дающий начало реке Малой Лене. На нем стояло два молодых оленя. Мы невольно вспомнили наш прошлогодний улькапский поход, когда, едва успев преодолеть перевал, мы увидели много оленей. В этих местах невозможно, побывав в гольцах, не встретиться с северными оленями. Мы сказали об оленях Оводову и продолжали наблюдать за ними, обдумывая план охоты.

Для продолжительных исследований в гольцах Байкальского хребта нужно на месте запасать мясо. Здешние перевалы непроходимы для лошадей и вьючных оленей, а затаскивать все продукты в панягах не всегда возможно. Добыча одного или двух оленей в тех местах, где человек бывает крайне редко, не может принести никакого вреда воспроизводству этих животных. В подобных местах рационально разрешать отстрел крупных зверей только экспедиционным отрядам, так как добыча зверя здесь — часто единственная возможность обеспечить отряд продовольствием.

Внезапно олени быстро помчались по снежнику, и мы решили, что охота пропала. Но животные не собирались совсем покидать снежник: пробежав по нему метров триста, они так же внезапно остановились. До оленей было

не менее семисот метров, и они вряд ли могли нас обнаружить, тем более что ветер дул по направлению к нам.

За десять минут олени повторили свой нехитрый маневр еще несколько раз. Наблюдая за такими странными на первый взгляд передвижениями животных, мы наконец поняли, что олени пытались избавиться от гнуса, который, как удалось установить потом, вился над ними густыми роями.

Нужно было обойти оленей слева и выйти на гребень хребта выше того места, где лежал снежник. Подъем здесь довольно легкий, горы полого спускаются к долине реки, и вскоре мы вышли к гребню последнего увала. Олени оказались там, где их не ждали — они успели покинуть снежник и сейчас стояли на крошечном летнике, не далее чем в стапятидесяти метрах от нас.

Скрываясь за крупными камнями россыпи, мы стали подходить к оленям на верный выстрел. Россыпь оказалась очень пологой, мы с Оводовым должны были лечь на камни и пробираться ползком — олени могли легко нас увидеть. Когда уже можно было стрелять, оказалось, что камни скрывают от нас туловища животных; над россыпью виднелись только их головы. Тогда одному из нас пришлось лечь на камни, а другому целиться с его спины. Первая пуля ударилась о верхний край россыпи, сорвав с камня облачко пыли. Животные отбежали на несколько метров и снова остановились. После второго выстрела один из оленей стал сильно оседать на левую переднюю ногу и через несколько шагов рухнул на снег. Второй олень сбежал с россыпи на лужайку и остановился, глядя на нас. Одного оленя было вполне достаточно, и мы не стали больше стрелять. Когда мы подошли к убитому оленю, второй побежал к вершине горы и вскоре скрылся за россыпью. К этому времени густые сумерки окутали распадки; нужно было торопиться к лагерю. Там, внизу, хорошо виден огонек костра.

В полночь мы подбросили в костер побольше топлива, накрылись плащами и легли спать. Но костер из тонких стланиковых ветвей грел очень неравномерно, а плащи совсем не спасали от холода. Несмотря на середину июля, ночью очень холодно. Мы совершенно замерзли и не могли заснуть. Каждые десять минут приходилось подбрасывать в костер новую порцию стланиковых ветвей. Но в

общем это довольно обычная ночевка в горах, и на этот раз не было основания жаловаться на судьбу. На небе пылали крупные звезды, обещая назавтра хороший день. Мы мечтали целиком посвятить его пополнению орнитологической коллекции.

В ПЛЕНУ У ТУМАНА

Встали мы очень рано и уже в пять часов утра начали коллекционирование птиц. Во время завтрака Лазаренко увидела самку северного оленя с крошечным олененком. Животные подошли совсем близко к костру, но, по-видимому, не замечали нас. Они медленно поднялись к зарослям стланика и не спеша скрылись в одном из проходов. Приходилось только удивляться такому неосторожному поведению животных — на них тянуло дымом от нашего костра, им наверняка были слышны наши разговоры. Еще и еще раз мы убеждались в том, что звери здесь совершенно непуганы и многие из них никогда не видели человека.

Наученные опытом, мы решили «законсервировать» оленя в ключе, где его не смогли бы обнаружить вороны и медведи.

Уложив наши неразлучные паняги, мы зарядили ружья самой мелкой дробью и стали подниматься по склону к месту вчерашней охоты. Но, как сплошь и рядом бывало в гольцах Байкальского хребта, дальнейшие события помешали нам выполнить наши планы.

Не успел отряд подняться к первому пологому увалу, как неизвестно откуда навалился густой туман. Продолжать подъем в горы не было никакой возможности, так как в нескольких шагах уже не видно камней россыпи. Идти наугад — безрассудно: можно заранее предвидеть, что оставленного в нескольких стах метрах от костра оленя все равно не удастся найти.

Мы легли на склоне горы и стали ждать, когда рассеется туман. Вскоре пошел сильный дождь. Мы забились под чаши стланика, завернулись в плащи, но все эти усилия оказались напрасными. Дождь не прекращался в течение нескольких часов, и за это время, под надежной защитой наших плащей, мы промокли и продрогли, как никогда.

Пора подумать и об обеде. Все наши надежды на сегодняшний день рухнули. Из-за плохой погоды в гольцах

мы потеряли очень много драгоценного времени. В июле и августе не было ни одного похода, в котором бы нас не застигал дождь. В лучшем случае приходилось отсиживаться в палатках; чаще, как это было и сейчас, мы мерзли, мокли и мучились от безвыходности положения.

Был момент, когда туман рассеялся, и тогда рядом с нами показалось стадо оленей. Животные не спеша поднимались к снежнику, на котором остался убитый вчера олень. Несколько раз они смотрели в нашу сторону и, конечно, видели нас, но это не произвело на них никакого впечатления. Мы подумали о том, что запах крови может напугать оленей, и они покинут этот распадок. Предположение это вскоре подтвердилось.

Во второй половине дня туман начал быстро рассеиваться, его последние бледные хлопья ветер унес за гребни гор. Перенести оленя к ручью, бросить мясо в воду было делом одного часа. Вскоре можно было начать обратный спуск к Байкалу по долине реки Малой Солонцовой.

На перевале мы снова увидели стадо оленей. Животные покидали опасные места. Они поднимались по склону к вершине горы Елбыр, отчетливо выделяясь на фоне неба. Иногда часть животных исчезала из глаз, но потом они снова выстраивались в цепочку, и снова на фоне неба были прекрасно видны пять знакомых силуэтов.

За перевалом в густых зарослях стланика Оводов обнаружил широкую медвежью тропу. Эта случайная находка помогла нам преодолеть самый трудный участок пути довольно легко и быстро. Долго, до границы леса тропа шла по левому берегу реки, теряясь в исполинских каменных россыпях.

Нам часто приходилось пользоваться россыпями из-за невозможности пройти в другом месте, хотя передвижение по камням мало напоминает прогулку по ровной тропе. Выйдя на россыпь, нужно смотреть только себе под ноги, сосредоточив внимание на том камне, куда должна ступить нога, иначе малейшая невнимательность грозит катастрофой. Камни часто переворачиваются, ноги застревают в глубоких расселинах — поэтому они украшены множеством ссадин и синяков. Особенно достается передней части голени выше стопы, по которой камни бьют с такой силой, что становится темно в глазах. К счастью, несмотря на беспрерывные походы в горы, до сих пор все обходится благополучно. За два года работы ни один из членов на-

шего отряда не получил ни одного серьезного увечья. И все же, несмотря на все неудобства, ход по россыпям часто единственно возможный способ передвижения в горах, а иногда и наиболее безопасный.

Страшно наблюдать друг за другом во время передвижения по круто наклонным подвижным россыпям. За маленьким осторожным шажком внезапно приходится делать огромный прыжок и ни на минуту не забывать о том, что неподвижность даже самых больших камней обманчива, вы постоянно находитесь как бы на плавучих льдах. О специфике прогулок по россыпям, кроме ссадин на наших ногах, могут рассказать многочисленные вмятины и зарубки на ружьях, биноклях и фотоаппаратах, которые приходилось носить открыто.

Наконец мы подошли к последним деревьям лесного пояса. Дальше дело пошло превосходно, время пролетело незаметно, и вскоре отряд очутился на берегу Байкала.

На приваде, невдалеке от устья реки Малой Солонцовой хозяйничал медведь, но в этот момент кто-то выстрелил в коршуна — зверь исчез. Привада, положенная за день до похода в горы, оказалась полностью уничтоженной медведями.

Галька расползалась под ногами, и мы потратили на переход до базового лагеря около полутора часов. Ввалившись в зимовье, мы застали Велижанина за великолепным занятием. Окутанный густым чадом, он стоял у плиты и бросал со сковороды на тарелку пышные оладьи.

Наш приход он отметил радостным кличем. Оводов заявил, что желает приобщиться к блаженству не теряя ни одной секунды, но получил по рукам. Все были очень голодны, однако пришлось сделать вид, что мы в состоянии спокойно, без паники снять паняги. Одинокий домик на берегу Байкала, заполненный дымом и чадом, показался нам уютным и родным.

В ИСТОКАХ ЛЕВОЙ ТОНГОДЫ

Поход в истоки Левой Тонгоды по плану намечалось начать вчера, 15 июля, но предыдущий подъем по долине реки Малой Солонцовой нас так утомил, что мы решили отдохнуть на базовом лагере еще один день.

Наши паняги, несмотря на оставленный в горах запас мяса, весили примерно по двадцать килограммов; учитывая крутизну подъема, это очень значительный груз. Мы шли с большим напряжением, а последние метры подъема преодолели почти через силу. На каждые двадцать пять минут хода двадцать минут тратилось на отдых. Нас очень выручила медвежья тропа, найденная Оводовым в стланике во время последнего похода.

В прошлый раз передвижение по этой тропе показалось нам очень легким, но сейчас мы убедились, что тропа, проложенная по очень крутому склону горы среди густых зарослей стланика, трудно проходима даже для медведей. Кроме медведей по ней, пожалуй, не мог бы пройти никакой другой крупный зверь. Она имеет вид узкого тунеля, проложенного в гуще стланика. В этом тесном проходе нам приходилось пробираться буквально на четвереньках. Особенно много неприятностей тропа доставила Велижанину, который на этот раз отправился с нами, доверив Оводову свои поварские обязанности. Велижанин нес тяжелую четырехместную палатку. Она высовывалась из паняги и высоко торчала у него над головой со специальными палочками, служащими каркасом. Палочки

постоянно задевали за сучья. Велижанин ворочался, как медведь, и нам, уже поднявшимся к вершине, были хорошо видны резкие колыхания стланика в том месте, где он пробирался.

К ночи мы подошли к месту нашего лагеря в левом истоке реки Малой Лены. Здесь, выбрав ровное место, мы установили палатку, постелив под нее толстый слой стланиковой хвои. После тяжелого подъема все были насквозь мокрыми от пота, и ночью, не успев хорошо просушиться, сильно продрогли, хотя и спали в палатке, в брезентовых вкладышах из-под спальных мешков и, разумеется, не раздеваясь и не снимая шапок.

Заснули мы только под утро, когда стало пригревать солнце. В полдень отряд начал перевал из долины реки Малой Лены в Левую Тонгоду. Истоки этих двух рек разделены невысоким овальным хребтом, покрытым зарослями стланика, каменными россыпями и зелеными пятнами небольших лужаек. Но и этот пологий подъем нам удалось преодолеть с большим трудом.

На одном из крупных снежников мы снова увидели группу оленей. Левый исток реки Малой Лены был, по-видимому, одним из наиболее подходящих мест для обитания северных оленей. Долина этого ключа далеко врезалась в центральный гребень Байкальского хребта; ко времени нашего второго прихода там оставались еще мощные снежники. Вершина этой пади обращена в сторону северных ветров, которыми наметаются большие снежные забои. Следы оленей наиболее многочисленны именно в этом районе. Весь гребень хребта, покрытый некрупной щебенкой, буквально избит характерными круглыми и широкими копытами этих животных.

СНЕГА И ОЛЕНИ

Мы медленно поднимались к перевалу, смотрели на оленей и думали о значении снежных пятен в жизни этих животных.

Охотники считают, что олени спасаются на снегу от мошки, мокреца и комаров, получивших обобщающее название гнуса. Гнус в гольцовой и подгольцовой зонах встречается в таком же огромном количестве, как и в поясе тайги. Появляется он в самое различное время суток,

но почти совершенно исчезает ночью. Это объясняется, по-видимому, низкими ночными температурами в течение всех летних месяцев. Особенно много гнуса бывает в хорошую теплую погоду, а также перед небольшим дождем в теплый день. В холодную погоду, если ночью выпадает иней, а утром ледяная роса, гнус исчезает.

Казалось бы, что в высокогорной области, в царстве камней и скал, его должно быть меньше, чем в таежных лесах. Но это, к сожалению, совершенно не так. Питаясь соками растений на лужайках и в зарослях кустарников, он чувствует себя здесь хозяином положения. В особенно «гнусные» дни над людьми и животными вьется такая туча мошек и комаров, что и тем и другим становится не по себе. Человек изобрел репудин, таежные мази, диметилфталат и некоторые другие более или менее надежные средства против гнуса. Животные приспосабливаются по-своему: олени, например, выходят на снега. Там они, несомненно, меньше подвержены нападению гнуса. Насытившись, мошкара отлетает прочь, а новые полчища гнуса на снега не прилетают.

Олени, как мы уже видели, используют оригинальный прием спасения от гнуса — они перебегают из одного конца снежника в другой. Этот бесхитростный маневр не очень-то обманывает кровожадных насекомых, но все же животные не поднимают здесь новые полчища мошкары, как в кустарнике или высокой траве.

Олени могли бы отстаиваться и на вершинах пологих увалов, где обычно проходят их тропы и где почти всегда обдувает ветром, но они не могут обойтись без воды. У этих животных очень велика потребность в воде. Это связано с тем, что и летом, наряду с другими кормами, они продолжают в большом количестве поедать сухой ягель. Почти всегда, когда приходилось наблюдать оленей на снегу, было видно, что они едят снег.

На снегу олени могут охладить тело в жаркий июльский полдень, когда камни россыпей раскаляются настолько, что к ним невозможно притронуться рукой. И, наконец, на больших круто лежащих снежниках самки с оленятами находят надежное спасение от медведей. В этом мы убедились во время прошлогоднего ульканского похода.

В Байкальском хребте в июле и начале августа только там можно найти оленей, где есть летники. К счастью для оленей, во многих истоках рек, текущих в Лену, есть

из года в год перелетовывающие снега, которые к началу зимы бывают еще довольно велики, достигая пятидесяти-ста метров в длину, двадцати-тридцати в ширину и до трех метров в высоту.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Перевал из истоков Малой Лены в истоки Левой Тонгоды пологий и сравнительно легкий, но достался он нам с большим трудом. Вскоре впереди раскрылись подернутые серой дымкой новые дали — истоки рек Левой Тонгоды и Малой Лены. Потом мы часто вспоминали эту прекрасную картину.

Внизу лежало несколько речных долин, заросших густыми кустарниками. Вдали яркими зелеными пятнами пестрели субальпийские луга. В верховьях рек видны последние островки хвойных лесов. У одного из особенно ярких зеленых пятен, которое отсюда превосходно видно, мы решили поставить палатку.

Через перевал ведет множество торных оленьих троп, проложенных в зарослях стланика и кустарниковых берез. Одна из них идет в нужном направлении, но вскоре, увлеченные неизвестной птицей, мы сбились с тропы и вынуждены некоторое время пробиваться напрямик, через заросли. Кустарник растет здесь необычайно густо, и можно без преувеличения сказать, что он совершенно непроходим, так как вряд ли можно считать проходимыми места, по которым не идешь, а ползешь со скоростью несколько сот метров в час.

Кедровый стланик, ивы, кустарниковые березы и обыкновенный можжевельник образовали плотные и дружные сообщества. Первый ярус в этих своеобразных высокогорных джунглях занимает кедровый стланик. Огромные чаши его поднимаются до пяти метров над землей. Второй ярус, немного выше человеческого роста, составляет березка Миддендорфа, отмершие сучья которой, как проволочные петли, то и дело цепляются за ноги. Еще ниже дружными куртинами стоит можжевельник и золотистый рододендрон. Ветви его очень черные и кажутся сильно обугленными. Там, где кустарники всех ярусов сходятся вместе,— настоящий ад.

Но такое буйное развитие жизни наблюдается только при достаточном количестве влаги. Постепенно седло пере-

вала переходит в пологий склон, и с первого же метра подъема исчезают березки, ивы и можжевельник. Дальше, до самых вершин, горы покрыты зарослями стланика с золотистым рододендроном по желтовато-белому ковру лишайников. Кустарниковые березки встречаются, правда, и на плато, но они растут только там, где есть влага.

Мы вышли к левому истоку Левой Тонгоды и стали спускаться вдоль по долине реки. В воде виднелось довольно много размытой охры, а в одном месте мы обнаружили мощную жилу охры великолепного цвета и чистоты. Нетрудно было заметить, что вода этой реки несет большое количество извести, оседающей повсюду на камнях. Вскоре мы вышли к размытым выходам известняков. Они мягкие, как влажная глина. В дальнейшем это принесло нам много неудобств — мыло почти не смывалось этой водой.

Здесь, у реки, немного ниже выхода охры и известняков, на зеленой субальпийской лужайке мы установили палатку. Так началась наша недолгая жизнь в одной из многочисленных долин правых притоков Лены.

НА СУБАЛЬПИЙСКИХ ЛУГАХ

Утром следующего дня мы внимательно осмотрели окружающую нас местность. Золотистый тон палатки великолепно гармонирует с яркой зеленью листвы и синим цветом, господствующими на лугу. В трех метрах от палатки протекает река, с лепетом и бульканьем обтачивая разноцветные валуны. Крутой берег реки поднимается метров на двести вверх, заканчиваясь конусообразной вершиной. По всему склону горы растет густой кедровый стланик, перемежающийся лужайками ягеля, которые издали могут казаться снежными пятнами. Внизу, в ста метрах от палатки, видны огромные тополя — последние, наиболее далеко шагнувшие в горы деревья. За ними чернеют мощные и густые кроны древних кедров.

Мы пошли вниз по долине реки и вскоре вошли в лес. Здесь, на высотном пределе распространения древесных пород, растут замечательные парковые леса. Наш лагерь находился на высоте тысяча триста метров над уровнем моря и восемьсот пятьдесят метров над Байкалом. Высоко по долине реки поднимаются душистые тополя. Правда,

еще выше небольшими группами растут пихты, но они сильно угнетены и почти у всех деревцев верхние части стволов давно отсохли.

Большое пространство вдоль реки протяжением в несколько километров занято великолепными лугами. Всюду раскинулись красочные ковры с высокой и сочной травянистой растительностью. Травы скрывают нас по пояс, а самые высокие из них задевают по плечам. Ближе к реке луга еще пышнее, травы на них выше. Сплошной стеной стоят бледно-лиловые гигантские аконитЫ; растут они так густо, что пробираться сквозь них можно только с большим усилием. Среди однотонных аконитов нередки крупные, цвета чистейшей берлинской лазури, грациозные живокости. На более сухих местах растут очаровательные синие аквилегии, цветы которых достигают десяти сантиметров. Основной фон лугов, на которых цветут аквилегии, образован листвой уже отцветших гераней и красивыми пушистыми барашками на высоких стеблях — раковыми шейками. Там, где травостой еще ниже, синеют огромные гольцовые фиалки и яркие горечавки. Выше, у самых истоков рек, луга чередуются с зарослями кустарника, а ниже они вклиниваются в пояс тайги и постепенно поглощаются ей.

Мы не можем не восхищаться этим чудесным по красоте местом. Среди огромных, густых и необыкновенно красивых кедров и стройных, плотных елей раскинут роскошный сад. На такой большой высоте, где лес всего в нескольких стах метрах выше уже гибнет, не выдерживая сурового климата, встречается такое буйное и смелое развитие природы!

НАШИ РАДОСТИ И НЕСЧАСТЬЯ

Просматривая дневники последних дней, я замечаю, что они крайне лаконичны, за исключением заметок, интересных только для орнитологов. Это значит, что в эти дни мы работали до изнеможения, и у нас не хватало сил для записей. Мы отходили от нашей палатки по радиусам, обследовали все истоки реки Левой Тонгоды и соседних рек и напряженно собирали орнитологическую коллекцию.

Однажды я и Велижанин вышли к оленю. Он подпустил нас на двадцать шагов, не показывая признаков беспокойства. Лазаренко, неосторожно удалившись от лагеря

без пулевых патронов, была вынуждена убегать с чрезмерной скоростью — в нескольких метрах от нее из стланика поднялся медведь, и оба, перепугавшись, по-видимому, не на шутку, бросились удирать в разные стороны. В этот же день вечером Никифоров и Лазаренко видели огромного медведя, а возвращаясь домой, нарушили спокойную пастьбу табунка северных оленей. В моем дневнике за 19 июля стоит всего одна фраза: «Коллекционировали птиц в правом притоке Левой Тонгоды и Толококтае», а за 21-е: «Сегодня Велижанин с Никифоровым ушли за продуктами для похода в урочище Монгольские Степи. Мы с Лазаренко коллекционировали в истоках Малой Лены, а все свободное время препарировали птиц».

Это были тяжелые, переполненные работой дни. Все наши мысли и силы были сосредоточены на выполнении основной работы. Но тем и прекрасна работа натуралистов, что даже чрезмерная усталость приносит большое удовлетворение, так как почти всегда по собственной воле и желанию ее можно вознаградить заслуженным отдыхом.

По вечерам, когда возвращались наши ребята, мы сидели вокруг костра и пели песни. Это было одним из наших любимых таежных развлечений. Одной из самых популярных в нашем отряде была песня «Ой, да ты, тайга, тайга родная, раз увидишь, больше не забыть, ой, да ты, девчонка молодая, нам с тобой друг друга не любить».

В этой песне не было ни одного слова, которое не употреблялось бы в обыденной разговорной речи. Говоря словами Цвейга, ей оставалась недоступной «царственная сокровищница языка», в ней не было ни одной «затейливой пряжки чеканных сочетаний», в ней даже сильно хромали рифмы, но ни одна другая песня не оказывала на нас такого глубокого эмоционального воздействия.

А наутро быстрые олени
Унеслись в таинственную даль.
Уезжала ты одна по Лене,
Уносила радость и печаль.

Просыпалась напряженная, как арфа, тишь души, радость и боль — все вырывалось наружу и создавало атмосферу чего-то очень значительного, глубоко лиричного и настоящего.

Слова песни были просты, как истина, и это была самая живая для нас, самая нужная и волнующая истина. Она будила воспоминания о родимом доме, рождала любовь к природе и человеку и вызывала тоску о прекрасном — о том прекрасном, которое проходит мимо.

Эта песня выражала для нас всю глубину настоящей поэзии, проявлявшейся не столько в словах, сколько в музыке и во всей обстановке; той настоящей поэзии, сущность которой Фет выразил в следующих словах: «Не знаю сам, что буду петь, но только песня зреет».

Кто-нибудь успевал приготовить оленьи шашлыки. Для этого срубалось несколько ивовых веточек, от которых отделялась кора. На эти белые палочки нанизывались кусочки мяса, которые посыпались солью, а палочки ставились в жар костра. Вскоре начинал сочиться и падать в костер красный сок, и мясо постепенно «отбеливалось». Через пятнадцать-двадцать минут шашлык бывал готов.

Любили мы и очень редкое на нашем столе блюдо, которое на Байкале зовут уманом. Оленья нога бросается в костер; когда она слегка подрумянится, ее вынимают, разбивают вдоль на две половинки, и уман — костный мозг, от которого идет горячий пар, на столе. Мы с Никифоровым отдавали этому блюду особое предпочтение.

Еще одно наше удовольствие — работа над дневником. Мы забирались куда-нибудь повыше, выбирали среди зарослей стланика белую ягельную полянку. Наш уголок со всех сторон был открыт солнцу, и в полдень комары не осмеливались сюда залетать. Однажды раздался треск ветвей, и совсем рядом мы увидели медведя. Он уже заметил нас и стремительно шел наутек.

Вокруг любимые нами и всегда восхищавшие нас высокогорные ландшафты: бесконечные линии пологих холмов на западе, альпийская цепь хребта на востоке и множество зеленых речных долин далеко внизу, где в бинокль иногда удавалось заметить пасшегося у реки марала.

Мы лежали на мягком ковре из лишайников, ни о чем, как казалось, не думали и были совершенно довольны тем, что видели вокруг. В такие минуты мы бывали счастливы, почти как в юности. Здесь никогда, ни на мгновение мы не переставали верить, что жизнь прекрасна.

Мы брались за карандаши, привязанные шнурками к блокнотам, и писали эскизы так, как это делают пейзажи-

сты. Старались понять окружающую нас природу, как можно точнее уловить ее характерные черты. Но это было непросто. Неисправимая восторженность лишала нас возможности правильно описать местность, и мы невольно допускали преувеличения. Читая написанное, замечали, что восприятие от наших описаний и восприятие от непосредственного созерцания природы заметно различны. Почти в любое наше описание незаметно вкрадывались черты типизации.

Мы старались писать о том, что наблюдали в спокойном состоянии и только собственными глазами. Как огня боясь типизации, ни разу не решились восстановить по памяти увиденные ландшафты.

За время работы мы хорошо изучили друг друга, и, не думаю, чтобы это было преувеличением, привязались друг к другу, как братья. В экспедиции, как в дороге, жизнь проходит в ускоренном темпе; события развиваются мгновенно. Когда мы собирались все вместе, что обычно случалось только на базовом лагере, нам всегда бывало хорошо — хорошо молчать и грустить, хорошо работать, скучать, веселиться.

Наша работа проходила в очень сложных условиях. В вершинах многих рек Байкальского хребта нет вьючных троп и перевалов. Здесь невозможно пользоваться ни одним из доступных для нас видов транспорта. Мы могли бы, конечно, и не посещать те места, где мы все же бывали, но у ребят просто не хватало терпения дожидаться того времени, когда на вооружении каждого отряда появятся вертолеты.

Но ни чудовищное количество гнуса, ни холода и дожди не сломили незаурядной энергии членов отряда и не пошатнули их любви к нашему скромному делу. Мы всегда будем горячо признательны друг другу за те прекрасные часы нашей жизни, которые мы провели вместе в тайге. И никогда, ни на что не сменяем беспокойную жизнь натуралистов.

Тем не менее работа в экспедиционном отряде — нелегкое испытание для человека. В жизни каждого отряда, как и в жизни каждой семьи, случаются не только приятные события. К счастью, эти события забываются очень быстро, а память отсеивает для жизни только такую правду, которая помогает каждому из нас чувствовать себя человеком.

Все мы больше всего мечтали о том, чтобы дольше прожить в горах и до конца понять то величественное шествие высокогорной природы, которое неизвестно почему так волновало нас.

Самые большие огорчения в этом походе нам приносил гнус — мошки и комары. Эти злобные твари способны любое удовольствие превратить в египетскую казнь. Трудно было тем, у кого кожа слишком восприимчива к укусам и имеет несчастье распухать. Особенно тяжело приходилось Велижанину — у него заплывали глаза после укусов мошки. Но мы были еще не самыми несчастными на земле — в горах пока что не было мокреца, казавшегося нам страшнее слепней, мошек и комаров, вместе взятых.

Мучили нас и постоянные ночные холода. За время нашего пребывания в истоках Левой Тонгоды не было ни одной теплой ночи. Накануне жаркого дня выпадал густой иней или обильная ледяная роса. В такие ночи палатка внутри покрывалась холодной влагой, и мы всю ночь дрожали от холода. И это было в последней декаде июля, когда днем стояла жара!

Донимали нас и дождливые дни, отнимая много времени и сил. Если дождь застигал нас в горах, спрятаться от него было некуда. Плащи с самого начала работали с постоянным усердием и даже после безобидного дождичка делали нас мокрыми насквозь — казалось, что они вбирали в себя влагу за километр вокруг. Велижанина особенно возмущал не тот факт, что плащи были скверными до последней степени, а что в них не было хотя бы одного непромокаемого кармана, в котором можно хранить дневники, спички и пленки — вещи, требующие постоянного и быстрого обращения.

Добрую половину времени у нас отнимало препарирование птиц. Мы часто завидовали геологам — у них обработка материалов в поле требовала несравненно меньше времени, сохраняя его для поисков, наблюдений и записей.

ПТИЦЫ ВЫСОКОГОРНОЙ ОБЛАСТИ

Основными объектами наших наблюдений по-прежнему оставались высокогорные птицы, о которых я еще так мало успел рассказать. До нашей экспедиции только двум исследователям посчастливилось изучать гольцовых и под-

гольцовых птиц Байкальского хребта. Еще в тридцатых годах здесь побывал известный всему миру орнитолог — Борис Карлович Штегман. Он спустился вдоль северо-западного побережья Байкала до мыса Котельниковского и оттуда прошел в центральную часть Байкальского хребта. Вторично здесь побывал ботаник Иркутского института биологии Леонид Иванович Малышев, увлекавшийся также и птицами.

Сделано много интересных находок, но впереди оставался непочатый край работы. Сильная расчлененность местности, бесконечные дожди в горах, возможность только пеших экскурсий превращает наблюдения за птицами здесь в тяжелый труд.

Фауна птиц высокогорий Байкальского хребта не очень богата видами, но местами буквально поражает огромной численностью особей. После безмолвной и редко населенной тайги открытые пространства подгольцовья кажутся убежищем всевозможной живности.

Там, где заросли кедрового стланика разнообразятся кустарниковыми березами и ивами, очень много птиц. Особенно оживленно высокогорье осенью, после короткого гнездового периода, когда вылетают из гнезд выводки пеночек — таловки и бурой, горных коньков, чечевиц и некоторых других птиц. Но такое обилие птиц, с которым могут поспорить самые лучшие птичьи места в межгорных долинах, наблюдается далеко не везде. Огромные пространства щебнистых каменных тундр и большие массивы кедрового стланика мало пригодны для обитания птиц.

При первом знакомстве с высокогорными птицами кажется, что они очень осторожны и уже давно знакомы с человеком. Добыть птицу в зарослях стланика или карликовой березы не так-то просто. Многие птицы удивительно подвижны. Они постоянно перемещаются с ветки на ветку, и вы не успеваете еще поднять ружье, как птичка уже перепрыгивает на соседний куст.

Убитую птицу трудно найти в густом кустарнике или в высоких травах субальпийского луга. Приходится долго выбирать удобный момент для стрельбы, заранее точно рассчитав, куда должна упасть жертва.

По крутым склонам гор передвигаться очень тяжело — птица в одно мгновение перепархивает на соседний куст, а вам приходится еще долго карабкаться за ней по россы-

пям и скалам. Вы забираетесь на вершину скалы, где только что были слышны птичьи голоса, но их там уже и след простыл. К полдню ноги отказываются служить коллекционеру, а его плотная фанерная коробка еще наполовину пуста. Все эти трудности добывания птиц и создают впечатление их особой пугливости.

Это не совсем верное первое впечатление усугубляется поведением горных японских коньков — одной из наиболее обычных птиц Байкальского хребта. Взрослые коньки перед приближением человека поднимаются в воздух и летают вокруг, издавая громкие крики. Они подпускают вас довольно близко, временами как бы повисают в воздухе, но остаются недоступными для слабенького полузаряда. Тем не менее их легко добывать, если они сидят на самых маковках стланиковых ветвей и видны еще издали.

За два года работы на Байкальском хребте наша экспедиция обнаружила около сорока видов пернатых обитателей высокогорной области. Все горные птицы исключительно интересны, образ жизни многих из них чрезвычайно своеобразен и совершенно не изучен.

Одну из наиболее характерных групп горных птиц составляют собственно высокогорные виды, настоящие альпийцы. Они живут только выше границы леса, и лишь те из них, которые остаются зимовать, после того как выпадает глубокий снег, откочевывают в леса, иногда достигая берегов Байкала. Эти виды горных птиц проникли в Прибайкалье из разных мест: родина одних находится в Тибете, другие — выходцы с северных окраин Азии.

Горный японский конек, краснобрюхая среднеазиатская горихвостка, альпийская и гималайская завирушки — вот, пожалуй, и все представители Центральной Азии, сумевшие проникнуть на Байкальский хребет. Иногда встречается на Байкале одинокий крупный кулик, за свою «нелюдимость» и отчасти большую редкость получивший имя бекаса-отшельника. Называют его также горным дупелем. Но нам ни разу не удалось увидеть в северобайкальских хребтах этого кулика, и пока следует воздержаться от введения его в местную фауну в качестве гнездящегося вида.

Жизнь большинства из «тибетцев» связана с камнем. Здесь, на россыпях или скалах, они строят гнезда и продолжают свой род. И только конек предпочитает смешанные негустые заросли стланика, березок и ив среди влаж-

ных, открытых участков. Именно эта его особенность невольно наталкивает на мысль о различном происхождении этой в общем довольно монолитной группы альпийцев.

К этой же группе птиц следует отнести и так называемых арктоальпийцев — птиц, пришедших к нам из полярной тундры. В настоящее время эти птицы живут или в тундре Крайнего Севера, или высоко в горах, проникая на юг до Алтая и даже Монголии. К ним относятся белая и тундряная куропатки, рогатый жаворонок, или рюм,— интересная небольшая птичка с двумя рожками на голове, и кулик величиной с дрозда, которого почему-то называют глупой сивкой.

Рюм до сих пор не найден на Байкальском хребте ни одним из орнитологов; не видели его здесь и мы. Он довольно обычен на противоположном берегу Байкала, в Баргузинских горах и на гольцах полуострова Святого Носа. Возможно, что в северной части Байкальского хребта, где гольцы занимают широкие пространства, рюм все же гнездится. Он занимает открытые щебнистые склоны, в то время как куропатки прячутся в зарослях кустарников, предпочитая березки и ивы.

В классической зоогеографии принято считать, что все эти птицы проникли так далеко на юг в период четвертичного оледенения. Ледник давно отступил, куропатки и рюм продвинулись вслед за ним до берегов Ледовитого океана, но часть мигрантов закрепилась на новых местах, найдя подходящие условия для жизни в высокогорной области.

Ко второй группе птиц относится сравнительно немного видов. В Прибайкалье эти птицы живут преимущественно в гольцах, но часть из них находит благоприятную обстановку и на берегах Байкала. Замечательный ботаник, Михаил Григорьевич Попов, нашел на берегах Байкала много интересных видов растений, которые, по его мнению, спустились сюда с гольцов. Он очень удачно назвал их сниженными альпийцами. Такими же сниженными альпийцами на берегах Байкала являются птицы второй группы. К ним мы относим горбоносого турпана, горную трясогузку, щура и некоторых других.

Байкал лежит на высоте всего четыреста пятьдесят пять метров над уровнем моря. Огромное скопление влаги в байкальской впадине резко понижает температуры воз-

духа летом, что создает возможность для существования на берегах озера альпийских растений и животных. По существу Байкал — альпийское озеро, на его берегах можно встретить типичные альпийские ландшафты.

Во многих местах байкальские мысы покрыты зарослями кедрового стланика. Золотистый рододендрон часто растет почти на уровне Байкала. Вместе со стлаником сюда спускается щур. По берегам Байкала разбросаны небольшие озера, напоминающие высокогорные озера каровых впадин — в них выводят своих белощеких утят центральноазиатские горбоносые турпаны.

К третьей группе высокогорных птиц можно отнести только одного каменного дрозда — замечательно красивую и своеобразную птицу, распевающую свои лирические песенки на самых вершинах скал. Он живет и на берегах Байкала, и на равнине, но обязательно там, где есть скалы. Распространение этой птицы не зависит от высоты над уровнем моря — по выражению орнитологов, оно связано с вертикальным расчленением рельефа.

И, наконец, последняя группа птиц оказывается здесь наиболее многочисленной. Бурая пеночка, краснозобый дрозд, соловей-красношейка, обыкновенная чечевица, желтоголовая трясогузка, сибирская горихвостка, полярная овсянка, кулик-перевозчик, кулик-черныш, оляпка — все эти виды птиц живут на Байкале в равнинной или горной тайге, иногда в широких речных поймах. Но и здесь, выше границы древесной растительности, они чувствуют себя как дома. Эти птицы проникли сюда, по-видимому, сравнительно недавно и собираются обосноваться здесь навсегда. Пройдут столетия, и некоторые из них станут настоящими альпийцами со всеми присущими им приспособлениями к суровой жизни в горах — к низким ночным температурам, сильным ветрам и очень высокой влажности.

Но ни одна из этих птиц не может оставаться в гольцах в течение круглого года. Даже известные своей оседлостью белые и тундряные куропатки вынуждены «уходить» от снегов и бескормицы в более низкие части гор.

Зимой гольцы мертвеют, жизнь там замирает на долгое время. Спят в своих норах бурундуки и тарбаганы, покидают горы северные олени, спускаясь в сосновые ягельные боры, откочевывают поближе к лесу зайцы и полевки. Но весной, в апреле, с первыми, еще слабыми

лучами солнца вылезают из берлог медведи, возвращаются на родину горные вьюрки и краснобрюхие горихвостки, одна за другой появляются все новые и новые птицы.

И вот уже снова поднимаются на гольцы табуны северных оленей, и снова в горах, на большой высоте, среди скал, россыпей и горных тундр начинается прекрасная, увлекательная жизнь, идущая вопреки морозу и снегам, встающая перед нами во всей своей дикой прелести, во всем многообразии.

УРОЧИЩЕ МОНГОЛЬСКИЕ СТЕПИ

Как-то во время просмотра карты Велижанину пришла мысль посетить давно нас интересовавшую местность, носящую интригующее название — урочище Монгольские Степи. Едва успев родиться, эта мысль уже полностью овладела нами, и все начали уговаривать меня немедленно начать поход.

В этот день мы находились в горах, в одном из притоков реки Левой Тонгоды. Продуктов у нас оставалось максимум на два дня, а охотиться за зверем не было времени. С большим трудом мне удалось убедить Велижанина в необходимости иметь дополнительный запас продовольствия. Велижанин и Никифоров решили спуститься к Байкалу за провизией, заручившись моим словом, что сразу же после их возвращения мы уйдем в Монгольские Степи.

Нас интересовало происхождение этого названия и особенно то, что за ним скрывалось. Судя по карте, эта местность, окруженная невысокими отрогами западных склонов Байкальского хребта, была довольно плоской. Несколько лет назад мне пришлось слышать рассказ одного старого охотника. Он говорил, что в этом труднодоступном для человека месте водится много сохатых и прочего зверья и что там есть большие участки настоящих степей. Если бы нам удалось найти в этих краях настоящие степи, наша орнитологическая коллекция пополнилась бы интересными видами птиц.

На следующий день к вечеру Велижанин и Никифоров вернулись к лагерю. Перевал к Байкалу они совершили по незнакомому, и как они уверяли, изумительному по красоте месту. При спуске к Байкалу они насчитали около десяти больших роскошных водопадов. Каньон, по которому им пришлось спускаться, необычайно крут и труднопроходим, там наверняка еще не ступала нога человека. Это второй или третий распадок к югу от реки Заворотной.

О том, что это был действительно опасный и интересный переход, можно было судить по их глазам, которые даже через два дня после похода еще горели вдохновением.

ВНИЗ ПО ЛЕВОЙ ТОНГОДЕ

На другой день в восемь часов пятьдесят минут отряд покинул лагерь. Оставив позади парковое редколесье, мы вышли на звериную тропу правого берега реки и, не задерживаясь, пошли вниз по долине. Почти сразу же все сильно промокли. Ночью было очень холодно; траву и все вещи, оставшиеся вне палатки, покрыл густой иней. Ко времени похода иней успел растаять, и субальпийские луга превратились в настоящие зеленые броды, окатывавшие нас целыми потоками воды.

Вскоре тропа перешла на левый берег реки. На тропе были видны редкие следы маралов, а тремя километрами ниже стали встречаться следы сохатых. Но в основном тропой пользовались медведи и северные олени — это легко было установить по их следам.

Тропа проложена по единственно возможному и наиболее удобному месту. Каждый раз, как только кто-нибудь позволял себе усомниться в способности зверей находить самый правильный и наиболее короткий путь, мы обязательно бывали жестоко наказаны. Очень скоро приходилось каяться в своем неверии и с огромной потерей времени и сил высекать на тропу зверей. Высекать — это значит ползти по пояс в трясине, карабкаться по скалам или пробираться через такую страшную чащу, что, даже при нашем многолетнем опыте, не хватало сил. Я не помню ни одного случая, когда бы нам удалось пройти удобнее и быстрее, чем это могли делать животные.

Приглядываясь к топографии троп, которые здесь обязательно идут вдоль рек, через перевалы, нетрудно заме-

тить, что звери проложили их согласно строгой логике и абсолютного знания местности. Тропы, как правило, идут по границам различных форм рельефа или растительных сообществ. Зверь никогда не пойдет в обход верхом, если можно пройти низом, а если тропа потянулась к вершинам, значит реку впереди держат прижимы. Вдоль реки тропа обычно проложена по линии стыка поймы и склона долины. В открытых местах она часто переходит на луга. На хребтах тропы проложены по самым высоким гребням гор или по границе осыпи и леса, россыпи и склона. Если бы инженеры-топографы обладали искусством животных, они научились бы быстро находить самые оптимальные варианты и строить дороги на вечные времена, без малейшего риска их переноса в будущем.

В нескольких местах мы переходили реку вброд, но только один раз заметили в небольшом омутке черного хариуса. Весил он примерно граммов триста. Видимо, хариус поднимается почти до верховьев реки Левой Тонгоды, но в это время года его здесь, по-видимому, недостаточно, чтобы делать рассчет на него как на подножный корм.

Через два с половиной часа мы вышли на открытую местность, сплошь покрытую кустарниковой березкой. Справа из широкой пади, замкнутой красивой горной панорамой, вливался в Тонгоду один из ее правых притоков. Нам оставалось пройти еще километра три, и можно сворачивать к Монгольским Степям. В пойме небольшой речушки, вытекающей из крошечного озерка, лежало широкое открытое пространство. Оно было сплошь покрыто карликовыми березками. Мы перешли речку вброд и подошли к подножию горного отрога, через который собирались перевалить к Монгольским Степям.

Между тем наступил полдень. Пора отдохнуть и приготовить еду. Мы выбрали участок открытой россыпи, наломали сухих веточек с кустарниковых берез и развели костер.

Во время обеда невдалеке от костра раздался знакомый голос бурой пеночки. Тревожное «чок-чок-чок» раздавалось то с одной, то с другой стороны, но заметить птицу в ерниковых зарослях очень трудно. Такие тревожные сигналы пеночки подают невдалеке от гнезда или недавно вылетевших птенцов. И, действительно, не успел Велижанин войти в кустарник, как оттуда выпорхнул слеток бурой пеночки и полетел через нашу россыпь, но

не сумев добраться до кустов, упал на лишайник. Мы поймали его и сунули в гущу ветвей.

Днем стояла такая жара, что мы не рискнули сразу же после обеда продолжать путь, а решили дождаться прохлады. Собрав небольшую коллекцию птиц, вернулись к костру, укрылись с головой плащами, что спасало нас от жары и гнуса, и проспали несколько самых жарких часов.

В шесть часов вечера мы осмотрели в бинокли открытое пространство и примерно в километре от костра увидели пасущегося на лугу марала. Сразу нелегко было понять — самка это или самец, но когда животное подняло голову и бросилось галопом по лугу, мы увидели, что это маралуха.

Она искусно использовала тот же самый прием спасения от гнуса, который был известен нам по наблюдению за северными оленями. Несколько раз, нагнув голову и что-то сорвав с земли, маралуха быстро отскакивала в сторону и пускалась наутек. Промчавшись пятьдесят-сто метров, она быстро нагибалась, срывала что-то с земли и снова отскакивала в сторону, пытаясь обмануть неисчислимые полчища гнуса, что, по-видимому, было невозможно.

Приготовив телеобъектив, мы начали осторожно приближаться к маралухе и вскоре подошли так близко, что она стала хорошо видна невооруженным глазом. Издали она казалась интенсивно красной. В бинокль было видно, что над маралухой вился огромный столб насекомых.

В этой болотистой местности водилось множество мошки, комаров и слепней. Поэтому мы здесь особенно сильно страдали от насекомых и ненавидели их, как самых заклятых врагов. Дело в том, что диметилфталат, разведенный по совету «опытного» человека в одной части спирта и одной части воды, не действовал.

Мы приготовились начать съемки, как вдруг терпение бедного животного, по-видимому, истощилось. Маралуха как-то особенно нервно отскочила в сторону, бешеным карьером промчалась вдоль кромки болота, свернула под прямым углом к лесу и скрылась за гущей стволов. Мы спрятались в кустах и наблюдали за местностью еще минут двадцать, но прекрасный огненный зверь больше не появлялся.

Вернувшись к костру, мы упаковали пайки и начали перевал к восточной болотистой окраине Монгольских Степей.

Распадок, прорезавший невысокий увал у слияния Левой Тонгоды с одним из ее левых притоков, был покрыт густым кедрово-еловым лесом. В подлеске в невероятном количестве росла кустарниковая береза, очень сильно затруднявшая переход.

Часа через полтора впереди показались Монгольские Степи — уже не море, а настоящий океан кустарниковых берез. Среди этих плотных зарослей сверкало несколько небольших зеркал открытой воды, рядом виднелись болотца и крошечные участки лугов. Так начиналось урочище Монгольские Степи.

Спустившись к воде, окруженной топями и густой осокой, мы обошли их вокруг, но не спугнули никакой живности.

УРОЧИЩЕ МОНГОЛЬСКИЕ СТЕПИ

Минуя озерки и болотца, мы стали продвигаться на запад, с трудом продираясь сквозь густую чащу березок. Вскоре болотца сменяются небольшими участками лугов с густым, но невысоким травостоем из герани, раковой шейки, кислого щавеля и других растений.

Начинает смеркаться. Мы идем уже несколько километров, но никаких признаков степей пока незаметно. Постепенно начинаешь понимать, что настоящих степей здесь нет и что охотник, рассказывавший нам о них, по-видимому, не бывал в этой местности. Становится очевидным, что название Монгольские Степи можно употреблять только условно — в Сибири любое открытое и равнинное место иногда называют степью.

Впереди видно пересохшее русло небольшой речушки, и мы устремляемся к нему, в надежде найти воду. Пора подумать и о ночлеге.

Мы идем вдоль русла реки, вскоре пересекаем один из ее левых, также пересохших притоков, но и там не можем обнаружить ни капли воды. На протяжении многих километров пути не встречается ни одного живого ключика, ни одного хотя бы небольшого озерка. Остаться без воды на ночь после дневной жары и долгого перехода — очень неприятно. В нескольких километрах от того места, где мы находимся, на карте показан разбой (слияние) Большой и Малой Лены, но дойти до него мы вряд ли успеем до темноты.

Впереди русло сухой реки сжимают крутые берега, и у нас появляется надежда, что где-нибудь в глубокой ямке среди камней мы найдем воду. Спускаемся вниз и идем по сухому руслу.

Неожиданно обнаружили медвежонка. Он выглядывал из кустов в ста метрах от нас и, как взрослый, поднялся на дыбы. Заметив нас, он побежал поперек распадка, поднялся по склону к лесу. Рядом, не отставая ни на шаг, бежал второй медвежонок. Мы срываем с объективов колпачки и бросаемся к ним наперерез. Когда медвежата уже добрались до вершины склона, из кустов выбежала медведица. Она не очень большая и не очень страшная, светлая, как сурок. Не разобравшись, в чем дело, она останавливается на открытом месте, сопит и оглядывается по сторонам.

У нас мелькнула радостная мысль, что зверь побежит в нашу сторону, но медведица, увидев нас, разворачивается и мчится вслед за медвежатами. Мы навели аппараты на то место, где медведица должна выбежать на гору и где она будет хорошо видна. Но сфотографировать ее не удалось. Она пробежала вдоль небольшого распадка, скрывающего ее почти целиком, и, несколько раз показав нам спину, исчезла в зарослях ерника. Мы выбегаем наверх, но медведей нигде не видно. Только где-то далеко в тайге чуть слышно потрескивают сучья.

Отсюда, сверху, мы видим малюсенькое озерко, чудом уцелевшее среди сухого ложа реки, и спускаемся к нему. Вокруг этого единственного источника влаги множество медвежьих следов, погрызов на травах и разрытых медвежатами муравейников. Звери жили здесь, как видно, довольно продолжительное время.

Костер, сложенный из небольших кусочков сухих березовых веток, помогает быстро сварить уху. Запив ее большим количеством крепкого чая и набрав котелок воды, мы поднимаемся по медвежьим следам к опушке леса, разыскивая место для ночлега. Под большой черной елью мы разводим новый костер и располагаемся на ночь.

Когда время приближается к полночи, я отхожу на несколько метров от костра, чтобы собрать немного сухих веток, и вдруг меня останавливает какое-то необычное ощущение. Ничего подобного мне не приходилось испытывать с тех пор, как мы высадились на побережье Байкала. И тут я понимаю, что это странное чувство навеяла

на меня необыкновенная и страшная тишина, нависшая над Монгольскими Степями,— тишина вечности.

Я еще дальше отхожу от костра, туда, где не слышно игры пламени, и вслушиваюсь в тишину. Где-то невдалеке, неизвестно отчего проснувшись, поет дубровник. Я испытываю волнение, непонятную радость и в то же время непонятный страх. Мне хочется понять тишину, чтобы не забыть никогда. Но чем больше я вслушиваюсь в тишину, тем неспокойнее становится на душе.

Урочище Монгольские Степи спит мертвым сном. Кажется, что темнота, тяжелая и густая, так близко и плотно прильнула к земле, что заглушила все ее звуки. Такой тишины не бывает в тайге или на берегу Байкала, где, даже в безветренную погоду, всегда, как в раковине, слышен далекий, неясный шум.

Вокруг костра стоят редкие ели с острыми кронами. Они шагнули далеко за границу сплошной тайги. Свет костра выхватывает из темноты лохмотья их широких лап, несколько кустов березки Миддендорфа и белый олений лишайник. И за этой светлой дугой, где быстрые языки пламени пожирают, беснуясь, сухую древесину, по-прежнему темно и тихо, и высокой, мрачной стеной стоят сибирские ели.

Я лежу у костра и долго не могу заснуть. Тишина заставила меня еще раз испытать тревожное чувство уединенности, которое я много раз переживал в юности, но которое мне ни разу не удалось правильно объяснить. Я знал, что приходит оно внезапно и действует чрезвычайно сильно. Первое время я переносил его с глубокой душевной болью и не мог спокойно продолжать то дело, за которым оно меня настигало. Его стихийные порывы бывали настолько грозными, что становилось трудно дышать, и сильно, неудержимо тянуло к людям.

В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сиянье голубом.
Что же мне так больно и так трудно,
Жду ль чего, жалею ли о чем?

Не похожее ли чувство, думаю я, вызвало к жизни эти волшебные слова?!

На другой день мы встаем очень рано и любуемся красочным восходом солнца.

Вскоре небо покрывается тучами, становится пасмурно и прохладно, и начинает накрапывать тихий дождик. Погода очень удобна для быстрого перехода.

За один напряженный переход почти без остановок мы проделываем путь, на который вчера затратили целый день. Последние километры пути мы почти бежим — гнус доводит нас до крайнего раздражения. Диметилфталат по-прежнему не помогает.

Многими сотнями над нами вьются комары. Они путешествуют на шляпах, передвигаются по ним все ниже и ниже, находят наши шеи и втыкают в них свои отвратительные жала. Мы срываем по большой ветке ивы и остервенело хлещем себя по лицу. Но это помогает мало.

В два часа дня мы уже у палатки в истоках Левой Тонгоды. Сняв с себя мокрые сапоги, плащи и штормовки, бросаемся на лапы стланика и, плотно зашнуровав палатку, наслаждаемся освобождением от гнуса.

Вечером мы набиваем тушки птиц, добытых в Монгольских Степях, и аккуратно укладываем их в фанерные коробки. Хотя надежды на это место полностью и не оправдались, мы довольны тем, что посетили Монгольские Степи. Здесь, среди кустарниковых берез, впервые слышали голос полярной овсянки, добыли несколько интересных видов птиц. Особенно радуют нас лесные дупели, тушки которых едва умещаются в небольшие коробки. Лесные дупели гнездятся в урочище Монгольские Степи.

25 июля мы двинулись к перевалу вниз по долине реки Малой Солонцовой. К вечеру мы снова у нашего базового лагеря в губе Заворотной.

РЯДОМ С БАЙКАЛОМ

Сегодня решили провести сборы птиц в районе мыса Среднего Кедрового, вокруг небольшого озерка. Это был один из многочисленных обычных дней, наши рабочие будни, в перерывах между «праздничными» походами в горы.

Прибрежная полоса Байкала застлана густым туманом. Местами у берегов туман сгущается так сильно, что становится непроницаемым для глаз. К девяти часам утра проясняются горы, день становится ярким, теплым и почти безоблачным.

Когда лодка обогнула мыс Заворотный, туман почти рассеивается. Только впереди все три Кедровых мыса еще скрыты его плотной завесой. Лодка быстро скользит по воде всего в нескольких метрах от берега. Все, что находится на берегу: каждый камень и каждое дерево, небольшая птица и даже выброшенная прибоем стрекоза — хорошо видны. Берега здесь достаточно круты, чтобы вести лодку так близко, что до берега при желании можно достать веслом.

Неожиданно ветер меняется — теперь он дует с севера, и не проходит десяти минут, как весь туман с Кедровых мысов перемещается к мысу Заворотному.

В тумане очень холодно. Берег по-прежнему рядом, но когда надвигается туман, он кажется значительно дальше и виден как будто сквозь слой марли.

Над озером севернее мыса Заворотного появляется небольшая радуга. Длина ее между основаниями дуги не

более ста пятидесяти метров, а высота вряд ли превышает тридцать. Радуга повисла над озером. Ее широкая, но нечеткая белая дуга слабо светится в лучах солнца. Белая радуга представляет собой довольно редкое явление природы, и мы с огромным интересом наблюдаем за ней. За семь лет путешествий по Прибайкалью я вижу ее впервые.

Вскоре мы видим вторую белую радугу, но уже в других условиях. Она появляется над сушей в полосе побережья Байкала. Радуга еще меньше первой: в длину она не более семидесяти пяти метров. Это можно установить точно, так как своими основаниями радуга опирается на вершины хорошо видных деревьев. Радуга также очень светлая, и никакой окраски ни внешней, ни внутренней части ее дуги не заметно. В последние дни у мотора отказывает один цилиндр. Так случилось и сегодня. Мы пытаемся разогреть мотор на холостых оборотах, чтобы подключить второй цилиндр, но наши старания тщетны. Приходится подгонять лодку к берегу и разбирать мотор. Никифоров — единственный среди нас специалист по моторам, и вся тяжесть этой работы ложится на него.

Я решил дойти пешком до мыса Среднего Кедрового. В районе Южного Кедрового мыса большой участок берега круто обрывается в воду, образуя высокий прижим, по которому мне приходится взбираться вверх, а затем по отвесной скале спускаться к берегу.

За прижимом на песчаном пляже я встречаю несколько свежих медвежьих следов. По ним можно легко понять, что медведи теперь уже только гости на берегах Байкала и долго здесь не задерживаются. Пройдя несколько сот метров вдоль берега и не обнаружив на нем ничего съедобного, они спешат вернуться в тайгу.

Один след медведя меня очень заинтересовал. Зверь оказывается полностью стопоходящим, что на Байкале наблюдается редко. Медведи обычно не ступают на всю стопу задней ноги, а, как правило, опираются только на переднюю часть стопы; след задней лапы трудно отличим от следа передней. Обнаруженный на песке след имеет двадцать пять сантиметров в длину и пятнадцать сантиметров в ширину. Это обычные размеры задней лапы медведя, весящего примерно около двухсот килограммов и имеющего длину тела до двух метров.

Для сравнения интересно вспомнить, что крупный след человека — около тридцати сантиметров в длину, но зато

в ширину он не превышает двенадцати. Чрезвычайно любопытно, что, по описанию Швейцарской экспедиции на Эверест, следы снежного человека имели двадцать пять — тридцать сантиметров в длину и до пятнадцати сантиметров в ширину. Расстояние между отпечатками равнялось тридцати пяти сантиметрам — ровно столько же, сколько и у нашего медведя.

Через некоторое время меня догоняет лодка. Мотор, несмотря на высококвалифицированные усилия Никифорова, продолжает работать на одном цилиндре. Я сажусь в лодку, и вскоре мы выгружаемся на берегу мыса Среднего Кедрового.

Озеро на мысе — соровое. Вода чистая и прозрачная, а берега сложены гравием и галькой. В прошлом это залив Байкала. Кое-где по берегам видны редкие заросли осок. На озере плавают два выводка уток. У длинноклювого крохаля всего три утенка, чирка сопровождают пять еще маленьких утят.

Севернее большого озера, судя по карте, должно быть еще одно небольшое озерко, на берегу которого, как мы узнали от охотников, отличный солонец. Мы отправляемся туда и вскоре попадаем в болото с топкой грязью и небольшими зеркалами воды. Из-под ног вылетает куличек-черныш с небольшим птенцом. На грязи вокруг болота видно много свежих следов маралов и косуль.

Обойдя стороной болото, мы с Никифоровым углубились в тайгу и вскоре потеряли друг друга.

Птиц почему-то очень мало, и, пройдя довольно большое расстояние, я поднял только два выводка рябчиков. Они обитают на старых гарях. Рябчата уже крупные, некоторые из них достигают половины величины взрослых.

Неожиданно появляются тучи, и начинает накрапывать дождичек. Птицы малоактивны, и мне попадаются только самые обычные таежные виды.

Я беру направление к реке Средней Кедровой и по шлейфу гор выхожу к ее устью. Из зарослей передо мной поднимается еще один выводок рябчиков. В этом году рябчиков очень много; их выводки насчитывают до восьми-десяти молодых. Несколько рябчиков мне удается сфотографировать с удачной дистанции на старом высохшем дереве. Когда я попытался подойти ближе, птицы вспорхнули с дерева и улетели на берег Байкала.

Я вышел на сухое русло реки Средней Кедровой. Где-то, метрах в трехстах выше устья, слышен мощный гул от текущей воды, но в самой нижней части русло совсем сухое. Вода уходит под землю и где-то просачивается в Байкал.

По всему ложу реки разбросаны вынесенные паводком огромные стволы деревьев, большие сучья и много другого лесного хлама. Мощные великаны-кедры подмыты водой и увлечены бешено мчащимся потоком на несколько сотен метров. Последнее наводнение в горах было в ночь с 7-го на 8 июля, но в озере до сих пор плавало множество всевозможного мусора.

К шести часам вечера из-за Байкальского хребта снова поползли тучи. Начался мелкий дождь.

На мысе Среднем Кедровом мы пополняем нашу коллекцию уже знакомыми нам видами птиц. Всю вторую половину дня птицы были малоактивными — это связано, по-видимому, с неустойчивой погодой. В окрестностях озера мы добывали сибирских мухоловок, овсянок-дубровников, поползней. Нередки здесь также большие пестрые дятлы и синицы-пухляки. Невдалеке от озера держится пара чеглоков.

В ДОЛИНЕ РЕКИ ЗАВОРОТНОЙ

Заночевали недалеко от солонца. Ночь была пасмурна, время от времени накрапывал дождь. Утром из-за плохой погоды мы вынуждены отправиться домой.

Когда до базового лагеря осталось уже немного, погода улучшилась. Я решил выйти на берег и подняться по долине реки Заворотной, чтобы к вечеру вернуться в лагерь. К двенадцати часам дня я поднялся по крутому левому склону долины Заворотной, к тому месту, где река выходит из гор на конус выноса.

К этому времени уже начали созревать ягоды черной и красной смородины, небольшие заросли которых встречаются на моем пути. Кедровые орехи уже довольно твердые, но еще не спелые; шишки синие и смолистые.

В лесу много пеночек-весничек, и я быстро пополнил свою коллекцию. Здесь же мне удалось добыть даурскую мухоловку.

На противоположном склоне долины, невдалеке от скального обрамления, я увидел какое-то темное пятно.

Это был медведь. Он шел не спеша, направляясь к долине реки. Вероятно, его стронул с лежки Оводов, который оставался на базовом лагере, а в свободное время наблюдал за птицами на этих скалах.

Медведь забрел в глубокое ущелье, по крутым склонам которого зеленеет много небольших лужаек. Пройдя по одной из них, зверь скрылся за выступом скалы.

Я пристально, до боли в глазах всматриваюсь в пространство, окружающее скалы, и стараюсь увидеть хоть какую-нибудь лазейку, через которую может пройти медведь. Но там, в вершине ущелья, видны только отвесные, почти неприступные скалы. На них с большим трудом удалось примоститься лишь крошечным каменным березкам. По-видимому, зверь залег на дневной отдых где-нибудь в скалах, в одном из своих излюбленных местечек. В это жаркое время дня медведи обычно отдыхают в прохладных местах, и, если поблизости есть скалы, они предпочитают их.

Я решил найти медведя и сфотографировать его с близкого расстояния. Но не успеваю я пройти десяти шагов, как вижу, из-за скалы появляется знакомое черное пятно. В бинокль хорошо видно медведя — зверь преспокойно пасется на лужайке. Я опускаюсь на камень и продолжаю наблюдать за зверем.

Тем временем погода становится великолепной: тучи исчезают и уже вовсю печет солнце. Вскоре жара делается несносной. Зверь перестает есть, быстрыми и решительными шагами направляется к скалам и скрывается в узкой черной расселине.

Я наблюдаю за ним еще несколько минут, но он не появляется, и тогда я решаю пересечь падь, подняться на противоположный склон долины и «закрыть» медведю проход сквозь скалы. Я кубарем скатываюсь по склону маряны, в четыре прыжка перескакиваю по камням через реку Заворотную и осторожно поднимаюсь по крутой россыпи.

Скоро я выбился из сил и сажусь отдохнуть на россыпь у густого кедрового леса. Но не успеваю я удобно устроиться на камне, как рядом в лесу раздался сильный треск ветвей, который может произвести только очень крупный зверь. По-видимому, это сошел с лежки марал, обнаруженный нами в этом районе всего несколько дней назад. Треск удаляется по направлению к реке, и вдруг

там, на самом дне пади, неистово кричит кедровка. Зверь уже у реки.

Кедровки продолжают отчаянно горлапить. Вполне вероятно, что зверь пройдет по тому месту на склоне, где я еще совсем недавно сидел на камне. Приготовив телеобъектив, я жду.

Из долины реки доносится громкий рев, который рождает горная река. Этот рев мешает слышать только в том случае, если вы стоите вблизи реки. Тогда в двадцати шагах невозможно услышать громко кричащего человека и даже выстрела из ружья. Отсюда же сверху сквозь гул воды хорошо слышно все, что творится на дне долины.

Я лежу на камнях и не свожу глаз с того места, где, как показывают кедровки, должен пройти зверь. Выше по склону кричит еще несколько птиц, и тут же их крики подхватывает множество кедровок, оказывающихся поблизости. «Вот, вот, вот, вот»,— надрываясь кричит одна из них где-то у самой реки. «Тут, тут, тут, тут»,— вторит ей другая немного выше по склону.

И тогда я вижу зверей. Прямо напротив меня, примерно в ста метрах от реки, сквозь редкий кедровый лес противоположного склона пробираются три медведя. Все они светло-бурого цвета. Я по привычке смотрю на часы — стрелки показывают четыре часа дня. Обычно в это время звери еще отлеживаются в холодке и только после продолжительных дождей, изголодавшись, бродят весь день.

Сперва может показаться, что это медведица с двумя полуторалетними медвежатами. Но вскоре я убеждаюсь, что вдоль склона идут взрослые и довольно крупные звери. Они приближаются к тому месту, где еще полчаса назад я сидел на большом камне посреди широкой маряны.

Иногда звери исчезают в чаще леса, но вскоре снова появляются на открытых местах. Они часто задерживаются на месте и как-то забавно загребают лапами к себе, разрывая лесную подстилку и выискивая под ней что-то съестное.

Вскоре они, по-видимому, вышли на тропу, так как вдруг выстроились в колонну и быстро дошли до маряны. Я щелкаю затвором фотоаппарата, но мой 13,5-сантиметровый объектив слишком мал, чтобы дать удовлетворительные результаты на таком расстоянии. Я сбегаю к реке и подкрадываюсь к краю маряны. С этого места вся ма-

ряна очень хорошо просматривается, и я делаю еще несколько снимков, но расстояние до медведей остается все еще слишком большим. Как жаль, что у меня нет более крупного телеобъектива.

Вдруг я вижу, что один из медведей привстал на задние лапы и начал оглядываться — он совсем рядом с тем местом, где я сидел. Теперь звери не замедлят дать деру; так оно и случилось. Вся компания, как по команде, срывается с места и трусит в сторону, прямо противоположную той, куда направлялась первоначально. Невольно начинаешь понимать, почему так исключительно редко удается встретить медведя в густой тайге даже там, где этих зверей еще очень много. След человека для них — сигнал смертельной опасности.

Перехватить медведей можно на одной из широких прогалин в кедровом лесу, которую они неизбежно должны пересечь. Быстро пробежав несколько сот метров, я останавливаюсь в удобном месте и всматриваюсь в открытый склон горы. Но кроме страшного грохота воды, я не слышу ничего. Звери успели опередить меня, дальнейшее преследование их бесполезно.

Я побрел вниз по реке. Можно еще подняться к первому медведю, залегшему в скалах, но я сильно устал и не уверен в том, что он остался на месте. Дом рядом, всего в пяти километрах, и я повернул к нему, дорогой продолжая отстрел мелких птиц.

В доме, где сейчас устроен наш базовый лагерь, раньше находился рыболовецкий пункт, здесь постоянно жил радист. Как-то нам пришлось встретиться с ним, и он рассказал, что однажды у озера в верховьях реки Заворотной ему встретились одновременно шесть медведей. Мы давно уже успели убедиться, что радист ничуть не преувеличивал и что медведей в этих краях непривычно много даже для нас, уже семь лет скитающихся по хребтам Прибайкалья.

Северное Прибайкалье еще со времени ранних исследователей его животного мира славится высокой численностью бурых медведей. Густав Радде, один из первых путешественников по Байкалу, не без сожаления сообщал о том, что огромное количество медведей «не позволило» ему проникнуть в чащу лесов и заставило отказаться от восхождения на гольцы полуострова Святой Нос. Примерно тридцать пять лет назад к вершинам полу-

острова пробрался известный натуралист С. С. Туров и даже отважился, сидя на камне, писать этюды, но когда он однажды оглянулся, в нескольких метрах от него стоял крупный медведь.

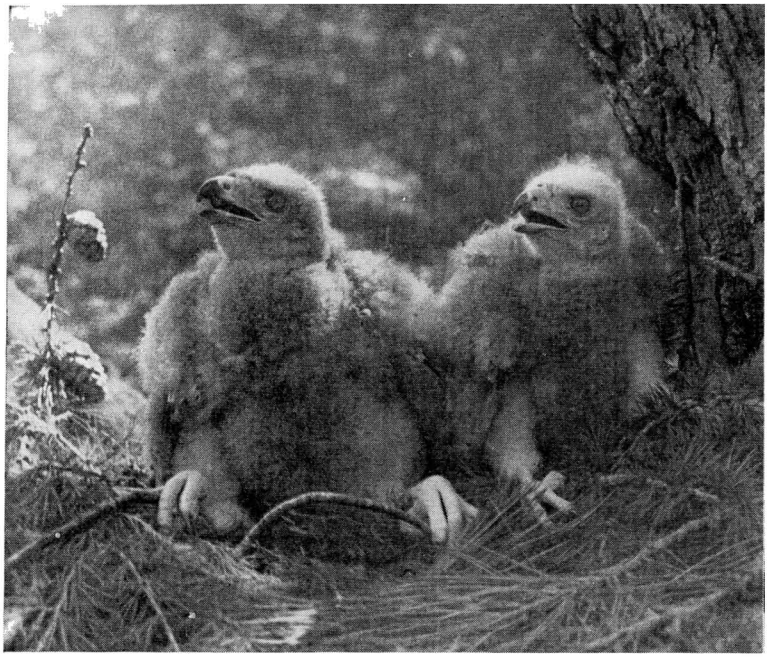
В наши дни, в связи с появлением моторных лодок и катеров, медведей в этих местах стало, по-видимому, меньше, но тем не менее на северном Байкале есть еще такие места, где с ними при желании можно встретиться каждый день. Таким охотничьим эльдорадо предстал перед нами участок Байкальского хребта и северо-западного побережья Байкала от мысов Покойники и Цаган-Марян на юге до мыса Большая Коса на севере.

В счастливый день прошлого года, когда утром с катера мы видели медведицу с тремя медвежатами, вечером, отправившись на первую разведку вдоль берега Байкала, мы встретили еще двенадцать медведей. За два летних экспедиционных периода мы видели здесь восемьдесят три медведя. Не нужно забывать, что во время походов отряд беспрерывно вел отстрел птиц и что, если бы мы могли ходить бесшумно, видели бы гораздо больше этих зверей.

Бурый медведь здесь — настоящее ландшафтное животное: его мы встречали гораздо чаще, чем марала, косулю, белку, горностая и некоторых других крупных и мелких обитателей леса и гор.

Объясняется это двумя интереснейшими явлениями в жизни прибайкальских медведей — регулярным массовым выходом на берег озера и на маряны в определенные периоды года.

На берегу Байкала медведи находят много различного корма. Озеро выбрасывает на берег множество насекомых — жуков, стрекоз, бабочек сибирского шелкопряда и других, а также нерп-подранков и мертвую голомянку. В мелководной прибрежной области проходит икрометание у некоторых видов бычков-подкаменщиков. На нижние части камней они откладывают крупную красную икру, которая легко доступна для медведей. Но медведей главным образом привлекает на берега огромное количество бабочек-ручейников, которые сплошным слоем покрывают воду у берегов, береговую растительность и камни. Медведи за один раз съедают по четыре-семь килограммов этих очень питательных насекомых.

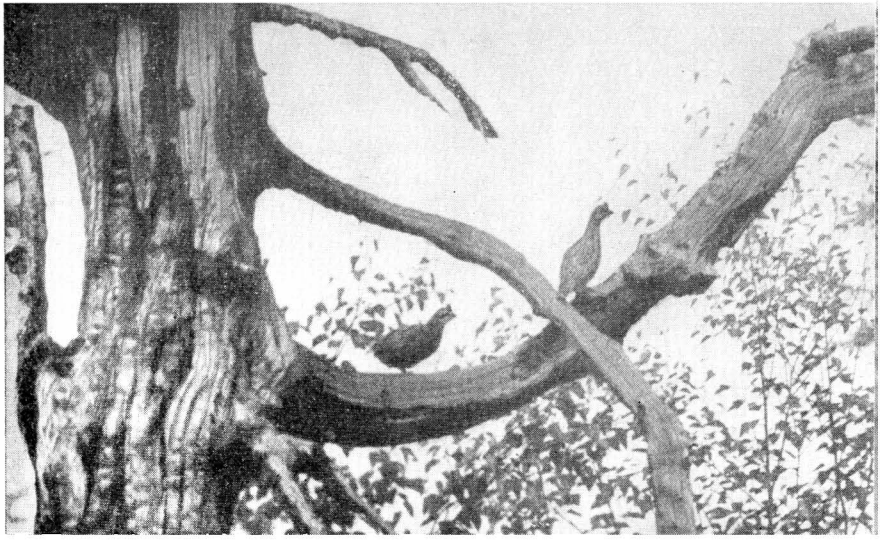


15

В гнезде ястреба-тетеревятника было два птенца

16

Нам удалось сфотографировать рябчиков на старом высохшем дереве



17

Байкальский берег

18

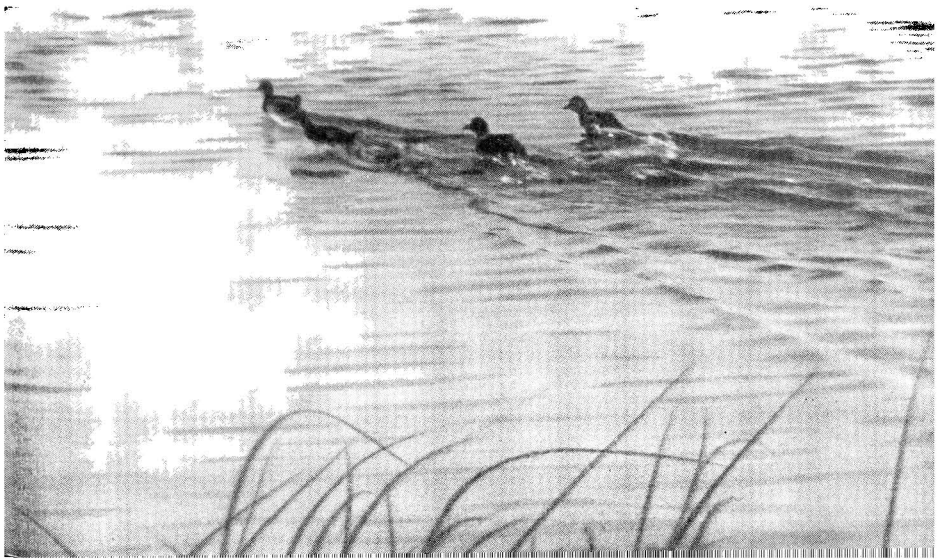
Здравствуй,
наше родное море!

19

Ястреб-тетеревятник

20

Чирка сопровождают несколько маленьких утят

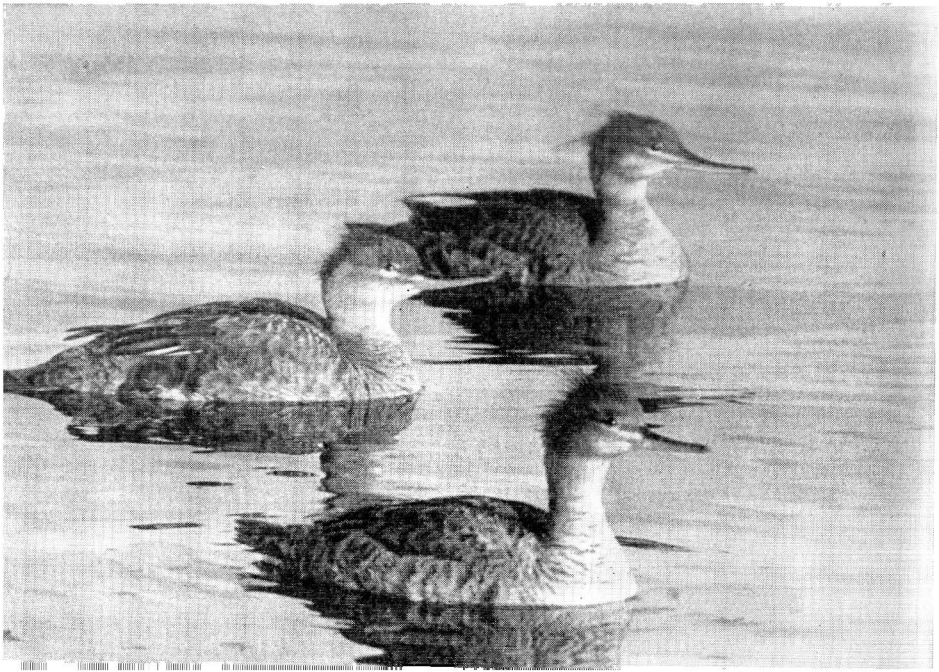


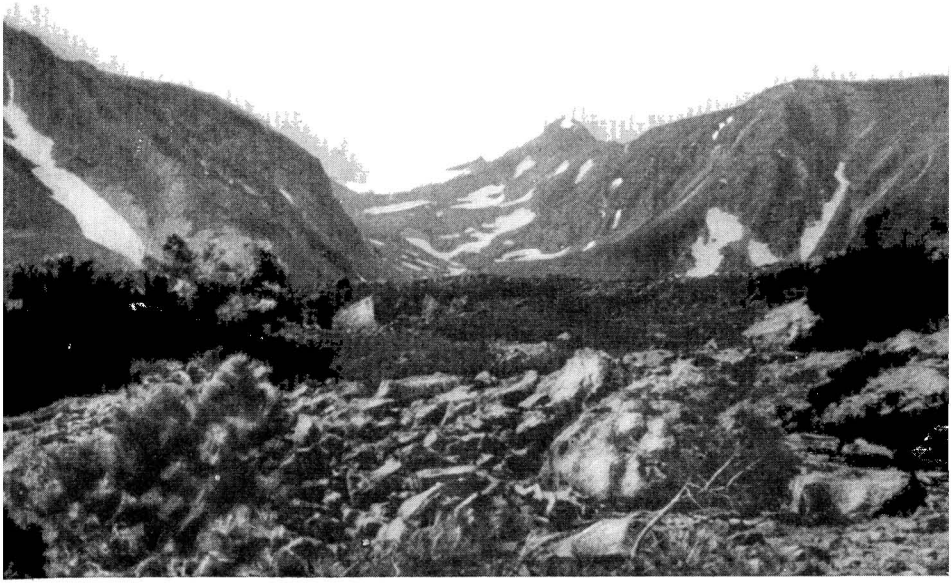
21

Гольцы прибайкальские

22

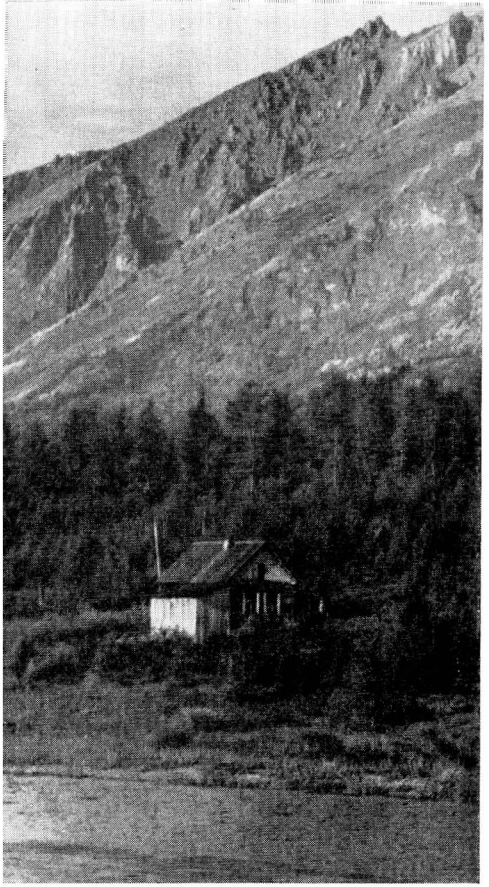
Длинноносые крохали





23

У мыса Заворотного

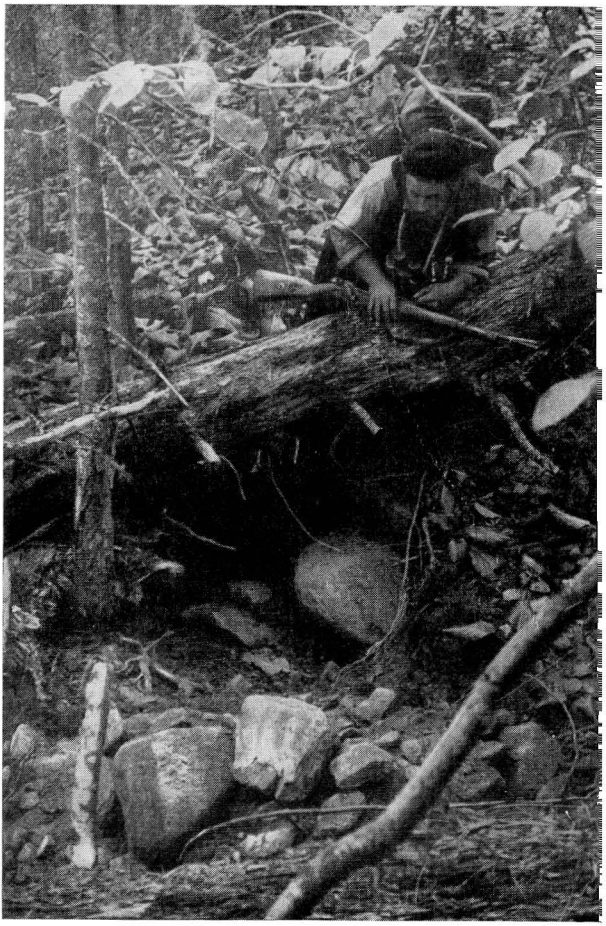


24

Мы живем на берегу большого залива, у подножия высоких гор

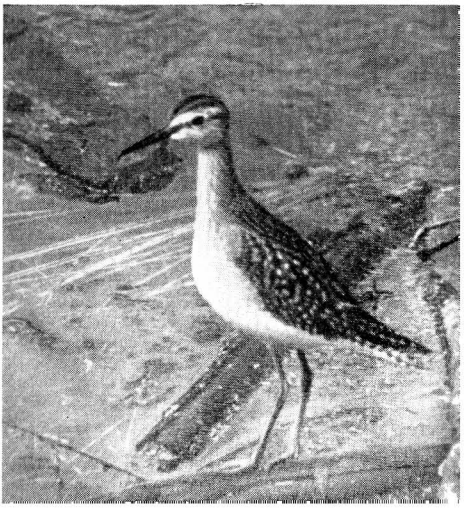
25

Юго-восточный берег Байкала



26

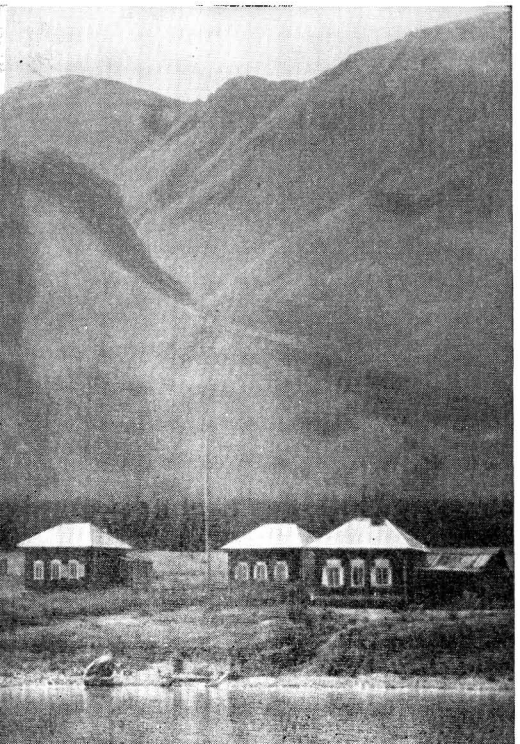
В тайге увидеть медведя трудно, хотя их свежие покопы встречаются очень часто



27

Куличок-фифи

28
Прощай, очарованный берег



Нам удалось проследить, что медведи подходят к берегам именно во время массового появления ручейников — с конца первой декады июня и примерно по пятое июля.

На остепненных лугах-марянах медведи также находят для себя обильный корм. На маряны медведи выходят дважды — ранней весной, сразу же после появления из берлог, и вторично, после длительного перерыва, начиная с первой декады июня. В это время их привлекает сюда растение из семейства бобовых — остролодка шишковидная, крупные розовые соцветия которой напоминают по вкусу стручки зеленого горошка. Соцветия остролодки очень сочные и сладкие. Остролодка начинает отцветать с начала июля, а к середине месяца медведи перестают посещать подвядшие маряны, предпочитая им сочную зелень тенистых и влажных падей — в основном различные виды зонтичных и бобовых. Из других растений марян медведь изредка скусывает листья и стебли байкальского вздутоплодника, узколистного горца, а также гораздо более охотно некоторые виды бобовых.

Именно здесь, на берегу Байкала и на марянах, только в определенные периоды лета можно наблюдать такое множество медведей. В другое время года в тех же местах они не встречаются совершенно, за исключением редких случаев.

В высоких зонах гор, там, где стланик становится сильно изреженным, также нетрудно увидеть медведя, особенно когда бывает большой урожай орехов. В равнинной глухой тайге встретить медведя очень трудно, хотя их свежие следы и покопы встречаются часто. Медведь почти всегда первым обнаруживает присутствие человека и успевает скрыться незамеченным.

Два описанных явления — выход медведей на берег Байкала и на маряны — породили у байкальских охотников довольно необычное понятие о медвежьих стадах. На северном Байкале возможны встречи с медвежьим стадом до семи голов.

Медвежье стадо — временное явление, оно наблюдается в период гона, при пастьбе на марянах и на берегу Байкала. Причиной стадности следует считать многочисленность медведей и ограниченность мест кормежки.

На лугах медведи ведут себя мирно, в драки друг с другом, как правило, не вступают и издали действительно

напоминают стадо мирно пасущихся коров. Такое мирное стадо представляет собой чрезвычайно внушительное зрелище, если оно появляется перед вами неожиданно и совсем рядом, в чем нам приходилось убеждаться на собственном опыте. В случае испуга медведи поодиночке разбредаются по тайге и больше могут никогда не встретиться вместе.

К счастью для нас, натуралистов, есть еще в Сибири немало подобных медвежьих углов, но с увеличением населения год от года медведей становится все меньше. Есть опасения, что в ближайшие годы охота на медведя на Байкале примет нежелательный размах. Мы не должны забывать, что это ценное, интересное и по существу безобидное животное во многих областях страны находится на грани полного истребления.

К ВЕРХОВЬЯМ ЛЕНЫ

Какое огромное облегчение испытывает наш отряд, когда после длительного периода ненастья, после утомительно пасмурных, холодных и дождливых дней приходит на берега Байкала хорошая погода.

Сегодня впервые за последние десять дней из-за Байкальского хребта не выползают тучи, впервые нет ни холода, ни дождя, ни тумана.

Высоко над вершинами гор иногда появляются небольшие золотистые облачка, которые легко подхватывает ветер и плавно несет к восточным берегам озера, но вскоре рассеивает их над Байкальской впадиной. И только вдали, за озером, над длинной грядой баргузинских вершин уже висят неизбежные, давно знакомые нам кучевые облака, сегодня крутые и плотные, как белый каракуль.

И больше нигде, ни в одном уголке непостижимо громадного небосвода ничто не нарушает стозвучную гармонию синего цвета — от почти белесого у самого горизонта до густо-синего в зените. Озеро отражает цвет неба в зените и поэтому кажется чрезвычайно ярким, несравненно более ярким, чем небо у горизонта. Оно такое же синее, как лепестки аквилегий.

Наша легкая и быстрая моторная лодка свободно рассекает воду. Озеро сегодня очень спокойно; мы хорошо видим, как вокруг носа лодки возникает на воде множество слабых всплесков, напоминающих волны от лопающихся пузырьков воздуха. Может показаться, что эти

всплески рождаются брызгами от двух стремительных и высоких носовых гребней, падающих вдоль бортов. Но только при внимательном наблюдении за этими блестящими концентрическими бороздками нам удалось понять причину их появления.

Крошечные живые существа, невидимые из лодки простым глазом, сотнями бросаются врассыпную при нашем приближении. У нас в отряде нет ни одного гидробиолога, и мы до сих пор не знаем, к какой группе животного царства принадлежат эти загадочные организмы. Они покрывают поверхность озера на большом протяжении.

Впереди виден высокий скалистый мыс Цаган-Марян. Восторженные рассказы о нем, как об одном из живописнейших уголков Байкала, мы слышали еще задолго до нашего путешествия. Где-то здесь, в скалистых, отвесных берегах, в районе одного из немногих, не потерявших своего былого значения тюленьих лежбищ, находится пещера, известная среди местных охотников и рыбаков. В период высокого уровня воды в эту пещеру будто бы забираются нерпы, где их подкарауливают и ловят охотники, перегораживая выход из пещеры прочной сетью.

Наше внимание привлекло небольшое стадо тюленей. Звери держатся кучкой впереди нас и явно направляются к ближайшему мысу, где, по-видимому, собираются совершить вылазку на прибрежные камни.

Лодка вылетает на то место, где только что плавало стадо нерп, но все головки моментально исчезают под водой. Через несколько секунд вокруг лодки появились крупные темные звери, но, увидев нас, мгновенно исчезли снова, круто изгибая широкие блестящие спины. Когда это место остается далеко позади, тюлени снова собираются в стадо, и нам еще долго хорошо видны их лоснящиеся на солнце головы, черные и круглые, как шары.

Цаган-Марян уже совсем близко. Живописность этих безлюдных мест, подчеркнутая прекрасной погодой и нашим превосходным настроением, кажется неповторимой.

Высокая, обрамленная лесом скала почти отвесно обрывается в озеро. У ее подножия лежат огромные глыбы камня, гладко обточенные прибоем. Скалы и камни во всех направлениях иссечены множеством больших и малых трещин, местами зияющих в виде глубоких ниш. Между скалистыми мысами плавно врезаются в сушу несколько удобных для стоянки бухточек с берегами, сло-

женными мелкой галькой. Уже потом, высадившись на берег, мы обнаруживаем, что среди круглых и плоских камешков встречаются белые и розовые зерна кварца, искусно отполированные водой.

Внезапно из-под скалы выскакивает выводок крохалят, в котором всего четыре утенка. Быстро и шумно хлопая крыльями, крохалята бросаются в разные стороны. Два из них устремляются к центру озера, оставляя за собой на воде длинные полосы из пузырей воздуха, два других подплывают к камням и скрываются под водой в расселинах скал.

Это выводок большого крохаля. В северном Прибайкалье помимо большого крохаля гнездится длинноклювый крохаль и изредка встречается крохаль луток. Правда, лутки найдены нами только в широких межгорных впадинах в поймах крупных рек. На берегах же Байкала чаще встречаются выводки длинноклювого крохаля, в то время как большой крохаль, обычный здесь на весеннем пролете, летом попадается значительно реже.

Желая выяснить, куда могли исчезнуть утята, мы подъезжаем вплотную к скале и вдруг видим ту самую знаменитую пещеру, о которой так много слышали раньше. В камнях выбита волноприбоем просторная ниша, которая через четыре метра от входа превращается в узкую щель. Затем пещера снова расширяется и идет в глубину еще на четыре метра, имея здесь около метра в ширину. Высота этого туннелеобразного прохода вполне достаточна для того, чтобы в нем мог свободно поместиться человек.

Из глубины пещеры доносятся странные звуки: как будто с большой высоты падают в воду крупные и тяжелые капли воды. Оводов пытается втиснуться в узкую щель, и тогда в пещере кто-то ворочается, там слышится легкое постукивание камней. В тот же миг громко всплескивает вода, и мы видим, как вдоль прохода, распластавшись изо всех сил и вытянув вперед шею, под водой плывет крохаленок. Он напрягает все силы, чтобы остаться незамеченным, но мы наблюдаем за ним, как в аквариуме. Размером он со среднюю утку. Подплыв к скале, плотно прижимается к камням, пытаясь стушеваться в их нишах, и потом быстро скрывается за выступом мыса.

В одном из наиболее удобных и живописных заливчиков мы подплываем к берегу и вытаскиваем лодку на

гальку. Нужно быстро сварить обед и отправляться в экскурсию для ознакомления с окрестностями Цаган-Маряна.

Через час мы поднимаемся по крутому остепненному склону на вершину Цаган-Марянского мыса и вскоре уже стоим на последнем выступе скалы.

Перед нами лежит Байкал во всей своей неизъяснимой прелести. Сегодня благодаря хорошей погоде и полнейшему штилю он кажется неповторимым. Несколько сизых чаек с черными концами белых крыльев плавно и не спеша уходят своей воздушной дорогой куда-то в северную сторону. Они летят высоко над Байкалом и далеко под нами, а в воде также плавно и не спеша скользят их отражения.

Далеко, в другом конце озера, лежит полуостров Святой Нос. До него около сорока пяти километров, но вершины и распадки его уникального горного ансамбля видны превосходно. На его темном фоне едва различимыми матовыми пятнами виднеются Ушканьи острова. Они лишь слегка приподнимаются над водой.

Над вершиной Цаган-Маряна вьются чеглоки, несколько раз пролетает пустельга и со стремительными криками проносятся белопоясничные стрижи. Где-то высоко в скалах их гнезда. Дорогой чаек важно дефилирует белоголовая скопа, а над вершинами лиственниц бесшумно проплывает на неподвижных крыльях черный коршун. В районе Цаган-Марянского мыса невольно бросается в глаза обилие дневных хищных птиц.

Через несколько часов лодка снова легко скользит по воде, увозя нас все дальше на юг и все ближе к мысу Покойники. Дорогой мы добыли несколько интересных куликов. Охота на куликов с лодки очень увлекательна и дает возможность получить обильный и очень полный научный материал. Разумеется, что вне научных целей такая охота вряд ли допустима. Кулики близко подпускают лодку, а потом поднимаются и летят над водой невдалеке от берега. В этот момент очень удобно перекрыть их путь снопом дроби. При такой охоте можно заранее рассмотреть в бинокль сидящих на берегу птиц и выбрать для коллекции только тех из них, которые отсутствуют или еще недостаточно полно представлены в ней.

Самыми обычными из куликов в полосе побережья оказались перевозчики. Их легко опознать в полете и си-

дящими на берегу. На земле они оригинально выделывают свои бесконечные реверансы, а поднимаясь в воздух, так характерно кричат, что их, даже при недолгом знакомстве, трудно спутать с другими птицами. Этих куличков выдает также особый стиль полета и белая полоска вдоль расправленного крыла. Перевозчики гнездятся на берегах Байкала, почти на всех крупных и мелких реках; в Прибайкалье они настоящие ландшафтные птицы.

Кроме перевозчиков на берегах Байкала можно увидеть фифи, чернышей, больших и пепельных улитов, белохвостых песочников, малых зуйков и мородунок — интересных куличков с загнутыми вверх клювами. В начале августа все эти виды куликов начинают перемещаться к югу.

Байкальская впадина на севере переходит в Верхне-Ангарскую котловину, на юге — в Тункинскую долину, образуя длинный и удобный пролетный путь для многих видов птиц. Несмотря на бедность местных форм гнездящихся куликов, осенью на Байкале можно наблюдать около тридцати видов этих околоводных птиц.

Весной, в разгаре пролета куликов, северный Байкал еще покрыт льдами, и поэтому многие виды птиц огибают его с востока и запада, но осенью почти все кулики летят вдоль берегов Байкала. В это время здесь появляются камнешарки, песчанки, избегающие этих мест весной. Нам удалось добыть для коллекции сравнительно редкие виды этих птиц: кулика-острохвоста, грязовика, красношейки, кроншнепа-малютку и некоторых других.

Вечером мы высадились на берег в районе местечка Покойники и здесь на зеленой лужайке поставили палатку. Поселок Покойники — это пять домиков, тесно сплотившиеся у самого берега озера; в них живут и работают сотрудники метеорологической станции. Вокруг поселка приветливая лиственничная лесостепь. Это как-то не вяжется с мрачным названием поселка. В километре от станции круто взмывают к небу восточные склоны Байкальского хребта. Отдельные участки склонов и гребни водоразделов не покрыты лесом, между скалами видны обширные маряны.

Нам навстречу выходит высокая седая женщина, очень живая и энергичная, с доброй, приветливой улыбкой. Это научный сотрудник зоологического института Мария Ни-

колаевна Дубинина, уже не первый год проводящая здесь очень интересные гельминтологические исследования. Нам особенно приятно встретиться в этой глуши с человеком, работающим в смежной и близкой нам области зоологии.

ВОКРУГ ПОСЕЛКА ПОКОЙНИКИ

Утром 9 августа мы разошлись в разные стороны, желая ознакомиться с птицами соровых озер и лиственничных лесов.

Я отправляюсь к небольшому озеру, затем дохожу до подножия Байкальского хребта и к полдню уже возвращаюсь домой.

Мне не удается найти или увидеть здесь ничего интересного. В лесу встречается множество дубровников, белошапочных овсянок, гаичек-пухляков, поползней, сибирских мухоловок и пятнистых коньков — все виды птиц, которые наиболее обычны в прибрежных лиственничных лесах северо-западного побережья Байкала. Озеро севернее метеостанции вряд ли может произвести впечатление на орнитолога — слишком уж оно безжизненно. Обойдя его вокруг, я поднял только одного большого улита.

В четыре часа дня мы отправились на лодке к южному озеру. Воспоминания об этой экскурсии сохранятся в нашей памяти, по-видимому, на всю жизнь.

Озеро похоже на многие другие прибрежные соровые озера; большинство из них образовалось в результате постепенного перегораживания заливов галечниковыми косами. Многие соровые озера отгорожены от Байкала косами всего по нескольку метров шириной. Это озеро по своей биологии резко отличалось от многих других соровых озер и напоминало бормашевое соровое озеро мыса Большой Солонцовый.

У противоположного берега сбились в плотную стаю десятки уток; среди них еще много не поднимавшихся на крыло. Как только мы вышли на береговой вал, с озера снялись несколько куликов фифи и с громкими криками помчались над водой.

Мы выходим на берег озера и начинаем огибать его; среди птиц начинается настоящее столпотворение. Со всех сторон и прямо у нас из-под ног вылетают всевозможные кулики и с разнообразными криками, кряками и свистами

уносятся в разные стороны. Фифи и большие улиты летят над озером; некоторые из них садятся на противоположном берегу, другие перекочевывают на Байкал. Бекасы и лесные дупели летят по направлению к берегу и исчезают за вершинами лиственниц.

Мы пробираемся вдоль берега, преодолевая невысокие заросли осок. Первым очень удачным боковым выстрелом я убиваю большого улита и тут же бью из левого ствола по неосторожно приблизившемуся бекасу, и он безвольным комочком валится в воду. Большого улита я запихиваю в кулек и кладу в коробку, а бекаса, который упал в воду невдалеке от берега, решаю подобрать на обратном пути.

Дальше стрельба идет не так гладко. Кулики поднимаются группами, по нескольку штук одновременно, мы не сразу решаемся стрелять, волнуемся, торопимся и часто стреляем, когда птица уже слишком далеко.

Тем временем мы подходим к противоположному берегу озера с обкошенными берегами, куда то и дело садятся испуганные нами кулики. Начинается что-то совершенно невообразимое. Целыми партиями, по десять-двадцать штук одновременно, кулики вырываются прямо у нас из-под ног, долго кружатся над озером, проносятся рядом с нашими головами, и многие из них снова садятся где-нибудь поблизости.

Мы с Никифоровым заколлекционировали уже около десяти птиц, среди которых немало редких видов, но и патронташи уже значительно опустели, так как в среднем на каждую птицу ушло почти по четыре патрона.

Мы решаем не огибать озеро вокруг, а пройти тем же берегом еще один раз. Куликов теперь поднимается значительно меньше, чаще всего они вылетают поодиночке, и наши результаты быстро исправляются. Мы добыли еще около десятка азиатских бекасов и лесных дупелей, почти не делая промахов. Среди куликов здесь наиболее многочисленны фифи, азиатские бекасы, бекасы-барашки, лесные дупели, большие улиты и черныши. Оба вида бекасов встречаются примерно в равном количестве, лесных дупелей значительно меньше.

На озере держатся в основном те виды куликов, которые предпочитают кормиться по зарослям берегам озер, на скошенных заливных лугах и болотах. Кулики, находящие пищу на галечниковых, песчаных или илистых

берегах рек и озер, такие, как перевозчики, мородунки, пепельные улиты и другие, избегают этого озера.

Мы подошли к тому месту, где я убил первого бекаса. Пришлось раздеваться и лезть в озеро, вода в котором очень холодная, но все же несколько теплее, чем в Байкале. Когда я взял в руки лежащего на воде бекаса, я был буквально ошеломлен тем, что мне пришлось увидеть. От птицы остались одни перья, кости и обрывки кожи — все мягкие части были выедены бокоплавами, плотно облепившими то, что оставалось от птицы.

В озере водится огромное количество гаммарид — рачков-бокоплавов, которых местные жители называют бормашом, а озера, в которых они встречаются,— бормашовыми. Зимой в таких озерах добывают огромное количество бокоплава, необходимого для ловли рыбы на удочку подо льдом. На бормаша прекрасно ловится омуль, черный и белый хариус, иногда сиг. Рачков используют в основном для приманки — их горстями бросают в лунки, привлекая рыбу в нужное место. На крючок же рачков надевают редко, предпочитая обходиться так называемой обмоткой — имитацией бормаша из цветных ниток.

Невдалеке от Усть-Баргузина, на перешейке полуострова Святой Нос, известна цепь бормашовых озер, где добывается очень много рачков, которыми снабжаются рыбаки чуть ли не всего северного Байкала.

ВВЕРХ ПО РЕКЕ СОЛНЦЕ-ПАДЬ

Тропа, ведущая от Байкала к верховьям реки Солнце-Падь, начинается от поселка Покойники. Вначале она идет наискосок к подножию Байкальского хребта. Там, где тропа пересекает прибрежные лиственничные леса, она очень красива, а на некоторых участках так ровна и чиста, что напоминает дорожку в парке. Это, несомненно, одна из лучших троп на Байкальском хребте; по ней группы туристов переваливают с Байкала на Качуг.

Через час пути мы подходим к долине реки Солнце-Падь, пересекаем ее сухое русло и поднимаемся по склону вдоль левого берега. Дорогой встречается несколько бурундуков, белка и множество горластых кедровок. Эти пестрые, необыкновенно шумные и суетливые птицы кричат на самые разные голоса. Чаще всего они издают рез-

кое и грубое карканье, которое обычно сопутствует появлению человека, зверя или враждебной кедровкам птицы. При виде пролетающего канюка кедровки бросаются на него целой сворой и долго раздраженно кричат. Иногда мы слышим однотонный протяжный звук — если уметь воспроизводить этот звук, птицы хорошо реагируют на него, как на манок. Но иногда трудно поверить, что слышимый голос принадлежит кедровке. Сперва раздаются звуки, несколько напоминающие воркованье козодоя, они повторяются одинаковое число раз и заканчиваются чем-то вроде мяуканья кошки.

Кедровки усиленно обивают стланиковые и кедровые шишки, их подъязычные мешки переполнены орехами.

В долине реки Солнце-Падь встречаются гигантские кедры по нескольку обхватов в окружности. Повсюду обилие кедровых и стланиковых шишек. По краям тропы мы собираем бруснику, а невдалеке от перевала выходим в заросли душистой смородины.

Река Солнце-Падь течет в глубоком каньоне, со всех сторон обрамленном огромными скалами с зазубренными вершинами. Из-под них растекаются вниз огромные каменные осыпи. По этим россыпям часто проходит тропа.

Говорят, что первоначальное название пади — Солонцовая, но нам больше нравится ее настоящее название Солнце-Падь, хотя, как уверяют знатоки, это название и не имеет никакого смысла. Зато сколько в нем прелести, тайны и еще чего-то неизъяснимо прекрасного.

Кажется, что перевал уже совсем рядом. Видны последние грани гор, но как только отряд поднялся на очередной гребень, становится видным новый участок подъема. Так повторяется несколько раз.

С утра резко меняется погода, небо затягивается черно-серым пологом облаков. Это нам нравится — не так жарко подниматься в горы. Подъем тяжел и утомителен. Мы часто и подолгу отдыхаем, особенно на крутых участках. Ноги наливаются свинцом и отказываются повиноваться. Уже потом, вечером, когда пошел дождь, мы поняли, что попали в тяжелое, переходное время с резким изменением давления перед длительным периодом дождей.

Дождь застает нас в получасе ходьбы от перевала, на берегу небольшого ключика, под двумя большими сибирскими кедрами. Он вряд ли окончится до темноты, и мы устраиваемся на ночлег. Под защитой махровых хвойных

крон наши специально экспедиционные плащи уже не представляют для нас большой опасности.

Обстановка вокруг романтична и своеобразна. Огромные стволы кедров и их могучие корни, заваленные толстым слоем мягкой хвои, напоминают о чем-то нереальном. Под гущей хвои, пучкастой и длинной, легко найти место, куда не проникает ни капли дождя. Окружающее настраивает на размышления и лирику. Мы вспоминаем строчки забытого стихотворения Н. А. Холодковского, знаменитого переводчика «Фауста», большого зоолога и поэта, строчки посвященные маленькому горному цветку горечавке. Кончается это стихотворение словами, очень точно передающими чувства, которые наполняют человека, оказавшегося высоко в горах.

Вкруг все дико, все громадно,
От людей так далеко,
А на сердце так отрадно,
Так свободно, так легко.

Простые, безыскусственные слова этого стихотворения, которое мы любим петь на свой мотив, хорошо гармонируют с суровой прелестью высокогорных ландшафтов и с нашим настроением.

Приближаются день и час, о которых мы мечтаем уже два года. Через несколько дней мы будем в истоках реки Лены, где бывали лишь очень и очень немногие. Завтра утром должны выйти в долину Лены, а еще через день или два увидим рождение реки, самые первые метры одной из самых больших рек земного шара. Начать аб ово, как говорили латинцы, познать начало начал — такова одна из наиболее сильных сущностей человека.

Темнеет. Шумят мощные кроны кедров. Всю ночь идет не очень сильный дождь, но на нас он почти не попадает, и вскоре мы уже засыпаем, успокоенные далеким шумом махровой хвои.

К ИСТОКАМ ЛЕНЫ

Ровно через полчаса после начала пути мы поднимаемся на перевал к Лене. Перед глазами открывается незабываемая картина — широкая долина реки лежит у наших ног. Немного левее выхода тропы на перевал выложен

небольшой гурий, но от него не видно всей панорамы. Мы проходим еще метров сто влево до открытой каменной осыпи, откуда вся долина реки видна превосходно.

Огромной белой дугой лежит перед нами таежная река. Отсюда хорошо видны три протоки, из которых ближайшая сильно заросла, и вода в ней почти неподвижна. Правее все три рукава сливаются вместе; порывы ветра доносят оттуда мощный гул воды, бегущей по перекатам.

В пойме реки видны густые заросли кустарников, а выше, по пологим отрогам гор, стелится кустарниковая березка среди редких лиственничных лесов. Открытые участки гор кажутся белыми от оленьих лишайников. Еще выше по сглаженным увалам растет кедровый стланик, лиственница, а местами видны кедрово-еловые леса.

За перевалом, невдалеке одно от другого, сверкают два небольших озерца. С ближайшего озера доносятся голоса бурых пеночек. Над озером с криками носятся два кулика-черныша и один перевозчик. Кругом на разные голоса переговариваются кедровки — их, как и везде, где есть шишки, очень много.

Не раз мы поднимаемся на перевалы и взбираемся на гребни прибайкальских гор, и снова и снова на каждом новом перевале мы ощущаем какую-то особенную торжественность и взволнованность. Завершается круг почти неудержимых стремлений, и вдруг, в одно прекрасное мгновение, взору открывается то, что давно уже рисовало вам ненасытное воображение. Человек жаждет простора, и здесь, на перевалах и на вершинах, он находит наконец его в самом первозданном облике.

Достижение перевала — событие исключительной эмоциональной напряженности, апофеоз всего похода в горах. Трудно передать словами всю ту богатую гамму переживаний, то чрезвычайно цельное мироощущение, которое испытывает человек, завершив восхождение. Эти чудесные мгновения можно считать одними из самых важных и дорогих в жизни человека.

«Конечно, восторг и восхищение будут прежде всего связаны с восхождением. При восходе является непреодолимое желание заглянуть за возносящиеся перед вами высоты. Когда же вы идете вниз, то в каждой уходящей вершине звенит какое-то «прости». Потому-то так светло не только идти на вершину, но хотя бы мысленно следо-

вать этим путем восходящим»,— писал вдохновенно влюбленный в горы Николай Константинович Рерих. Мы должны быть признательны всему, говорил он, что хотя бы напоминает о вершинах, «о зовущем, о прекрасном, которое так нужно всегда».

Мы любим все времена года и все ландшафты земли. Но ни горизонты степи, ни величественная монотонность тайги, ни даже крутой и могучий характер Байкала никогда не увлекали нас так, как горы. Здесь, в горах, на вершинах и перевалах мы всегда ощущаем благодатный прилив сил. Мы достаем дневники, и самые нужные слова легко и просто встают друг за другом, и все, что мы пишем в это время, отмечено особой метой.

Когда впервые нам пришлось знакомиться с горами, многие из нас почувствовали разочарование. Горы, эти страшные, почти непроходимые нагромождения каменных громад, этот хаос холодных камней, кажутся не обязательными, не неизбежными, и это вызывает сомнение в разумности их существования.

И только потом, когда мы несколько раз поднялись на перевалы и побывали на нескольких вершинах и за внешней суровостью, пустынностью и молчаливостью увидели их прекрасную жизнь, мы поняли и полюбили горы.

На перевале пробыли довольно долго, около полутора часов. Здесь выяснилось, что Оводов забыл на месте ночлега свой фотодневник, в котором были ценные фотографические заметки. Ему пришлось вернуться назад, а мы в это время не спеша продолжаем любоваться далекими панорамами.

Это был первый перевал из пяти, которые нам пришлось преодолеть за четыре дня. Поход к верховьям Лены принес много неожиданного и стал для нас серьезным испытанием. Он лишний раз напомнил, что в горах никогда нельзя забывать о главных охотничьих заповедях: идешь на день — бери хлеба на три, всегда имей с собой топор, компас, носи спички в герметичной упаковке. Пренебрежение этими, казалось бы, не столько полезными, сколько традиционными истинами может привести к трагическому концу.

В горах северного Прибайкалья ориентироваться нетрудно — в случае потери направления нужно подняться на одну из вершин водораздельного гребня и осмотреться вокруг. На востоке, если вы находитесь на Байкальском

хребте, или на западе, если на Баргузинском, вы обязательно увидите Байкал. Человеку, сколько-нибудь опытному, заблудиться здесь невозможно, но это не значит, что здесь негде плутать и потерять те несколько драгоценных дней, которые могут оказаться решающими.

Вера в невозможность заблудиться на Байкальском хребте, многолетний опыт путешествий по Прибайкалью и благополучные исходы всех походов настроили нас непростительно благодушно. Мы целиком доверились карте, чего ни в коем случае нельзя делать в горах в дождливую погоду.

Поход к верховьям Лены совпал с дождливым периодом конца лета — все дни похода почти непрерывно шел дождь. Начались ужасные наводнения; они принесли нам множество самых неприятных переживаний. Там, где на карте не было обозначено никакой реки, неслись стремительные потоки, а там, где был отмечен небольшой ручей, грохотали непроходимые стремнины.

Спуск с перевала оказался легким и быстрым, как большинство на Байкальском хребте в сторону Лены. Перейдя вброд протоки реки, наибольший из которых имел десять метров в ширину и сантиметров сорок в глубину, мы вышли на хорошую тропу левого берега реки, поднялись на невысокую террасу и по ней направились к истокам Лены.

Наше внимание привлекла хорошая разработанность долины реки, ее большая ширина почти у самых истоков, а также наличие террасы. Создается впечатление, что когда-то здесь бежал значительно более мощный поток воды.

День прошел без особых происшествий. Мы шли по хорошей тропе среди парковых лиственничников и сплошного моря кустарниковых берез. Тропа часто пересекала лужайки среди зарослей кустарников по золотисто-белому ягелю и дымчато-серому стереокаулюну. Эти лишайники господствуют здесь в напочвенном покрове и придают местности своеобразный колорит.

Мы надеялись дойти до истоков Лены в первые же сутки после перевала, но к вечеру этого дня подошли только к одному из ее правых притоков. Уже поздно, и пора думать о ночлеге.

Пока мы дружно подтаскивали к месту костра тяжелые лиственничные кряжи, начался дождь. Он не переставал всю ночь и только к утру как будто затих.

Утром 12 августа, кое-как обсушившись у костра после ночного купания, мы тронулись дальше и вскоре снова вымокли насквозь — каждый куст буквально насыщен влагой и выливал на нас по полведра воды. Только перед сумерками мы добрались наконец до истоков Лены.

Главная цель нашего похода рядом. Два года мы мечтали об этой минуте. Мы поднимаемся по левому борту долины до того места, где уже нет воды, и, замкнув круг по сухому месту, пересекаем долину реки. Исток Лены найден. Она начинается невдалеке от перевала в плоской чашеобразной впадине среди сфагнового болотца с осокой, геранью, чемерицей, крошечными кустиками ив и кустарниковых берез.

Семь небольших ручейков шириной по десять-двадцать сантиметров и глубиной в три-пять сантиметров — такова река Лена у своего начала. Ручейки сливаются по двое, по трое и вскоре соединяются воедино. В этом месте Лена около метра в ширину и всего несколько сантиметров глубины.

Вокруг по увалам с эрозионно сглаженными вершинами растет кедровый стланик, всюду сползают по склонам черные россыпи, а между ними белеют пятна ягеля. Вдали виднеется редкий лиственничный лес.

Так, на высоте немногим более тысячи метров над уровнем моря, в десяти километрах от Байкала, среди невысоких увалов начинается эта река, носящая нежное женское имя Лена. Река, прорезающая с юга на север почти всю Сибирь, имеющая протяжение в 4270 километров, площадь бассейна в 2 425 000 квадратных километров, занимающая третье место по величине среди рек нашей страны, имеющая шестьдесят миллионов киловатт энергетических запасов и дельту, в двадцать раз превышающую дельту Волги! Великая сибирская река.

За последние два дня пути мы не встречаем следов человека и лошадей. Немногим выпадает счастье присутствовать при рождении Лены. Туристы идут на Лену по долине реки Солнце-Падь, пересекают ее и спешат на Качуг, не заходя в истоки. Охотники доходят до одного из правых притоков Лены и здесь по широкой впадине перевалывают в долину реки Шартлая и затем спускаются к Байкалу. Геологи иногда посещают верховья Лены, но в этом году, кроме нас, здесь никто не бывал.

Мы вышли к последней одинокой лиственнице, которая видна ниже истоков, и взяли образцы шишек. Нужно идти к Шартлаю. Птиц почти не видно. Погода всю дорогу крайне неблагоприятна для наблюдений за птицами и их коллекционированием.

Рядом с истоком Лены, справа от нее, виден небольшой распадок, по которому во время сильных дождей бежит вода. Левее этого ключа к вершине горы идет хорошо заметная оленья тропа. По ней удобно подниматься вверх. Мы задерживаемся на вершине горы и еще раз осматриваемся вокруг. Далеко внизу среди болота белеют истоки Лены. Через несколько мгновений они скрываются за куполом горы.

Из зарослей стланика выходят три оленя — матка и два крупных олененка. Матка с одним олененком отходят на сто метров и останавливаются, глядя на нас; второй олененок взбегает на вершину соседнего гребня, застывает на нем красивым силуэтом и исчезает за горой. Оставшиеся олени не спеша спускаются к истокам Лены. Как только мы покинем эти места, они быстро найдут друг друга.

ОТ ЛЕНЫ ДО БАЙКАЛА

Благополучно завершив спуск к реке, мы внимательно изучаем карту и убеждаемся, что это река Рытая. По дну крутого и узкого распадка бежит бурный поток воды. Это не входило в наши расчеты — мы были уверены, что из истоков Лены сразу же попадем в Шартлай. По-видимому, нужно было пойти по распадку, расположенному немного левее.

Хорошая тропа ведет к вершине Рытой, и вскоре мы выходим к озеру, берега которого густо заросли осокой. Дальше тропа уходит в сторону от реки, заворачивая на перевал к Лене. Мы покидаем тропу, переходим вброд небольшой ключик и направляемся вдоль берега реки по старому курсу.

Тем временем приближается вечер — надо выбрать место для ночлега. Мы располагаемся под густой елью в надежде, что она защитит нас от дождя. Земля за эти дни глубоко промокла, в костер приходится подкладывать сырые ветви, так как хороших дров нет. Спали эту ночь очень плохо. Проснувшись среди ночи, я увидел свои са-

поги, охваченные пламенем. Никифоров рядом с ними, он хватает их и пытается сбить огонь, и, когда ему удается это сделать, мы с ужасом видим, что один сапог носить уже будет нельзя. Еловые дрова трещат, забрасывая нас угольками, и мы боимся еще что-нибудь сжечь.

Ребята дремлют, уткнувшись головами в капюшоны штормовок, а ко мне сон больше никак не идет. Я думаю о нашей науке — о полевой зоологии, пытаюсь сопоставить ценность открытий в таких различных областях знаний, как биология и физика, а точнее, полевая экология животных и теоретическая ядерная физика. В ядерной физике большой поток исследований проходит на грани открытий, и самое маленькое открытие там не может остаться незамеченным. В полевой экологии животных можно сделать немало открытий, но, вероятнее всего, они останутся незамеченными. Они останутся незамеченными потому, что их материальная ценность по сравнению с открытиями в ядерной физике в настоящее время может оцениваться невысоко, хотя для каждого маленького открытия в нашей области работы требуются не меньшие способности и не меньшее напряжение сил.

Достигнуть вершины одинаково трудно в любой области науки, и особенно трудно в той, которая не находит широкого отклика и поддержки.

«Полагаем задачей достойной первого из первых ученых Общества назначить следующую тему для ученого труда первейших ученых: исследовать три вершка ближайшего к исследователю болота относительно растений и животных...

Вместо путешествий в отдаленные страны, на что так жадно кидаются многие, приляг к лужице, изучи подробно существа — растения и животных — ее населяющих в постоянном развитии и взаимно непрестанно перекрещивающихся отношениях организаций и образа жизни».

Эти слова профессора Московского университета К. Ф. Рулье стали знаменем многих зоологов мира. Понимая «лужицу» в более широком смысле, можно сказать, что эта задача крайне актуальна для огромных областей Сибири, животный мир которой еще недостаточно хорошо изучен. Но как часто мы сталкиваемся с людьми, непонимающими основных задач зоологии в Сибири и всячески

стремящимися помешать развертыванию там фаунистических, зоогеографических и экологических исследований.

В пять часов утра начался сильный дождь, мы перебрались вплотную к стволу ели. Вдали от костра очень холодно, но приближать костер к ели опасно, так как могут загореться корни и нижние ветви. В тяжелом полусне, замерзая, мы провели остаток ночи.

Продукты вымокли и превратились в кашу. Остался единственный выход — не обращая внимания на дождь, двигаться вперед, дойти до какого-нибудь хорошо приметного места и попытаться сориентироваться по карте.

Между тем дождь усиливается, на небе не видно ни единого проблеска. Мы взвалили на плечи паняги с набухшими и отяжелевшими от дождя вещами и пошли прежним курсом, поднимаясь на свежую гарь. Здесь мы увидели первые признаки осени — листья на кустарниковых березках кое-где начинают желтеть.

Под проливным дождем отряд тяжело поднимается на перевал. Несмотря на то что мы все время находимся в движении, всем мучительно холодно. В полдень, окончательно продрогнув, мы делаем попытку развести костер, но эта затея не удалась — спички безнадежно отсырели. Мы стали стрелять из ружья, зарядив патроны кусочками влажной ваты, но разжечь огонь не удается.

С огромным трудом наш отряд преодолевает перевал и спускается в долину реки. Везде, со всех сторон слышится мощный рев разбушевавшейся воды. Падь, по которой мы идем, сплошь затоплена водой. Сперва все идем по колено в воде, но ее становится все больше и больше, и вскоре мы вынуждены перевесить патронташи на шеи.

Нужно немедленно предпринять что-то решительное — очень скоро любое действие будет уже бесполезным. Возвращаться назад, к перевалу, вряд ли целесообразно — вода стремительно прибывает. Мы решили пересечь дно долины и подняться на ее правый склон. Но когда почти достигли подножия склона, увидели, что он отрезан от нас огромным потоком воды, переполнившим старое русло. Только в самом узком месте, если его удастся найти, можно пересечь поток.

Мы идем по обширному болоту, нащупывая под водой кочки; соскакивая с них, погружаемся в воду по грудь. С большим трудом преодолев поток, вышли на тропу,

идущую по склону, но и здесь приходится идти по колено в воде. Все, решительно все — и стволы деревьев, и почва, а особенно лишайники и мхи, и даже, кажется, камни — насквозь пропитано влагой. С гор по самым незаметным ложбинкам с диким грохотом, сливающимся в сплошной неясный гул, рушатся вниз белые водопады. Наводнение достигает апогея.

К вечеру отряд подходит к реке, вырывающейся из бокового распадка, но все попытки преодолеть ее не имеют успеха. Мы отходим назад, выше по склону, и останавливаемся под большим кедром. Разрядив несколько патронов, мы кладем вату прямо на порох. Оводов стреляет в мох, но вата улетает куда-то в сторону, и найти ее не удается. Тогда Оводов стреляет в кепку, но вата пробивает в ней большую дыру и снова исчезает. Тогда приходится стрелять в кепку, заложенную в капюшон плаща,— опыт удается: в наших руках оказывается драгоценный комочек тлеющей ваты. Но раздуть огонь оказалось делом нелегким. Пришлось испортить еще около десяти патронов и сжечь несколько ценных пленок, пока удалось развести спасительный огонек. Мы боимся поднести к нему руки — они так трясутся, что могут случайно разрушить разгорающийся костер.

За ночь мы не успеваем полностью обсушиться, но все же удается унять жуткую дрожь, которая не покидала нас весь предыдущий день.

Утром поднимаемся к вершине гребня в надежде увидеть Байкал, и вскоре он перед нами — вдали, вправо от пади, виднеется серая полоска Байкала. Мы спускаемся в падь и вдоль реки, которую вчера не сумели преодолеть, идем к перевалу и вскоре уже стоим над одним из левых притоков Шартлая.

Наконец, впервые за много дней, на небе разверзается черная мгла. Выглядывает солнце. Но мы так долго ждали его, что оно не приносит нам ожидаемой радости.

Мы останавливаемся на отдых, снимаем с себя все: сапоги, плащи, штормовки, рубашки — и вешаем их сушить на кусты стланика.

Никифоров пытается причесать свои волосы. Они у него пышные и курчавые, и он редко употребляет расческу. Обычно он запускает в свою шевелюру пять пальцев, проводит ими несколько раз ото лба к затылку — и прическа готова. Но сейчас пальцы не проникают

внутрь — волосы плотно прилегают к голове, они жесткие и слипшиеся. Тогда Никифоров вспоминает, что у него в кармане должна быть расческа. Он лезет в карман и среди мокрых и ржавых вещей нащупывает кусок поломанной расчески. В следующий раз буду брать алюминиевую, говорит Никифоров. Он проводит ей несколько раз по волосам, но когда смотрит на расческу, видит в ней пучок волос. Он вышвыривает их и еще раз снова причесывается, и снова вырывает ворох ослабшего и иссекшегося волоса.

Я смотрю на его ноги. Пальцы на них сильно разбухли и побелели от беспрерывного пребывания в воде. Я с удивлением вижу, что комары, впившиеся в них, не причиняют боли. Мышцы его рук и шеи заметно опали, но ноги «потолстели», и кажется, что кожа на икрах и с внутренней стороны у коленок готова лопнуть от распирающих ее мышц.

Пржевальский говорил, что путешественником надо родиться. Я совершенно уверен в том, что и Никифоров, и Оводов, а также Великанин, Карамышев и Лазаренко родились путешественниками. В самые тяжелые дни наших экспедиций ни один из них никогда не падал духом.

Мы стоим высоко над Байкалом, на краю Обручевского сброса, у одного из левых притоков реки Шартлая. Над нами сияет солнце, а внизу лежит густая пелена тумана. Полоса тумана охватывает часть Байкала, простираясь километров на десять от берега и занимая пространство от Шартлая до мыса Покойников. Мы начинаем спуск к туману.

Сверху туман напоминает море, встревоженное крупной мертвой зыбью, но только волны этого моря белы, как снег. В расположении волн не заметно того безукоризненного порядка, какой мы привыкли видеть в чередовании волн Байкала. Белые гребни вздымаются высоко вверх, круто изгибаются к северу и обрываются вниз мириадами брызг. Кажется, что сильный порыв ветра с трудом срывает с тяжелых волн белые гребни. Очертания волн тумана изменяются так медленно, будто сильно разбушевавшееся море внезапно застыло по воле провидения, да так и замерло, затаив дыхание.

Вскоре мы входим в туман и выходим на берег озера. Туман уже не кажется ни белым, ни неподвижным. Множество крошечных капелек воды быстро проплывает в

южную сторону. Видимость не более пятидесяти метров, но и на этом расстоянии очертания предметов сильно расплывчатые.

Все говорит об огромной густоте тумана, о большой насыщенности воздуха влагой. Камни в полосе литорали совершенно мокрые от тумана. Любопытное зрелище представляют собой ветви и иглы деревьев. Хвоя лиственниц кажется усыпанной множеством светящихся точек — буквально на каждой хвоинке висит по крупной капле воды. Достигнув определенного размера, капля падает вниз, а на ее месте вскоре возникает новая, которая тоже падает вниз. Под деревьями невозможно пройти, чтобы не промокнуть насквозь. К ночи туман начинает рассеиваться. Если днем ни один луч солнца не мог пробиться к Байкалу, то сейчас хорошо виден блеск луны.

В районе Покойников мы выходим из полосы тумана. Какое же огромное количество влаги приняла здесь земля, влаги, которая не всегда учитывается в общей сумме атмосферных осадков.

Берег Байкала между Шартлаем и Покойниками труднопроходим даже днем, и мы с трудом преодолеваем множество высоких прижимов. В полночь мы добрели до своих палаток и как мертвые упали на спальные мешки.

На другой день отряд возвращается к базовому лагерю в губе Заворотной.

НА ОЧАРОВАННОМ БЕРЕГУ

Мы живем на берегу большого залива, в изумительно живописной местности, у подножия гор, рядом с холодной, прозрачной водой — словом, мы живем на очарованном берегу. Наш берег имеет все необходимое, чтобы сделать пребывание здесь много интереснее, чем нам представлялось в мечтах до экспедиции.

Время от времени мы нагружаем паняги и уходим за перевалы, но неизменно возвращаемся к нашему базовому лагерю, где нас поджидает дежурный, вкусный домашний обед и самозабвенный отдых. Несколько дней передышки мы используем для того, чтобы привести в порядок свои вещи, обработать собранные материалы и набраться сил для нового подъема в горы.

В свободные часы мы выходим на берег, для чего достаточно сделать два шага, ложимся на гальку и наслаждаемся красотой озера.

Длинной косой, со временем превратившейся в полуостров, залив почти отрезан от озера. Суда находят здесь великолепный отстой — даже сильные волнения никак не отражаются на его всегда спокойной поверхности.

Восточный берег залива крут и глубок. Там водятся крупные хищные щуки и ползают по дну зеленые налимы. Залив у западного берега значительно мельче; тут и там выступают из воды груды камней, между которыми много мелких проливчиков, хорошо прогреваемых солнцем. Здесь настоящее раздолье для мальков многих рыб.

Небольшими стайками между камнями проплывают окуньки, быстро проскакивают мальки черного харпуса, а на самых мелких местах резвятся огромные косяки сибирских гольянов.

Местами вода как будто кипит от множества резвящихся рыбешек. Плотные табунки гольянов сбиваются в несколько рядов друг над другом, вылезают на камни, переворачиваются вверх брюшками, и тогда мелькает такой изумительно яркий красный цвет, какой не смог бы создать ни один художник.

Сибирские гольяны населяют заливы и соровые озера по берегам Байкала. Это одна из наиболее красочных байкальских рыб. Гольяны небольшого размера, всего по шесть-десять сантиметров в длину. Спинка у них темная, почти черная, бока золотистые, как у золотого карася, а все брюшко красное. В такой же интенсивно красный цвет окрашена их нижняя губа.

Когда мы подходим к резвящимся гольянам, вся стая с шумом и плеском отплывает от камней, но многие рыбки застревают между ними, и их можно легко поймать руками. Стайки гольянов насчитывают тысячи особей. Мы пытаемся сосчитать их точнее, но это невозможно — каждая рыбка находится в постоянном движении, а вся их масса напоминает клокочущую в котле воду. От нашего неосторожного движения стайки бросаются в стороны, и тогда рыбки выстраиваются в длинные прямые линии.

Велижанин ловит одну самку гольяна, и мы видим, как у него по руке течет желтая икра. Пока рыбка извивается, пытаясь улизнуть с ладони, мы любуемся одним из красивейших созданий. Почувствовав воду, рыбка метнулась и исчезла среди камней.

Здесь, на очарованном берегу, мы были свидетелями многих интересных явлений, о которых можно написать отдельную книгу.

Однажды мы наблюдали вокруг луны сильнейшее гало. Луна, будучи почти полной, находится как раз над Байкалом, на юге, в верхней части нижней трети небесного свода. Вокруг луны ярко светятся несколько разноцветных колец. Сперва ее окружает белое кольцо, имеющее желтый оттенок у наружного края. Затем идет коричневое кольцо, которое светлеет к внутреннему краю. Последнее, самое внешнее кольцо имеет неясный, голубо-

вато-зеленый цвет. Гало то увеличивается, то сокращается, причем это происходит за счет исчезновения голубоватого кольца. Среднее, коричневое кольцо иногда светится исключительно ярко.

На берегу Байкала мы часто встречаем восход солнца. Особенно прекрасными зори бывают в конце июня, когда у птиц начинается разгар гнездового периода.

Два часа тридцать минут утра. «Серебром холодной зари озаряется небосвод». Вы сидите с часами и дневником наготове и ждете, когда проснется тайга. Вскоре раздаются первые голоса пеночек — еще редкие, одиночные, но уже полные страстной силы. Откуда-то с вершины высокой лиственницы слышится хриплая песня юрка.

На востоке, за озером проясняется матовая панорама гор. Еще сумерки, и трудно увидеть птиц, но в это время к хору присоединяются уже многие новые голоса.

В четыре утра полнеба пылает розовым цветом. Раздается голос глухой кукушки. Все ярче и ярче пылает небо, и вот в четыре часа пять минут из-за горизонта выплывает солнце. Оно кажется огромным и таким ярким, что на него невозможно смотреть.

К восьми часам птиц уже почти не слышно, и только юрки протяжно тянут свои однообразные скрипучие мелодии. Становится жарко. Хор совсем умолкает, один дубровник поет в продолжении всего дня, и даже тогда, когда козодой перестает говорить свои задумчивые сказы, слышна скромная, однообразная, но очень душевная песня дубровника.

Вокруг нашего лагеря буйно цветет даурский рододендрон, хотя уже самый конец июня. В то время как вдали от берегов, где гораздо теплее, он уже полностью отцвел, здесь, у самого берега озера, наблюдается его массовое цветение.

Лиственничные леса неповторимы благодаря цветущим кустам рододендрона. Хочется бродить и бродить по лиственничному лесу и любоваться фиолетово-розовым морем цветов. Отсутствие листьев во время цветения делает кусты рододендрона похожими на розовые шатры. Как-то севернее Заворотного нам впервые удается увидеть куст рододендрона с белыми цветами. Он хорошо развит, имеет до десяти ветвей, но цветы его снежно-белые и только кончики тычинок буроватые, а конец пестика желтый.

Лиственницы, окружающие наш лагерь,— настоящее царство пауков. На каждой, даже самой маленькой лиственнице можно увидеть несколько крупных пауков. На высоких деревьях их обитает по нескольку десятков штук. Между ветвями лиственниц протянуты нити сотен паутин. Они соединяют ветви соседних деревьев, и, пользуясь ими, пауки могли бы проходить тысячи метров, не спускаясь на землю.

В ловчих сетях паутин эти северные вампиры собирают богатые коллекции. Чаще всего в них погибают мелкие мошки, хирономиды, ручейники и комары. Они во множестве скапливаются в паутинах, а иногда их бывает так много, что они скрывают паутину. На обед паукам часто попадают мелкие бабочки, жуки-мягкотелки и даже небольшие стрекозы-стрелки. В лучах солнца паутины бывают очень эффектны, весь их богатый узор напоминает елочные украшения.

Пауки стараются не вмешиваться в нашу жизнь, и мы не терпим от их близкого соседства решительно никаких неудобств. Больше того, долгое время мы их вообще не замечаем, и только после того, как кто-то запутывается головой в паутине, мы уделяем им должное внимание и по достоинству оцениваем их многочисленность.

Но, видно, давно уже пришло время, когда со всем этим пора расставаться. Говоря откровенно, мы хотим расстаться с этим как можно скорее. Иногда кажется, что все это надоело нам до последней степени.

Работы закончены, пора подвести итоги. Вот что сказано по этому поводу в одной из работ, освещающей самые общие результаты наших двухлетних исследований:

«В течение двух летних периодов наши работы проходили на северо-западном побережье Байкала и на Байкальском хребте от мыса Рытого до мыса Мужиная. На этом участке обследовано большинство рек, впадающих в Байкал, включая верховья рек Рытой, Шартлая, Солнце-Падь, Малой и Большой Солонцовой, Южной, Северной и Средней Кедровой, Елохиной, Хибелена, Большой и Малой Косы, и многие ручьи, не имеющие названия на карте. Примерно третью часть полевого периода мы посвятили изучению фауны птиц верховьев рек ленской системы: Левого Улькана, Толококтая, Левой и Правой Киренги, Лены, Малой Лены, Левой и Правой Тонгоды,

лежащих в пределах высокогорной области. Эти маршруты позволили довольно полно выявить состав высокогорной фауны Байкальского хребта. В обследованном районе была собрана коллекция птиц, насчитывающая свыше тысячи экземпляров. С восьмидесяти восьми видов птиц были собраны эктопаразиты и почти для всех найденных видов собраны данные по питанию, размножению, размещению по биотопам...»

Это — неплохие результаты, и мы не можем не чувствовать некоторого удовлетворения.

Наши многолетние исследования Прибайкалья, а также интересные и плодотворные работы предшественников показали, что мир пернатых Прибайкалья исключительно многообразен. Фауна птиц Прибайкалья уже насчитывает около трехсот тридцати видов, несмотря на то что она еще недостаточно изучена, и здесь, безусловно, будет сделано еще немало находок. Сейчас уже можно сказать, что фауна птиц северного Прибайкалья, за исключением некоторых отдельных его районов, изучена достаточно хорошо. Однако западное и восточное побережья этого озера почти не посещались орнитологами — для будущих орнитологов здесь открываются замечательные возможности.

Изучение фауны птиц Прибайкалья может дать пищу для самых глубоких размышлений, крайне важных и интересных выводов. Но всегда нужно помнить, что работа орнитолога на Байкале, как и во многих других горных странах,— одно из тяжелых и иногда опасных занятий. Только тогда, когда эта работа освещается страстью коллекционера и путешественника, она становится приятной и плодотворной, так как она уже не есть только физический труд, а захватывающее творчество.

В связи с исключительным многообразием орнитофауны Прибайкалья интересно вспомнить выводы из первых исследователей.

Известный натуралист Густав Радде летом 1855 года совершил путешествие почти вокруг всего Байкала, одной из главных целей которого было изучение птиц. Однако Радде навсегда вошел в историю Байкала не своими орнитологическими коллекциями и наблюдениями, а ошибочным мнением о чрезвычайной бедности Байкала в отношении животного мира. Для нас же самым интересным является тот факт, что Радде считал Прибайкалье крайне

небогатым птицами. Он писал, «что не может быть и речи о видовом разнообразии, и это особенно оправдывается на пернатых». Радде в полной уверенности утверждал, что летом «при Байкале водятся» только два вида овсянок, из которых белошапочная овсянка «держится попарно на высотах», а второй вид, овсянка-дубровник, «водится небольшими стаями по всему побережью озера». В перечне Радде для Байкала встречается едва ли около семидесяти видов птиц.

Любопытный парадокс — именно по своей гидрофауне Байкал превосходит все пресные водоемы мира и именно орнитофауна Прибайкалья чрезвычайно многообразна по сравнению со всеми другими группами позвоночных, а род овсянок по разнообразию видов представляет собой уникальное явление для всей нашей страны и, кажется, для всей Палеарктики.

Здесь не место разбирать подробно причины ошибок Густава Радде, но следует сказать, что одной из причин было использование старых экспедиционных методов работы.

Если для некоторых других районов страны такие методы до сих пор не потеряли своего значения, то на Байкале их нужно чередовать, а иногда и полностью заменять стационарными и полустационарными. Только многолетнее стационарное изучение фауны птиц может удовлетворить запросы современной зоогеографии, особенно при изучении колебаний границ распространения птиц и для изучения многих других проблем. Эти методы исследования могут очень полно выявить фаунистический состав и точно наметить границы распространения отдельных форм.

ПРОЩАЙ, ОЧАРОВАННЫЙ БЕРЕГ

В одном из стихотворений Гейне сказал, что мир постоянно меняется и может казаться нам то молодой красавицей, то ведьмой, в зависимости от того, через какие очки мы на него посмотрим — выпуклые или вогнутые.

Во время экспедиций по Байкальскому хребту мы объединяли в себе два разных мира — мир цивилизации и мир безлюдья. К концу нашей работы между ними возникали конфликтные отношения.

В последние дни путешествия мир цивилизации начинал превращаться для нас в молодую красавицу. В гольцах уже лежал ослепительно яркий снег. Это было непередаваемо красиво, но по утрам спальные мешки покрывались толстым слоем инея, и красота не находила больше в наших душах благоприятной почвы для посева.

Постепенно кончались продукты, и наше меню превращалось в сплошное недоразумение. Кончались боеприпасы, мы вынуждены были беречь каждый заряд. Все кончалось, и, может быть, поэтому кончалось терпение. На все, что нас окружало, мы смотрели сквозь вогнутые очки, а на все, что нас ждало впереди, мы смотрели как на спасение. Но катер, как всегда, сильно опаздывал.

Мы мечтали о том счастливом времени, когда сможем снова — как всегда ровно в девять — войти в свои лаборатории, сесть на теплые стулья и взять в руки теплые ручки.

Мы мечтали о том, что в будничной обстановке городской жизни остается незамечаемым. Множество вещей приобрело для нас новую меру.

Теплые, чистые простыни стали нашей навязчивой идеей. Мы с нежностью думали о тех местах, где человеку всегда бывает тепло: где ему не нужно неделями бродить по горам, чтобы добыть на обед кусок мяса; где нет тысячекратно проклятого гнуса — самого страшного бедствия тайги; где от дождя можно спрятаться в одном из ближайших подъездов и где можно обойтись без специально экспедиционных плащей.

Чаще всего мы вспоминали книги — книги, помогавшие до конца понять то, что давали нам личные впечатления; книги, объяснявшие нам все движения человеческой души. Мы тосковали по ним, как по близким людям.

Мы вспоминали чудесные полотна, которые постоянно будут напоминать человеку о том, как необходим для него зеленый шум листвы и как невыразимо прекрасна жизнь гор и осенние байкальские закаты.

Только преходящее прекрасно, сказал какой-то мудрец. Преходящее! Оно может быть прекрасным только тогда, когда вы уверены, что еще вернетесь к нему и оно будет вашим. В постоянном возвращении к самому дорогому в жизни и состоит высшая радость перемен.

Однажды в полдень на берегу раздался радостный клич. Мы высунулись из палаток. Из-за мыса, покачиваясь на крутых волнах, выходил белобокий катер. Далеко в море, обогнув опасную мель, он круто завернул к берегу и взял курс на наш лагерь.

Мы все, как по команде, «надели» выпуклые очки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Решительно, мы едем по зоопарку 9
К верховью Малой Косы 19
В истоках Левого Улькана 36
Через Байкал на резиновой лодке 55
На мысе Рытом 63
К верховью Малой Солонцовой 72
В истоках Левой Тонгоды 82
Урочище Монгольские Степи 97
Рядом с Байкалом 105
К верховьям Лены 115
На очарованном берегу 135

Фотоиллюстрации *О. Гусева*,

а также:

Н. Бохонова — 13, *Г. Левенштейна* — 3, *Н. Митрофанова* — 22, *Н. Овобова* — 2, 15, 19, 27 и *А. Рожкова* — 11

Гусев, Олег Кириллович

В горах Северного Прибайкалья (записки путешественника-натуралиста). М., «Мысль», 1964.

144 с., 16 л. илл.

(«Рассказы о природе»).

91(С18)

Редактор *К. О. Добронравова*

Оформление художника *Г. А. Кудрявцева*

Художественный редактор *В. Д. Карандашов*

Технический редактор *Д. А. Глейх*
Корректор *З. А. Авдюшева*

Сдано в набор 14 апреля 1964 г. Подписано в печать 18/VI—1964 г. Формат бумаги $84\times108^{1}/_{32}$. Бумажных листов 2,25+0,25 вклейки. Печатных листов 8,2. Учетно-издательских листов 8,05. Тираж 47 000 экз. А02581. Цена 23 коп.

Темплан Географгиза 1964 г. № 45
Заказ № 1500.

Издательство социально-экономической литературы «Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Москва, Ж-54, Валовая, 28

23 коп.

издательство
„МЫСЛЬ"